

Не много времени прошло после битвы с армией мертвых. В королевстве юной Винетты Вильсхолльской полыхает гражданская война. Но это только полбеда. Ибо скучно живется Лукке-Висельнику в славном городе Уилтаване: в гости никто не зовет, соседи все разбежались, поэтому и пить приходится со всякими подозрительными типами.

А тут еще и мамуля приехала. Жениться, говорит, тебе надо. И причем срочно!!! Поневоле со старыми друзьями в леса подашься, партизанить. Заодно, глядишь, и невеста подберется, и героем прослывешь. Потому что не каждому дается шанс стать Троллем Ее Величества!

Александр ПЛАХОТИН
ТРОЛЬ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Рваное Ухо, снарядив стрелу, краем глаза взглянул на вождя. Лесной Камень переговаривался с тэндхом^[1], в свою очередь оглядывая своих, готовы ли? Где-то внутри Ухо передернуло: «Разговаривать с людишкой! И куда только смотрят боги?! Убивать! Резать их надо!..» Отсюда было хорошо видно, как человек что-то втолковывал вождю, а тот, согласно кивая, уточнял, указывая рукой на вставший в лесной глуши на ночлег обоз. «Человек командует орком. Орк подчиняется человеку, — горестно вздохнул Ухо, — и что будет дальше? Видит Устах, при первой же возможности я перережу глотку этому недоноску, не будь я сыном Чажо Утиру!»

Вождь вскинул руку: «Готовься!». Ухо прицелился в ближайшего к нему обозника. «Не этот, так тот». — Тетива натужно закрипела, готовясь выбросить черную, в полторы локтя стрелу.

Камень махнул рукой, пальцы Уха разжались, и оперенная смерть со свистом впилась в шею стражника, как раз туда, где начиналась броня, оголяя незащищенную кожу.

— Орки, вперед!

Ухо, почти не целясь, выпустил следом еще две стрелы и выскочил из-за укрытия, вынимая на ходу чуть искривленный меч. Короткие ноги несли орка к враз запыхавшим повозкам, руки слегка дрожали от предвкушения боя. Люди выпрыгивали из занимающихся кострищ, спросонья еще не разобрав, что происходит, где враг.

— Смерть им! — Эхо прошло над верхушками сосен.

— Смерть! Смерть им! — отозвался в голове молодого орка клич Камня.

Удар пришелся в щит стражника. Человеку повезло — он не погиб под первым залпом стрел и теперь, очнувшись ото сна, бился с завидным хладнокровием, спокойно разыгрывая эту партию.

Он не был юнцом. Рваное Ухо повстречал закаленного в боях ветерана — сильного и умелого противника. Орк сразу понял, что этого не возьмешь силой и ухарством молодости — тэндх знал, как гасить могучие удары и сохранять силы для последнего рывка. Сын Чажо Утиру — Выбитых Зубов не боялся противника. Опасался? — да! Нет ничего постыдного в том, чтобы сохранить свою шкуру до седой шерсти. Так или иначе, но все уже было предрешено — сегодня орков было намного, раз в пять, больше, чем людишек. Пусть даже хоть каждый из стражников и стоил бы двоих-троих из собратьев.

Маленький человек отразил мечом очередной удар Уха и неожиданно для того врезал ребром щита. Малоопытный орк пропустил удар. Край щита врезался в шлем, в ту часть, где забрало прятало крепкие молодые зубы. Ухо почувствовал во рту вкус крови и режущие осколки зубов. В голове помутилось, тошнота подперла к горлу. Следующий удар мечом Ухо просто не заметил. Острое лезвие, распоров кожу брони, ворвалось в живот и сразу же крутанулось, наматывая кишки на себя. О таком орк только слышал от бывалых товарищей. По глазам ударил резкий свет, Ухо на мгновение ослеп, выпуская из руки секиру, даже не успев увидеть, как бор-От^[2] с разворота отправил его ногой на присыпанную хвоей землю, разворачиваясь к новым нападавшим.

Последнее, что узрел сын Чажо Утиру, была ярко-красная луна, вечно догоняющая свою небесную сестру — такую же красную, как кровь.

— Ваше величество, — изогнулся придворный в глубоком поклоне, — желает откусить?

Винетта Вильсхолльская в сиреновом шелковом платье присела за длинный широкий стол, уставленный яствами. Большая черная псина улеглась рядом у ног хозяйки, с самым равнодушным видом положив морду на передние лапы.

— Что желает ваше величество? — Вышколенный слуга умудрился изогнуться почти до пола.

— Оставь это, Боурдж. — Королева жестом отослала телохранителей-стражников из зала. — Что у нас сегодня на завтрак?

Камердинер, выпрямившись, стал обходить стол, поочередно указывая на накрытые крышками блюда.

— Морской салат, овощной салат, салат из птицы и фруктов. Тушеная куропатка, гусяная печенка, запеченная рыба, адау-киол, овощное рагу...

— Ты хочешь, чтобы я растолстела, Боурдж?

— У вашего величества сегодня будет тяжелый день. Я полагаю, что завтрак должен быть плотным.

Молодая служанка выложила на широкое блюдо адау-киол и неспешно стала накладывать на другое блюдо морской салат.

Вошедший эльф, поклонившись королеве, уселся напротив за дальний конец стола.

— Что угодно вам, сударь? — Боурдж церемонно, но в то же время как-то холодно наклонился к Купу.

Эльф поднял на придворного красные от бессонницы глаза. На какое-то мгновение их взгляды сцепились в молчаливом поединке. Куп первым сложил оружие.

— Тушеную куропатку, красного вина, — охрипшим голосом попросил он.

— Не рановато ли, дорогой? — Винетта недовольно нахмурила лобик.

— Нормально. — Куп одним глотком осушил поданный кубок и, подцепив на трехзубую серебряную вилку кусок мяса, отправил его следом за зерстским.

Винетта, знаком удалив слуг из зала, вопросительно посмотрела на возлюбленного.

— Айдо вернулся. — Эльф налил себе еще и, не поднимая головы, не то выговорил, не то выплюнул слова: — Один... вернулся...

Королева замерла с поднятым бокалом, пристально вглядываясь в лицо возлюбленного. Насилу подняв голову, Куп ответил взглядом на взгляд.

— Подробности позже. — Эльф взболтнул вино в бокале. — Сам расскажет, когда отдохнет.

Королева по-мужски, одним глотком, выпила свою порцию и, резко встав, подошла к широкому, во всю стену, окну.

Столица в эти утренние часы была прекрасна. Не одно поколение владык Вильсхолла строило город, приглашая самых известных архитекторов Восьмой грани Кристалла.

Перед Дворцом Владык, поражая воображение своей изысканностью, раскинулась Площадь Фонтанов. От нее в разные стороны разбегались улицы, терявшиеся меж уходящими вдаль высокими домами. Их стены как бы излучали розовый свет, заливая им проснувшийся город, заполняемый пестрой толпой. Потом ближе к полудню волей искусства забытого зодчего розовый свет сменится светло-зеленым, чтобы в наступающих сумерках стать убаюкивающим душу голубым.

А ночью, когда всходили луны, город мерцал, переливаясь всеми цветами небесного

моста. Особенно неповторимое зрелище царило раз в шесть лет, когда ночные сестры, только-только народясь, сходились и плыли рука об руку.

— Иногда я ненавижу этот город, — всматриваясь в горизонт крыш, проговорила Винетта. — Если бы ты знал, сколько крови, жизни хранит в себе эта... застывшая музыка, — владычица буквально выдавила последние слова.

— Первое, чему учат наследников престола в династии Гиеров, после чтения и письма — это история возведения Вильсхолла. Кто, какие именно дома, улицы, парки, фонтаны, скульптуры. Сколько средств было потрачено, сколько погибло при строительстве. Деньги и жизни. Жизни и цены. Ни одного мени архитектора. Ни одного имени мастера. Только золото, цены и жизни погибших строителей. Видишь вон тот фонтан с фигурой ревущего льва? Его строили каторжники-смертники Тавер-Сикха по указу Гиера Четвертого Красивого. По окончании работ выживших насильно поили вином «в честь конца их мучений». Поили до тех пор, пока они не переставали дышать. Дворцовая изгородь из литого чугуна привезена из Науга. Такое делают только там. Перевозка обошлась двору дороже, чем ее стоимость, — восемьсот тысяч золотом. При разгрузке и установке ограды погибло восемьсот человек. Интересное совпадение. За каждую жизнь по тысяче золотом... Стены большинства домов, дающие такое необычайное освещение города, выложены из камней, привезенных с далеких южных островов с другой стороны грани. При подходе к Гольлору два корабля затонули, прихватив с собой триста прикованных к веслам невольников-гребцов. А сколько человек погибло, когда груз доставали с океанского дна?

Эльф повернул девушку к себе, та, тесно прижавшись к нему, зашептала, вот-вот готовая зарыдать:

— Милый, я устала... Слышишь, устала. Уже полтора года как я здесь, а это не прекращается. Кажется, что все здесь пропитано смертью! Мне страшно здесь жить, я хочу все бросить и исчезнуть, уехать с тобой куда угодно, лишь бы не видеть этот город!

— Но, дорогая... — начал было эльф.

В дверь тихонько, но настойчиво постучали. Винетта Вильсхолльская, промокнув слезы батистовым платочком, вернулась к столу.

— Куп, открой, пожалуйста.

— Ваше величество, — склонил голову Айдо, — рад видеть вас в добром здравии.

— Оставьте эти церемонии, мой дорогой. Прошу вас, садитесь. Присаживайтесь и вы, господа.

Куп вместе с Измони, военным советником и командующим войсками Вильсхолла, вслед за Айдо уселись за восьмигранный стол.

— По тому, как я вернулся один, вы, я полагаю, догадались, что обоз, попав в засаду, был полностью уничтожен.

— Выжили только вы? Больше никто не уцелел? — уточнил старый воин. Получив молчаливое «нет», он, нахмурясь, сжал рукоять меча. — И кто это был? Ловар де Сус? Клан Никсдор?

— Я не могу ответить вам, сударь. — Мастер боя поглаживал пальцами бархатную скатерть. — Совершенно точно могу сказать одно: это были орки.

— Орки?! — недоверчиво прищурился Измони.

— Они самые, — грустно улыбнулся Айдо. — Нас атаковали, когда вторая луна только собиралась уходить. Первый залп убил часовых и поджег походные шатры. Вторым они

уложили выскочивших наружу. Затем бой. Точнее, резня... Превосходство противника составляло где-то один к семи.

— Один к семи?! — поднял брови советник. — Вы изволите утверждать, что в каких-то четырех днях перехода от столицы барражирует целая армия, а мы об этом узнаем, только когда уничтожен третий посольский обоз подряд? И как, позвольте узнать, эта орда до сегодняшнего дня исхитрилась остаться незамеченной? Где ее логово? Какова конечная цель?

— Вы спешите с вопросами. Позвольте мне продолжить свой рассказ. Итак, обозников окружили плотным кольцом, не давая вырваться в лес. Я ушел только благодаря сноровке и Небу. Меня гнали, словно охотничью дичь, но я исхитрился затеряться в болотах. Меня караулили четыре дня, а потом убрались восвояси.

— И вы четыре дня просидели среди трясины и камышей? — недоверчиво протянул Измони.

— Я отлично выспался, — улыбнулся маленький человек. — Не скажу, что это было особо трудно, бывали ситуации похуже. Скажу другое. Это была не просто орда, банда. В округе до этих событий текла нормальная обыденная жизнь. Никто и знать не знал о каких-нибудь орках. За день до нашего появления по западному тракту прошел торговый караван в Бревтон. Охраны почти никакой, обоз просто богачейший, а его, заметьте, не тронули!

— Если только потом не встретили, — вставил слово эльф. — Могли пропустить для другой банды, что вполне возможно, а может, просто боялись спугнуть королевский караван.

— Вы хотите сказать, что вас ждали? — горестно покачал головой советник. — Ждали именно этот обоз?

— Да, сударь, но вот еще что, — Айдо откинулся на спинку кресла, — этими орками командовал человек.

Присутствующие переглянулись.

— Что вы так на меня смотрите, — непринужденно продолжал бор-От, — я сказал то, что сказал. Свинорылыми командовал человек, — мастер нехорошо улыбнулся, — я сам его видел.

— Видел и не убил? — подняла голову Винетта. — Вы хотя бы его рассмотрели?

— Увы... — сокрушенно пожал плечами мастер Айдо. — Простите, ваше величество, но, к сожалению, я не всемогущ. Рук просто ну ни на что не хватает!

Лесной Камень был зол, как никогда. Проторчать четыре с лишним дня у вонючего болота и таки упустить тэндха, порезавшего целую дюжину бойцов, причем не самых худших! В душе вождя свербело еще оттого, что этот человек не был простым воином. Камень был готов отдать что угодно на отсечение — тэндх был бор-От, одним из тех, кого называют воителем с большой буквы. Орки гнали беглеца три солнца, а он ушел, походя отправив еще пятерых в Норы Устаха. Ох, неспроста этот бор-От оказался в обозе, неспроста!

А еще этот недоносок, присланный Уча Игоном с указанием подчиняться тэндху, как ему самому! Слава Устаху, он почти не лез со своими указаниями, оплачивая собственное пребывание в орде монетой, фэлом и добрым советом. И все равно только одним своим присутствием выводил вождя из себя. Хотя именно благодаря советам человечешки, ватага Камня один за другим совершала дерзкие набеги на обозы, пополняя припасы, добывая оружие и золото, уходя незамеченной и почти без потерь.

Присланный, назвавшийся Ярой, в боях не участвовал. Никогда не показывал лицо, пряча его под капюшоном плаща. Ел и спал отдельно от ватажников. Несмотря на природную худобу, обладал немалой силой и сноровкой. В первые дни пребывания в отряде двое молодых решили подшутить над пришлым. В результате один чуть не скончался от ран, а другой остался без передних зубов.

День шел за другим, и, когда орда, войдя в Южный Лес, прикидывала, на какую именно деревню совершить набег, Яра предложил, именно предложил, а не приказал, нечто иное.

Орки перешли границу Вильсхолла и, не трогая нищие деревни, пошли на северо-запад страны. Вскоре Яра указал место недалеко от границы с Бревтоном. Посольский обоз. Чтс может быть лучше — после торгового, конечно! Орда повеселилась на славу! Тех, кто умудрился уйти от мечей, ближе к полудню отловили в лесу. Их предсмертные вопли, подгоняемые запахом жареного мяса, долго кружились над вековым лесом.

Яра попросил Лесного Камня уничтожить все следы нападения. Так и было сделано. Набив мешки добычей и провизией, остатки фургонов, тел и лошадей что закопали, а что утопили в реке. Потом Яра исчез и появился в лагере через пару дней, направив орду на другой обоз, идущий на юг Вильсхолла.

Три луны без отдыха. Огибая деревни, едва не нарвавшись на «золотых», ватага, однако, успела перехватить обоз за день пути до границы. Вымотанная, озлобленная бессонницей, орда налетела на лагерь королевских послов. Это был первый и последний раз, когда Яра дрался плечом к плечу с ватажниками. Более того, когда орки окружили фургон, как понял Камень, с самими послами, Яра самолично взял в руки лук и выпустил первую подожженную стрелу.

Лесной Камень никогда не считал себя брезгливым. Жестоким — да. Его память хранила моменты, о которых хотелось бы забыть, но... Но тот день вождь старался сохранить в своей душе до мелочей.

Яра сам выпустил первую подожженную стрелу, запалившую фургон. А затем, когда огонь охватил полотнище повозки, вооружившись мечом, загонял обратно в костер пытавшихся выбраться людей. Вскоре от кострища остались одни головешки, и он, отогнав от места пожара ватажников, долго рылся среди выгоревшего дерева и тел и не успокоился, пока не нашел на одном из них толстую цепь с закопченной восьмиугольной звездой. Как уяснил Камень, знаком личного посла владыки Вильсхолла.

Вождь сам не понял почему, но, глядя на все это, он почувствовал: его охватило такое чувство мерзости и брезгливости, что он едва удержался, чтобы не перерезать тэндху горло.

Широкими шагами Ловар де Сус граф Алассия в сопровождении капитана и двух солдат охраны подходил к лесному перекрестку. Там его уже ждали. Зоркие глаза графа разглядели главу клана Никсдор, также в сопровождении трех воинов гвардии, и женщину, облаченную в роскошные одеяния.

— Герцог, — подойдя к ним, в приветствии вскинул руку де Сус. — Сударыня, — вежливо склонил голову перед дамой.

— Маркиза, — голос герцога был сиплым — память о неудавшемся покушении, — позвольте представить вам великолепного Ловара де Суса графа Алассию.

— Мы знакомы, милый Росорд, — протянула руку для поцелуя красавица.

«А ведь действительно знакомы! — хмыкнул про себя граф. — Гиер представлял нас в своем замке. Это было на...»

— Король Гиер представлял нас три года назад на весеннем карнавале, — дама словно читала мысли де Суса, — маркиза Латалиа.

«Точно! Кто-то еще шепнул мне, что Гиер просто без ума от этой... Ну и зачем старый пень привез ее сюда?»

— Граф, позвольте вас заверить, что маркиза не только разделяет наши цели, но и готова оказать нам посильную помощь.

«Помощь? Чем? Диванным пуфиком?»

— Вы зря так недоверчивы, граф, — мило улыбнулась фаворитка покойного короля, — в наше время женщины способны не только плести интриги и воевать при опущенных шторах, — Граф почувствовал, что краснеет, а Латалиа, будто ничего не замечая, спокойно продолжала: — Поверьте, вы не разочаруетесь. Пройдемте, господа.

На лесной поляне высился шатер с вышитым на нем старинным гербом Никсдора. Дворяне неспешно скрылись внутри. Полог опустился, у входа замерли солдаты вельмож, двое преданных слуг герцога засуетились у переносного очага, готовые сорваться с места по первому зову своего господина, потребовавшего закуски и напитки. Слуги то и дело осторожно поглядывали в сторону высившихся стеной деревьев, за которыми укрылись лучшие головорезы герцога Росорда. Так... на всякий случай.

— Уверена, господа, вы думаете о том, зачем я пригласила вас на эту встречу. — Маркиза отставила в сторону пригубленный бокал вина.

— Так это вы собрали нас? — искренне удивился граф. — Герцог, извольте объяснить, я думал, что о нашей связи...

— Немного терпения, мой друг. — Росорд говорил тяжело, с остановками, набираясь сил перед каждым новым словом.

— Простите, сударыня. — Де Сус откинулся на спинку кресла. — Продолжайте, я весь внимание.

— Надеюсь, вы простите мне небольшое лирическое отступление. Господа, сделаем вид, что никто ничего не знает. Ни кто вы. Ни что вас может связывать. Ни что вы готовы в ближайшем времени совершить. Итак... После смерти Гиера Одиннадцатого единственным законным наследником на престол оказалась его дочь Винетта Вильсхолльская. Граф! — Латалиа предупредительно выставила ладони. — Прошу меня не перебивать. Имейте терпение! Дочь короля, насколько я помню, появилась здесь в сопровождении двух магов из числа Конклава Двенадцати. Маги убрались восвояси, а девушка на пару с неким эльфом осталась здесь разгребать все то, что вы, господа, уже успели натворить. Вы, граф, настаивая на том, что доводитеесь двоюродным братом покойному королю по отцовской линии, заявили свои права на престол. Ваши права усиливало еще то, что по законам нашего многострадального государства только мужчины королевской крови имеют право носить корону Вильсхолла. Но есть одно маленькое замечание: прямые наследники... — маркиза выдержала длинную паузу, — чистой королевской крови. А ваша мать, дорогой де Сус, — простолюдника.

Граф Алассия побелел, с трудом сдерживая себя.

— Произошел прецедент. Винетта — не мужчина, но чистой королевской крови, а вы, сударь, таковым являетесь, но ваша родословная... — Видя бледность собеседника, женщина не решилась продолжать. — После Совета Старейшин королевства, подкрепленного словом Конклава Двенадцати, владыкой становится Винетта.

— Но еще до этого герцог Росорд, губернатор Северного Вильсхолла, объявил свою

область свободной, опираясь на то, что в свою бытность независимым Никсдором территория была захвачена Гиером Седьмым и насильно присоединена к королевству. А теперь, когда последний из династии умер, он объявляет себя королем северных территорий, возвращая им суверенитет и первоначальное историческое название Королевство Никсдор.

— После Совета Старейшин и провозглашения Винетты владыкой вы, герцог, подали прошение со своими требованиями. В ответ на территорию Никсдора ввели войска. Произошло то, что сейчас называют Столкновением у Ароувана. «Золотые» королевы, понеся огромные потери, отступили. И, насколько я знаю, уже целый год ведутся безуспешные переговоры с королевой.

— К чему вы все это рассказываете, сударыня? — сквозь зубы, еле сдерживая себя, прохрипел де Сус. — Если вам угодно посмеяться над нами, то, право слово, вы изволили выбрать не самую лучшую тему для насмешки! — Граф угрожающе встал.

— Алассия, Отродье вас побери, сядьте! — рывкнув, вскочил герцог, с силой опуская кулак на полированную поверхность походного стола. — Сядьте и извольте дослушать до конца эту женщину.

До побелевших пальцев сжимая эфес меча, граф сверлил глазами Росорда. В конце концов он вернулся на место, распарывая ножнами красный бархат сиденья.

— Успокойтесь, сударь, — сладким голосом прошептала маркиза, — ваше нынешнее состояние просто ничтожно по сравнению с тем, до чего я довела вашего друга. — Она кивнула на враз покрасневшего герцога. — Вы знаете, а ведь он чуть было не спустил на меня всю свою псарню.

— Прекрасно его понимаю... — с нескрываемым любопытством взглянул на отворачивающегося союзника де Сус.

— Но мы отвлеклись. Я здесь, господа, не для того, чтобы читать вам уроки по истории и юриспруденции. Насколько я понимаю, вы решили объединиться. Каждому из вас поодиночке просто не по зубам нынешняя владычица Вильсхолла. Хотя герцог, например, уже стянул на себя часть основных военных сил Винетты. Под вашим контролем, как я знаю, северная и северо-восточная часть королевства.

— Не совсем так, маркиза. На севере как Вильсхолла, так и Никсдора проходят горы Халлатетра, за которыми сразу же начинается Вечная Долина. Эти места, я имею в виду предгорье, безлюдны, и я просто не в силах их контролировать. Впрочем, как и Винетта.

— Дело в том, что горы заселены троллями. Точнее, пещерными троллями. Конечно, иногда они делают вылазки, но далеко не заходят. Так что герцог немного сгустил краски.

— Хорошо. Теперь вы, граф. Дорога на Мериден, а также на Гольлор под вашим присмотром. Ведь так?

— Как и фактически вся южная часть. Иными словами, мы контролируем практически все, кроме центра и узкого прохода на западе. Так что у Винетты есть выход на Бревтон.

— И что с того? — усмехнулась маркиза. — Думаете, владычица Уилтавана сможет предоставить какую-нибудь помощь? Ну, если только моральную. Насколько я знаю, там сейчас тоже... весело.

— Боги, а там-то что? — вскинул голову де Сус.

— Пока ничего серьезного, но я уверена, что вскоре вы, господа, услышите интересные новости.

— Ну-ну... — просипел герцог. — Хорошо, маркиза, мы поупражнялись в географии и политике, но ведь вы не только ради этого оторвали нас от дел?

— Минуту терпения, дорогой герцог. — Латалиа, пригубив вино, внимательно разглядывала мужчин.

«Отродье и все святые! Что же задумала эта чертовка?!» — Алассия почувствовал, что снова выходит из себя.

— Господа, — женщина заметно нервничала, — что вы знаете о пропаже королевских послов?

— Простите? — Граф недоуменно переглянулся с герцогом.

Когда граф де Ходер, посланник ее величества королевы Вильсхолла, наконец-то выбрался на окраину леса, его взору предстала река, неспешно текущая под высоким утесом в прощальных лучах уходящего солнца. «Слава Небесам! Келебсир — граница Бревтона! — устало выдохнул он. Еще немного, и там, за рекой, я буду в безопасности. Осталось только найти лодку или что-нибудь другое для переправы. Осталось немного...» Он поправил меч и начал осторожно спускаться вниз. Сапоги скользили по глине, граф, с трудом удерживая равновесие, спускался вниз, хватаясь за редкие корни деревьев, выступающие из крутого склона. Раз он все-таки упал и, перекувырнувшись через голову, еле остановился и встал на ноги.

Сплевывая песок, он продолжил путь. Он уже отчетливо слышал шум воды и прибрежного тростника, когда краем глаза увидел неспешно приближающуюся вдоль берега фигуру с посохом в руках.

Де Ходер отвлекся и, именно из-за этого снова упав, покатился вниз. Остановился он только на берегу, в нескольких шагах от кромки воды.

— Надеюсь, ваша светлость не очень ушиблась?

Граф поднял голову на говорившего. Лица не было видно — его скрывал капюшон темно-зеленого плаща. Но вот голос! Де Ходер мог поклясться чем угодно — этого человека он знал.

— Похоже, вы меня знаете? — прохрипел, кашляя, граф, в то же время пытаясь встать с холодного песка.

— Точно так же, сударь, как и вы изволите знать меня. Но, впрочем, сейчас речь совсем не об этом.

Королевский посланник, в конце концов встав на ноги, ощупывал рукоять меча, пристально всматриваясь под капюшон.

— Не старайтесь, граф, ваше любопытство ни к чему хорошему не приведет. — Противник просто читал мысли. — Давайте разрешим наше дело и... может быть, даже разойдемся.

— И что же вам угодно, сударь? — В голосе де Ходера прозвенели стальные нотки.

— Всего две вещи. Первая. Вы идете куда угодно, но только не в Уилтаван и не обратно в Вильсхолл. За это вы получаете мешочек с пятью тысячами золотом. Вещь вторая. Ваш знак. Знак посла Вильсхолла. За это вы останетесь в живых. На размышление у вас ровно столько времени, сколько займет путь вон той лодочки, — он указал рукой на реку, по которой действительно шла лодка под парусом. — Она отвезет вашу светлость туда, где вас будет ждать карета, которая доставит в любое место, куда вы пожелаете. Не волнуйтесь, вы не станете вечным изгнанником. Года через два вы сможете вернуться в Вильсхолл. Но есть и другой вариант. В случае отказа эта лодка вывезет ваше тело на середину реки, где оно будет предано речному дну. Итак, время пошло.

От наглости говорившего де Ходер потерял дар речи. Ему, королевскому послу, пусть даже и тайно, без охраны, без сопутствующей помпезности направленному к владычице Бревтона от имени его королевы, угрожал какой-то проходимец! Да еще и предлагал отступить от вассальской клятвы!

В глазах графа потемнело. Легко выскользнувший из ножен длинный узкий меч слегка дрожал в вытянутой руке.

— Твое имя... мерзавец! — Де Ходер одним взмахом намотал остатки плаща на левую руку. — И имя того, кто послал тебя!

— Вы хорошо подумали? — Противник даже не шелохнулся. — Лодка еще не причалила.

Граф резко взмахнул клинком, целясь в руку.

Посох прищельца моментально врезался в меч, отбрасывая его в сторону и сразу же другим концом устремляясь в лицо де Ходера. Только многолетний опыт поединков спас королевского посла. Граф, на полшага отступив назад, чуть уклонился в сторону. Посох лишь задел роскошные волосы, с тяжелым свистом возвращаясь к хозяину.

— Успокойтесь, сударь, у меня нет желания убивать вас. Но если вы будете настаивать, то мне придется это сделать! — Древко посоха снова отбило меч.

— Имя! — Граф умудрился швырнуть скомканный плащ в лицо противника, усиливая напор атаки. — Твое имя!

— Вы действительно хотите его знать? — Незнакомец, отбросив своим оружием тряпье в сторону, ответил быстрой контратакой, заставляя де Ходера снова отступить назад.

Противники сошлись по новой. Посох прищельца жужжал, как рассерженный рой пчел, нанося многочисленные удары в корпус мечника. Граф де Ходер уже не атаковал, только защищался, не успевая отражать легкое оружие. Его щека, по которой струилась кровь, горела. Плечо невыносимо ныло, наливаясь цепенеющим холодом. И все же в какой-то момент он, изловчась, сделал выпад. И теперь уже незнакомец делает широкий шаг назад, застонав от боли в раненом плече.

Тяжело дыша, де Ходер прыгает на него, в широкой дуге замахиваясь мечом. Конец посоха врезается прямо в лоб королевского посла. Графа отбрасывает на спину, его взор мутнеет, пальцы разжимают рукоять клинка. Победитель наклоняется над ним, откидывая назад капюшон и показывая свое лицо.

— Орки называют меня Ярой. — Де Ходер в ужасе впился взглядом в до боли знакомое, когда-то даже любимое... лицо. — А вас, милый граф...

Спустя время мутные воды реки приняли обезглавленное тело посланника королевы Винетты Вильсхолльской — графа де Ходера.

Маркиза Латалиа из-под опущенных век рассматривала недоуменно замолчавших мужчин.

— Известно ли вам, господа, что уже на протяжении нескольких месяцев королева безуспешно пытается связаться со своими соседями, теми, кто мог бы оказать ей хоть какую-нибудь реальную помощь? Известно ли вам, господа, что ни один из послов, считая тайных, не дошел до указанной цели? Они просто пропали без вести. Двор в панике. Подобной дипломатической, а соответственно военной и политической блокады они даже и не могли предположить. Все послы... Все шесть послов, а из них ровно половина — тайных, пропали без вести. Ни тел, ни следов, ни слухов. Ничего!.. Они выехали из столицы и растворились...

— Ну, это... ведь хорошо... для нас, наверное... — Алассия был в растерянности. — Винетта теряет верных ей людей, а значит, слабеет.

— Согласна. Но заметьте, что двое из послов пропали на территории, которую, как мне казалось, контролируете именно вы, граф. Вам что-нибудь известно об этом?

Ловар де Сус отрицательно покачал головой.

— А остальные именно в том, западном, коридоре, куда не дотягиваются ваши руки, то есть на территории самой Винетты. — Маркиза допила свое вино. — Кто из вас, господа, имеет к этому отношение? Правильно, никто...

В палатке повисла тишина.

— Итак, сударыня, — прокашлялся Росорд, — вы хотите сказать, что есть некая третья сила, претендующая на престол, ведь так? И кто она, точнее, они, никому не известно.

— Именно так, герцог. Королева уверена, что пропажа верных ей людей — ваших рук дело.

— А почему вы в этом так уверены? — Алассия, в свою очередь, допив вино, разлил густой напиток по пустым бокалам присутствующих. — Может, это действительно моих рук дело? Или герцога...

— Вы сами-то в этом уверены? — с нескрываемой усмешкой спросила Латалиа. — У вас, граф, в последнее время все в порядке? Я имею в виду с преданными людьми?

Де Суса передернуло. Буквально месяц назад его человек, отправленный в Гольлор, так и не вернулся, хотя уже как неделю должен был быть в замке Алассии.

— У меня тоже пропало несколько доверенных людей, — прохрипел герцог, — так что примите это как факт. Маркиза, — Росорд с поклоном повернулся к даме, — что известно вам?

— Ничего. И не надо так смотреть на меня! Есть еще кто-то, кто жаждет Вильсхолла. И если вы немного подумаете, то ваши интересы, господа, им совершенно не учитываются. Он или они используют вас как прикрытие. Совершая свои дела, он совершенно уверен: что бы он ни делал, это будет списано на вас. А уже потом, когда события подойдут к финалу, он и появится на сцене. Его козыри — неизвестность и хорошая осведомленность. Причем во всех трех противоборствующих лагерях сразу. Я не призываю вас объединяться с Винеттой — это ни к чему не приведет в любом случае. Поднимайте всех своих шпионов. Выкладывайте золото за любую, даже никчемную информацию. И, когда вы узнаете, кто наш противник... имя нашего врага... мы будем знать, что и как с ним делать.

Латалиа, больше не говоря ни слова, резко встала и направилась к выходу.

Уже на улице ее нагнал де Сус.

— Маркиза, во-первых, позвольте выразить вам огромную благодарность. Вы расставили по местам многие вещи. Но все-таки наш разговор не был бы искренним, если бы я не осмелился задать вам один, правда, немного бестактный вопрос.

— Кажется, я догадываюсь, о чем речь.

— Тем лучше. Вы давно отошли от политики. Несмотря на то что вам предложили остаться при дворе, вы все-таки оставили его, удалившись в свое поместье. Вы независимы, богаты, и ни один дворянин, из любого лагеря, не осмелится поднять на вас руку — хотя бы в память о покойном короле. Вам безразлично, кто будет у власти, ведь так? Тогда скажите, зачем вам все это?

Маркиза долго молчала, вглядываясь в глаза Ловара де Суса. Ветерок шевелил черный локон, выбившийся из-под бриллиантовой диадемы.

— Вы хотите знать, где здесь мой кусок пирога? — тихо, чуть с вызовом прошептала бывшая фаворитка. — Поверьте на слово: он есть. Он немного пресноват и черств, но я уверена, что, когда придет время, ни вы, граф, ни благородный Росорд герцог Никсдор, не осмелитесь мне отказать...

— Но... — начал было Алассия, но маркиза остановила его, выставив вперед ладонь.

— Когда придет время, граф... А оно, к сожалению, еще не пришло.

На балконе, выходящем в южный дворцовый парк, стояли двое — низенький человек из дальних восточных краев и эльф, давно уже позабывший, где его родина. Они молча смотрели вдаль, думая каждый о своем. Сколько бы это продолжалось, неизвестно, если бы на балконе не появился герцог де Бонтон. Тайный советник, главный министр, дипломат, он знал в лицо практически всех владык и министров граничащих с Вильсхоллом королевств.

— О чем думаете, господа? — Советник был по обыкновению серьезен. — Мастер Айдо, как вы полагаете, сколько человек необходимо направить со следующим обозом?

— Надеюсь, вы это несерьезно? — не поворачивая головы, ответил бор-От.

— Отнюдь, благодаря вам мы теперь знаем численность противника, кто он, как вооружен. Практически мы знаем все!

— Так уж и все? — тихо переспросил Куп, продолжая созерцать синие плоды оуэнга на ближайших к ним ветвях.

— А чего мы не знаем, позвольте спросить? — скупно улыбнулся герцог.

— Хотя бы то, кто из наших врагов смог снизить до союза с орками, — спокойно ответил эльф. — Насколько я понимаю, и де Сус и Росорд просто не опустятся до этого. Значит, засады устраивают не их люди. Далее следует вывод: у нас появилась еще одна сила, метящая на место Винетты.

— Конечно, в ваших рассуждениях есть зерно здравого смысла, — облокотился на перила балкона де Бонтон, — но, к сожалению, у нас нет времени на поиски. Хотя, если вас интересует мое мнение, то это все же Росорд. Границы Никсдора проходят рядом с Вечной Долиной. А там кого уж только нет. Например, по слухам, человек, причастный к смерти владыки Бревтона, родом именно оттуда. А эта история с якобы ожившими мертвецами!

— Вообще-то он не человек. Тот, о котором вы сейчас упомянули, — тролль, — усмехнулся Куп.

— Тем более! Тролли, гоблины, про орков я уже и не говорю — ваш друг, — герцог кивнул на Айдо, — видел их собственными глазами. Считаю, что Росорд через подставных лиц договорился с бандами орков, а те, руководимые резидентом Никсдора, и совершают эти набеги. Как вы считаете, мастер Айдо, я прав?

— Очень может быть, господин советник. Но, согласитесь, что это — только предположение. Лично я еще не решил для себя, чья рука управляет орками.

— Дело ваше, господа. Кстати, спешу сообщить, что несколько минут назад Главный Совет постановил об отправке очередной экспедиции.

Куп одновременно с Айдо повернули головы в сторону герцога.

— Не надо так смотреть на меня, господа. Все подробности вам сообщит господин Измони. Я и пришел-то сказать, что он ждет вас в своем кабинете. И на вашем месте я бы поспешил.

Военный советник сам открыл дверь в кабинет, молча пропуская вперед пришедших. Войдя в прохладный полумрак кабинета, эльф и бор-От замерли и немедленно опустили

головы, приветствуя свою королеву.

— Прошу садиться, господа, — Винетта Вильсхолльская постукивала кончиками длинных полированных ногтей по крышке стола. Присутствующие молча присели на выдвинутые полукругом кресла.

— Наша сегодняшняя беседа имеет статус особой секретности, господа. Здесь находятся только те, кому я безгранично доверяю, — голос владычицы чуть дрожал. — Да будет вам известно, с завтрашнего дня в городе вводится военное положение.

Куп с Айдо тревожно переглянулись.

— Население столицы обеспокоено. Люди напуганы. Они не верят в мое правление. Как вы можете догадаться, причиной этому политическая блокада, успешно проводимая нашими противниками — кланом Никсдора и графом Алассией. И если безуспешные попытки наших послов связаться с ближайшими соседями Вильсхолла можно было бы расценить как военные операции противника, то сейчас в город просочилась информация о провалах агентов, пытавшихся тайно проникнуть на сопредельные территории. — Присутствующие молчали, вслушиваясь в каждое слово королевы. — Последней каплей явилось исчезновение графа де Ходера, которого видели в последний раз на полпути до границы с Бревтоном. Как об этом стало известно общественности, уже факт истории. Поползли слухи, что дух убиенного короля Гиера мстит его дочери, нарушившей законы династии и страны. В районе речного порта произошел инцидент, который мог перейти в бунт. Если в ближайшее время мы ничего не предпримем, то уже сейчас, господа, начинайте искать место, где бы вам провести остаток своих дней.

— Итак, господа, — Винетта обвела мужчин глазами, — завтра утром в Уилтаван к владычице Бревтона отправляется послом барон Ван де Бешу. — Измони страдальчески закатил глаза, что не ускользнуло от королевы. — Я сказала то, что сказала, господин министр! Послом поедет Ван де Бешу, и на этом разговор окончен! Ваша задача — обеспечить его безопасность и безопасность каравана, а также соответственно их возвращение. Как вы это будете делать, меня не интересует — это ваша головная боль. В любом случае, что бы вы ни делали и как, мне важен результат. Люди и казна в вашем распоряжении. Ответственным за отправку посла из столицы назначен герцог де Бонтон. В пути за все отвечает мастер Айдо. К полуночи я жду от вас конкретных предложений по этой... поездке.

Уже у выхода королева оглянулась:

— Это наш последний шанс. Расценивайте эту миссию не только как военную, но и как политическую операцию. От ее успеха зависит положение в стране. Или вы вернетесь обратно в лаврах, или, увидев нашу беспомощность, нас скинет наш же собственный народ. Время пошло. До ночи, господа!

Только шаги королевы в сопровождении двух «золотых» затихли в коридоре, Измони дал волю чувствам.

— Ну, стерва, ну!.. — Военачальник, не стесняясь эльфа и мастера боя, выхватил из встроенного в стене шкафчика темно-зеленую бутылку, выдернул из нее пробку и надолго приложился к горлышку. — Вся в отца, отца ее за... — Вторым глотком он прикончил содержимое и швырнул опустевший сосуд в стену. — Она что, издевается?!!

— Может, не стоит так переживать? — осторожно начал эльф.

— Переживать? А кто сказал, что я переживаю?!! — На свет появилась вторая бутылка. — Я просто взбешен!!!

Айдо, вырвав из рук Измони бутылку, укоризненно покачал головой — и другим-то можно было бы оставить немного — и перебросил ее эльфу:

— Держи, Куп!

Министр, тяжело дыша, казалось, был готов вцепиться в горло бор-Оту. Наконец, длинно выдохнув, он развернулся на каблуках и сел обратно за стол.

— Вы... хоть понимаете... — он нервно вертел в руках гусиное перо, — что нам предстоит? — Измони начал черкать на листе бумаги длинные линии. — Вы имеете представление, кто такой Ван де Бешу?

— Так посвятите. — Куп, подтащив кресло вплотную к столу, уселся в него, вытянув длинные ноги.

— Я тоже хотел бы посмотреть на этого индивидуума, — неспешно закрывая ставни винного Шкафчика, проговорил Айдо.

— А извольте, — вскочил из-за стола министр, — идем же! Я уверен, что вам, господа, это понравится!

Спустившись в подвал дворца, они остановились у переплетенной железными прутьями двери.

— Готовы? — оглянулся на пришедших Измони. — Можете любоваться! — И что есть сил толкнул дверь от себя.

Посреди огромного винного погреба спиной к вошедшим стоял дородный лысый мужчина, весь в складках жира, с огромными кружками в каждой руке. Чуть поодаль в такт, выбиваемый этими самыми кружками, под разухабистую хмельную песню извивалась огненно-рыжая полуголая пьяная девица.

*Ты танцуй, моя отрада, как в ночи танцует Бог,
Чтобы сердце трепетало, чтоб в груди горел огонь!
Чтобы мысли, словно пробки, вылетали из бутылей,
Чтобы я сегодня умер от твоей хмельной любви!*

Барон непонимающе замолчал, глядя на остановившуюся танцовщицу, нетрезвыми глазами вперившуюся в вошедших.

— Позвольте представить вам, господа, барона Ван де Бешу! — торжественно проорал военный министр Вильсхолла.

— Здрасьте... — качнул головой остолбеневший эльф.

— Заходите... э-э-э... господ-пода... заходите... — качаясь из стороны в сторону, попытался повернуться пьяный вельможа.

Куп насчитал целых четыре подбородка, плавно переходящих в округлые плечи. Живот дворянина мог с легкостью посоперничать с любым из винных бочонков, выстроенных вдоль стен комнаты.

— А... мы... вот... при-со-е-диинннитесь!.. — расплескивая вино, развел руками пьяница. Поворачиваясь, он не удержал равновесия и завалился набок, тараня плечом ближайшую к нему бочку.

Раздался треск ломающегося дерева, и десятилетней выдержки красное вильсхолльское хлынуло из пробитой стенки в стороны, заливая счастливо ворочающееся тело.

— Ми-и-ильный!!! — заголосила девица, бросаясь на барона сверху. — Не уходи-и-и-и! Ты мне еще-е-е... — вырванный потоком бочковой краник врезался ей в затылок, отправляя

ее следом за господином в царство Ладрая^[3].

Пока Измони, запрокинув голову, разглядывал трещинки в потолке своего кабинета, эльф, расхаживая взад-вперед, размышлял вслух:

— Насколько я знаю Винетту, она неглупа. Она прекрасно знает, кого назначает послом. Значит, в случае неудачи ей все равно, что с ним станет, или выбирать уже не из кого. Господин министр, как вы полагаете, королевский посол обязательно должен быть древнего дворянского рода?

— Или же быть очень знатным, или просто прославленным какими-либо подвигами, чтобы заслужить доверие представлять своего владыку. Еще он должен быть хорошо известен двору, к которому посылаем, — ковыряя ногтем стол, пробурчал Измони.

— И чем же, в таком случае, знаменит барон Ван де Бешу? Своими пьянками и оргиями? Тогда не удивлен — такого человека должны знать не только в Вильсхолле.

— Барон слыл человеком добропорядочным и исполнительным. Гиер при жизни очень ценил его. Единственное слабое место де Бешу — это вино. Только раньше он входил в запой на неделю, реже на две.

— А сейчас? — с любопытством повернул голову Куп.

— Месяц. А может, даже и на все три.

— Что, несчастная любовь?

— Ага... — военачальник даже не удосужился поднять глаза на открывающуюся дверь, — что-то вроде этого...

— Вы о чем, господа? — Вошедший герцог де Бонтон поставил на стол перед Измони инкрустированный ларец, чуть не отдавив тому пальцы.

— О любви, — меланхолично отвечивал военный министр, продолжая разглядывать потолок.

— Да бросьте, сударь! — Тайный советник, сняв с шеи ключ, принялся открывать ларец. — Уж кому-кому, а вам обоим на отсутствие оной жаловаться просто грех.

— Абсолютно с вами согласен, господин министр. — Вошедший следом мастер Айдо положил руку на крышку ларца, — Теперь это уже наша проблема.

— Да-да, конечно. — Де Бонтон широко улыбнулся, передавая ключик бор-Оту. — Если у вас будут ко мне какие-либо вопросы, просьбы...

— ... я или мои друзья обязательно обратимся к вам, — согнулся в поклоне мастер Айдо, — или же напрямую к ее величеству.

— Не думаю, что стоит беспокоить ее по пустякам. Тем более что сон нашей владычицы стал таким тревожным, я бы даже сказал, беспокойным, в последнее время. А я спать сегодня все равно не буду. Надо отдать множество распоряжений, подготовить обоз, проинструктировать де Бешу. Кстати, вы не знаете, где он сейчас?

— Внизу, — Куп настороженно смотрел на де Бонтон, — готовится к завтрашней речи с одной из своих... помощниц.

— Отлично! Право слово, просто превосходно! Какой человек, а! В любом месте, в любое время...

— В любом состоянии... — поддакнул Измони, не отрывая взгляда от паутины в углу.

— Да! — согласно кивнул советник, растерянно шаря глазами по столу с ларцом. — И все на благо государства! Жизнь, силы, здоровье...

— Неоценимый человек, — кивнул Айдо.

— Безусловно с вами согласен! — Де Бонтон склонился в поклоне. — Мастер Айдо.

— Господин тайный советник, — практически одновременно с ним поклонился бор-От.

— Ну, если что...

— Конечно...

— Всего хорошего!

— Спокойной ночи!

— А что же вы с ним даже не поцеловались на прощание? — недоуменно протянул Измони, когда дверь закрылась.

— Догнать? — хитро улыбнулся маленький человек. — Вообще-то он не в моем вкусе.

— Айдо, Отродье на наши головы! Что это было?! — скрестил руки на груди эльф.

— Интрига дворцовая. Обыкновенная, — не переставая улыбаться, бор-От, открыв ларец, выудил из него несколько бумаг и пустился в их изучение.

— Просто господину тайному советнику не удалось даже и мельком посмотреть на верительные грамоты и подробные инструкции, начертанные лично ее величеством.

— Даже так? — Военачальник, открыв заветный шкафчик, налил себе вина, — Значит, Винетта даже не посоветовалась с ним?

— Именно так, — Айдо протянул Измони плотный лист бумаги с печатью, — можете прочесть это вслух, господин министр.

Измони, недовольно отставив в сторону даже непригубленный стакан, принял грамоту.

— *«Дана барону Ван де Бешу королевой Винеттой Вильсхолльской...»* — начал он вслух.

Пока он упражнялся в чтении, эльф молча изучал другую бумагу, которую всучил ему Айдо. По мере того как его глаза бежали по строчкам, лицо Купа вытягивалось от удивления. Несколько раз он бросал чтение, вопросительно смотря на мастера боя, но тот только отрицательно качал головой, продолжая вышагивать по кабинету.

— *«... сего года. Подпись: Винетта Вильсхолльская»*, — кончил читать одновременно с эльфом Измони. — И что из этого? Обыкновенная верительная грамота. Абсолютно ничего необычного!

— Вот и я удивляюсь: с чего это нашей королеве взбрело в голову прятать эти бумаги от глаз советника, — буквально вырвав из рук Измони грамоту де Бешу и вставляя в них другую — уже прочитанную эльфом.

Сделав знак «читай молча», Айдо вернулся к столу, положил бумаги и, наклонившись к эльфу вплотную, прошептал:

— Я ушел, постарайся меня прикрыть. Будешь ночью у своей, не вздумай сболтнуть лишнего, хотя сегодня к ней ходить не советую. Вернусь к утру, возможно, раньше. И постарайся все объяснить нашему генералу... как можно тише... — И продолжил уже вслух: — Спокойной ночи, господа. Оставляю вас одних с этими документами. Мне необходимо выспаться перед завтрашней дорогой, ибо, как я понимаю, нормальный отдых меня ожидает теперь только в Уилтаване! — И вновь, наклонившись к Купу, тихо добавил: — Как и тебя!

Главнокомандующий Вильсхолла долго переводил глаза то с бумаги на эльфа, то с эльфа на закрывшуюся за мастером Айдо дверь.

— И по какой именно части инструкции нашей все милостивейшей королевы у вас возникли вопросы, господин министр?! — попытался наивно захлопать глазами МалЙавиэУиал-младший.

Айдо, легко перемахнув через стену, быстро пробежал до конца улицы и заглянул за

угол дома. В торговом квартале на окраине города можно было ожидать чего, точнее, кого угодно: от стражников городской стражи и охранников чересчур мнительных купцов до ночных ремесленников и просто запоздалых пьяниц. Предательский голубой свет стен центральных кварталов уже не светил в спину бор-Ота. Убедившись, что путь свободен, Айдо с разбегу взобрался на стену, по-паучьи подбираясь к окну на третьем этаже гостиницы. Створки приглашающе приоткрылись, и через мгновение мастер боя очутился в комнате.

— Доброй ночи, учитель, — в приветственном поклоне выступил из темноты Ильд-Ми, — надеюсь, ваш путь был легок?

— Благодарю. — Айдо, прикрыв за собой ставни окна, шагнул во мрак комнаты. — Рад видеть тебя в добром здравии.

— Чаю, мастер?

— Было бы неплохо. — Бор-От сел на пол, скрестив ноги. Приняв чашку чуть дымящегося ароматного напитка, он поднес ее к себе поближе, чтобы прочувствовать букет ароматов.

— Братья Храу? — наконец спросил Айдо, когда у сосуда показалось дно.

— Здесь и ждут ваших распоряжений.

— Хорошо. — Мастер боя вытащил из-за пазухи объемистый кошелек. — Настал тот день, ради которого нас и пригласила королева Вильсхолла. Итак, слушай и запоминай. Здесь деньги, ты должен успеть найти...

Младшая Сестра, завидев первые лучи восходящего солнца, с сожалением подалась на покой, когда из окна гостиницы выскользнула фигура маленького человека и растворилась в переулках просыпающегося города. Чуть погодя из дверей той же гостиницы вышли трое и, не особо скрываясь, направились к окраине города, где издавна останавливались торговые караваны.

Над развевающимися стягами знамен, под рокот барабанов в последний раз взревели трубы, и процессия размеренно двинулась с дворцовой площади к западным воротам столицы. Заметно протрезвевший Ван де Бешу обескураженно рассматривал собравшуюся толпу, с энтузиазмом провожавшую посольский караван. В открытой карете позади барона высились фигуры Купа и мастера Айдо. Эльф, облаченный в богато украшенные легкие доспехи, с рукоятями мечей, угрожающе торчащими из-за спины, с позолоченным обручем, перехватившим густые белые волосы, разметавшиеся по широким плечам, вызывал невольное восхищение молодых горожанок, сопровождавших его томными взглядами.

Бор-От ее величества мастер Айдо, также парадно одетый по случаю отъезда в расшитый серебряными нитями черный, ниспадающий до земли балахон, сжимая под складками одеяния короткий метательный кинжал, пристально вглядывался в толпу, готовый в любое мгновение сорваться с места, защищая королевского посла.

На украшенном гирляндами цветов балконе, тревожно глядя вслед удаляющейся процессии, восседала королева Вильсхолла. Измони и де Бонтон, стоя у Винетты за спиной, перешептывались, продолжая свой спор, начатый еще ранним утром.

— Герцог, пока еще не поздно! — яростно шептал старый военачальник. — Соболаговолите дать разрешение на снаряжение отряда прикрытия.

— Измони, вы перестраховываетесь! Мы с ее величеством уже обсуждали этот вопрос на вечернем заседании. И заметьте, что именно ваш человек — многоуважаемый мастер

Айдо — утверждал количество воинов и припасов для этой экспедиции. Или вы боитесь показать свою несостоятельность в операциях подобного рода?

— Как я посмотрю в глаза матерям и женам своих солдат, когда они не вернутся обратно? Сколько мы потеряли за последние месяцы? И не в честном бою на поле брани, а посреди лесов и болот под стрелами нелюдей, произошедших от грязных свиней!

— И к тому же мы не имеем права расчленять основные силы гарнизона, — спокойно продолжал советник. — Где гарантия, что Ловар де Сус или герцог Росорд не пожалуют в плохо защищенный город? А по поводу лесов и болот... У нас есть эльф с его бесценным опытом лесных боев, а также мастер Айдо. Ведь недаром ему присвоен... э-э-э... титул. Именно так, титул бор-Ота, то есть «мастера боя»?

— Я доверяю хорошей стали и сильной умелой руке. А эти штучки наподобие взбежать на стену или раствориться в темноте больше подходят для наемных убийц, чем для солдата великого Вильсхолла, — проворчал главнокомандующий.

— Сударь, здесь я с вами совершенно согласен, — кивнул де Бонтон, — но наша королева полностью доверяет этим людям. Впрочем, я тоже, — после недолгой паузы добавил герцог, за что заработал недовольный взгляд собеседника.

— Так или иначе, будем надеяться на успех этой миссии, — молитвенно прикрыв глаза, подвел черту в споре тайный советник.

— И будем молить Небо за их счастливое возвращение, — печально и тихо добавила королева.

Карета посла и повозки солдат охраны уже скрылись из виду среди улиц столицы, и только по отдаленным приветственным крикам толпы можно было определить, где сейчас находится ее возлюбленный.

Только когда городские стены остались позади, Айдо смог наконец расслабиться и, откинувшись на мягкую спинку сиденья, присоединиться к барону, молча созерцающему пейзаж, на фоне которого медленно двигался посольский обоз. Ван де Бешу изредка поглядывал на эльфа, сидящего напротив, мучился жаждой и про себя проклинал тот день, когда ему взбрело в голову вместе со своей очередной пассией забраться в винный погреб королевского дворца. А заодно еще и тот миг, когда, отклонив предложение своего брата о переезде в фамильный замок, решил остаться при дворе после смерти короля Гиера. И вот теперь его, измученного похмельем, не накормленного как следует, не приведенного в должный вид, тащат по пыльной дороге на другой конец света в обществе солдат, пришлого наемника, недочеловека. И ни одной женщины!

Барон в сердцах качнул головой, еле сдерживая ругань, готовую вот-вот сорваться с благородных уст.

— Что-то не так, ваша светлость? — участливо спросил эльф.

— Сударь... — От сухости в горле голос де Бешу напоминал скрип ржавого механизма. — У вас... — он запнулся, понимая, что просит услуги у нелюдя. — стакан воды! — выдавил он из себя приказ.

Айдо, усмехнувшись, отвернулся в сторону, чтобы дворянин не счел его улыбку за откровенную насмешку.

— Да-да, ваша светлость! — Весь вид МалЙавиэУиал-младшего выражал рабскую покорность и готовность до конца своих дней слепо служить потомку древнего рода. — Смею просить прощения, но окаянные слуги ее величества не удосужились позаботиться о

такой мелочи, как обыкновенная питьевая вода, — голос эльфа дрожал, готовый перейти в рыдания. — Эти наглецы осмелились снабдить нас только этим... — в руке Купа появилась большая деревянная фляга вроде той, что выдается солдатам в походе.

— Что это? — брезгливо скривил губы барон..

— Зерстское... красное... — с неподдельным ужасом признался эльф. — Правда, очень холодное!

— Не... нет... господа!.. — устало мотнул головой барон, когда третья фляга из-под красного оказалась на дне кареты. — Лич-ч-но я... никогда! — Он торжественно поднял указательный палец. — Пов-фторяю-у... ник-когда... не имел ничего... против вс-с-сяких там... эльффовв и-ик-ик других гномоввв.

Карету сильно качнуло, и де Бешу чуть было не выпал наружу.

— Осторожнее, ваша светлость. — Эльф еле успел придержать вельможу за подол.

— Нор-р-рмально... — Посол попытался усесться поудобнее, соскользнул и едва не растянулся возле пустых фляг.

Айдо подхватил, его под руку, усаживая рядом.

— А как сейчас насчет немного перекусить? — нежно прошептал мастер боя на ухо подвыпившему дворянину.

— Отличная идея! — заметно оживился Ван де Бешу. — Привал!

— Э нет, ваша светлость, — с другой стороны завел свою песнь эльф. — Я бы предложил нечто иное. Недалеко отсюда есть небольшая деревня. Давайте и туда заглянем! Тем более у меня там родственники! Я уверен, что они будут просто счастливы предоставить нам не только стол, но и... — Куп недвусмысленно шевельнул бровью, — но и все такое...

— Родственники... у тебя... здесь... говоришь... — поводит пальцем у носа просящего барон, — ша-а-алишь!..

— Да ладно вам, ваша светлость. Я уже полтора года дальше дворцовой площади не выходил! — нищим на паперти занял фаворит королевы. — А здесь такой случай!

— Ну... родственники — дело... как говорится... такое... святое! — Барон, развалившись на сиденье, обнял спутников за плечи. — Я вот тоже... бывало... к брату, маме... — На небритую щеку вельможи скатилась непрошенная слеза. — Распорядись! — кивнул он Айдо и, уже обращаясь к эльфу, добавил: — Но чтоб ни одна душа... тсс...

— Могила! — Куп честно прижал руки к груди.

— Капитан! — приподнялся бор-От.

— Слушаю вас. — Подъехавший «золотой» только не дымился в тяжелых парадных доспехах.

— Около леса сворачиваем направо, в десяти милях от перекрестка на север будет деревня. Там устроим первый привал и ночлег.

— Господин Измони приказал держаться намеченного маршрута и устроить первый привал не раньше, чем завтра к вечеру в районе выхода из лесного массива, — проворчал солдат, взглянув на полуденное солнце.

— А господин Измони не приказывал вам выполнять мои команды или команды присутствующих здесь господ?

— Да! — неожиданно встрепенулся барон. — Капитан! Тебе че приказали?

— Слушаюсь... — неохотно отсалютовал «золотой» и, пришпорив коня, отправился в голову обоза

— Во-о-обще охамели, — королевский посол скривил мокрый рот, — три наряда по воз-вра-ращению. Эльф!.. наливай!

Ближе к вечеру в Предхолмье вкатился потный недовольный обоз с совершенно пьяным Ван де Бешу во главе.

Встречать его вывалила вся деревня, впереди которой в простой крестьянской одежде стоял Ильд-Ми с подносом, на котором красовалась огромная глиняная запотевшая кружка с ароматнейшим ячменным пивом.

— Извольте откусать, ваша светлость. — С низким поклоном ученик Айдо подал угощение, — Ваш приезд для нас такое счастье! Такая честь!

Нетрезвыми руками ухватившись за сосуд, барон попытался поднести его к себе и сделать первый глоток. Душистый пенный напиток влился в мощное горло посла, правда, не миновав щек и плеч. Когда ледяные капли попали за воротник парадного костюма, де Бешу поперхнулся и практически опрокинул содержимое кружки на себя. Повисла неловкая тишина.

— Нормально! — из последних сил пророкотал барон, перед тем как растянуться в пивной луже.

Молодые селянки разносили кружки с освежающим напитком, выставляя их на стол, стоявший прямо посреди деревенской площади. И, как ни старался капитан, надрывая глотку, приказывая «хмельного не пить!», то там то здесь ему на глаза попадались радостные, где чуть-чуть, а где уже вовсе пьяные лица его бойцов. Наконец, в сердцах плюнув на все, он схватил первую же проносимую мимо кружку и большим глотком осушил ее до дна. Еще живительная влага не достигла желудка, как в его правой руке появилась вторая запотевшая кружка, а в левую кто-то заботливо вложил солидный кусок свиного окорока.

— Так, есть последний, — глядя из окна ближайшего дома, улыбнулся эльф. — Ильд-Ми, как полагаешь, сколько времени они могут не вылезать из-за стола.

— Староста клялся, что столько, сколько потребуется нам. — Ученик выискивал глазами старосту. — Когда он увидел, сколько привезено пива, вина и всякой другой снеди, не говоря уже о полученном задатке, то отменил все работы, готовясь к... «празднику».

— Нам нужно недели полторы, возможно, две. — Айдо, не скрывая усмешки, рассматривал пьяное побоище. — Но к нашему возвращению все должны быть трезвыми и на ногах.

— Хорошо, учитель, я договорюсь, — поклонился молодой бор-От.

Капитан «золотых», отшвырнув в сторону обглоданную кость, сыто рыгнул и, подхватив со стола еще одну кружку, подсел поближе к веселой толстушке в нарядном, местами уж очень открытом платье.

— Братья Храу? Припасы? Проводник?

— Братья вышли, едва только обоз появился в деревне. Как было условлено, они будут дожидаться нас на границе. Проводник на окраине деревни в своем доме, я покажу где. Так что мы можем выходить прямо сейчас.

— Нет, еще рано. Немного подождем. — Мастер боя высматривал среди пирующих Ван де Бешу, но того не было видно.

Капитан, отпихнув в сторону солдата охраны и приобняв селянку, начал что-то горячо нашептывать ей на ушко. Девушка разразилась радостным смехом, с чувством хлопнув вояку пониже спины.

— А где барон? — уже серьезно забеспокоился Айдо. — Если сейчас он хоть ненамного протрезвеет, то беды не миновать!

— Учитель, вы полагаете, что чувство долга победит эйфорию праздника?

— Ильд-Ми, выражайся проще. — Эльф пригладил волосы. — Ты, наверное, хочешь сказать, что если барон сейчас очнется, то тут же выстроит этот бардак и немедленно тронется в путь?

— Неисповедимы пути наши... — философски вздохнул ученик.

Словно в ответ на все сомнения, на площади появился королевский посол с рыжей девкой в обнимку. Если бы не она, то барон уже давно лежал бы где-нибудь под уютным кустом, отдавшись мутному сну.

— Где-то я ее уже видел, — напряг лоб Айдо.

— В винных погребах ее величества, — с кажущимся равнодушием ответил Куп.

— Не переборщим? — оглянулся мастер.

— Нормально!

— Думаю, зря ты ее сюда притащил, — ворчал мастер боя, прилаживая снаряжение.

— Винетта посоветовала. — Зашнуровав куртку, эльф перекидывал через голову перевязь ножен. — Королева посоветовала, а Измони помог, договорившись с Куки и ее отцом. Тем более что она сама была совершенно не против!

— А кто у нее отец? — Айдо одергивал рукава костюма, пряча под ними многочисленные маленькие кинжальчики и другие метательные штучки.

— А папа у нас конюх. — Эльф подпрыгнул на месте, прислушиваясь — не звенит ли, не болтается. — Простой королевский конюх, душой и телом преданный нашему боевому генералу.

— Измони ему доверяет?

— Он должник министра.

— Ну, пусть будет так. Все готовы? — Айдо натянул на голову капюшон.

— Да, — просто ответил ученик бор-Ота, также пряча лицо.

— А я тем более, — завязав волосы в пучок, доложил Куп. Узрев своих товарищей, он сокрушенно мотнул головой: — Маскарад какой-то!

Крестьянин-проводник, глядя на творившееся, согласно кивнул:

— До зимы-то, до праздников то есть, еще ой как далече будет!

Смазав лицо черной краской, отчего, казалось, белки глаз смотрели словно из темноты, что заставило крестьянина испуганно отшатнуться, Ильд-Ми серьезно добавил:

— У нас каждый день как праздник. Ладно, идем.

Творя перед собой охранные знаки, крестьянин, открыв дверь, шагнул в ночь. Следом за ним — Куп, Ильд-Ми и последним, аккуратно затворив за собой дом, Айдо. Перед тем как отправиться вслед своим спутникам, он внимательно прислушался. Вроде бы все нормально — никаких лишних звуков, кроме отдаленного звона стучающихся кружек и стонов ворочающихся тел.

Спустя день троица вышла на место первой предполагаемой ночевки посольского каравана.

К вечеру карета без герба и охраны вкатилась во двор замка Алассия. Выбежавшие слуги графа открыли дверцы кареты, с поклонами помогая даме сойти на землю. Хозяин замка в легкой белоснежной с широкими рукавами рубашке спустился навстречу поздней гостье.

— Маркиза! Какой сюрприз! Право слово, ждал! Но и подумать не мог, что увижу вас так скоро!

— Добрый вечер, граф. — Латалиа присела в реверансе. — Честно говоря, я и сама этого не ожидала.

— Однако вы здесь! — широко улыбнулся Ловар де Сус. — Добро пожаловать в мое скромное жилище! Чувствуйте себя как дома. — Он галантно поцеловал протянутую ручку. — Смею надеяться, что вы не откажетесь отужинать сегодня со мной.

— С удовольствием, граф!

— Пожалуйста, маркиза. Обопритесь на мою руку.

На столе горели свечи, в камине тихо потрескивал огонь. Вышколенные слуги появлялись с полными и исчезали с пустыми подносами. За ужином почти не говорили. Если граф ломал голову, ради чего он удостоился этого визита, то маркиза искала, с чего начать разговор и как его повернуть в нужное русло. Оба были заядлыми игроками, имели большой опыт политических интриг и знали, что порой лишнее или недосказанное слово может привести к позору, бесчестью, а то и уложить на плаху.

Подали десерт.

Старый слуга принес пирожные и щербет. Дворяне расположились в креслах, у самого камина.

— Чаю? Вина? — Де Сус, ловко выхватив из камина уголек, прикурил, с нескрываемым удовольствием затянулся из длинной резной трубки.

— В это время лучше всего чаю. — Сама Латалиа, как подобает придворной даме, не курила, но запах табака ей нравился — снимал головную боль, расслаблял.

— Итак, что же привело вас сюда, сударыня?

— Отличный чай, — искренне восхитилась маркиза, сделав первый глоток, — особый рецепт? — Не получив ответа, она продолжила: — Пять дней назад из Вильсхолла вышел очередной посольский караван.

— Куда? — заметно оживился граф.

— В Бревтон.

— Кого назначили послом?

— Ответственным за передвижение и охрану назначен некий Адо или Вадо... Точнее не знаю.

— Айдо! — утвердительно кивнул де Сус.

— Вы знаете его?

— Лично — нет. Он один из тех, кого называют воином с большой буквы. Мастер боя. Таких сейчас осталось немного, можно пересчитать по пальцам. Его, если меня правильно известили, привел с собой этот эльф — любовник нашей королевы. А как они познакомились до этого? Мало кому интересно... Может быть, эльф был его учеником...

— А может быть, они познакомились на поле брани, — отставила в сторону пустую чашку маркиза, — например, в битве при Уилтаване.

— Вряд ли... — отрицательно качнул головой граф, — в то время Айдо был связан по рукам и ногам охраной дороги на Мериден. Тогда там банда Шера шалила.

— Вам так много известно!.. — очаровательно улыбнулась дама.

— Пустое, — махнул рукой Алассия. — Так или иначе, во главе обоза мастер Айдо. Ну, что ж, должен признать разумность этого хода. Мастер боя, как никто иной, может позаботиться о безопасности, запутать следы, правильно организовать оборону.

— А вместе с ним еще и эльф... — как бы между прочим добавила маркиза.

— Какой эльф? — не понял де Сус.

— Тот самый! — Маркиза подала графу бокал с вином.

Алассия надолго задумался, созерцая огонь.

— Приказала оставить ее в такой момент... — продолжая мыслить вслух, — он неторопливо зашагал по комнате. — Что это? Отставка, всплеск отчаяния от сознания невозможности спасти милого друга от надвигающейся смерти? — Граф, резко встав, развернулся на каблуках к маркизе: — Эльф назначен послом?

— Нет... — Латалиа откинулась на спинку. — Подкину вам еще одну загадку. Послом назначен барон Ван де Бешу.

— Кто?! — застыл на месте граф. — Де Бешу? Вы шутите...

— Я тоже смеялась, но именно его видели в карете посла на церемонии отбытия.

— И что, церемония была пышной и торжественной?

— Как никогда! Говорят, церемония коронации просто ничто по сравнению с этой.

— И дурак де Бешу во главе ее! Что говорят в столице?

— Разговоров много, но... Это всего лишь разговоры.

— А ваше личное мнение?

— Вам это интересно? Хорошо. Я считаю, что это охота, ловушка. Сопоставив факты, Винетта решила, что к краху предыдущих посольских миссий не причастны ни вы, ни герцог Росорд. Вот она и организовала приманку третьей силе, дополнив сопровождение двумя искусными опытными бойцами...

— Тремя, — задумчиво перебил ее граф, — а может быть, даже и пятью. У Айдо было три ученика. Один — его земляк, который неотлучно при своем учителе, и еще два брата-близнеца. После ухода из Меридена многие, правда безуспешно, пытались их нанять. Хотя поговаривают, что были еще двое. За полгода до битвы при Уилтаване у Айдо было еще два ученика: эльф из Талат-Галена и какой-то не то гном, не то тролль из Вечной Долины. Но оба они погибли в битве при Уилтаване полтора года назад. Простите, что перебил. Продолжайте...

— Вот видите, вы только подтвердили мои мысли. Кто-нибудь из троих-пятерых, попав в засаду, да выживет, а соответственно Винетта будет знать, кто этот новый враг. А кто раскрыт, тот уже и не так опасен.

— Пожалуй, я соглашусь с вами, маркиза. Тем более что других предположений у меня просто нет. Все правильно, погибнет приманка — барон, да и бог с ним. Одним дураком и пьяницей на свете меньше. Солдаты? Расходный материал, мясо для бойни, война и смерть — это их ремесло и участь. Но зато! — Алассия прижал указательный палец к губам. — Во время схватки мастер боя легко вычислит вожака нападавшего и со своим учеником похитит его, живого или мертвого. А здесь уже в дело вступает эльф. Кому, как не ему, лучше всех ориентироваться в лесах, знать, как там выжить и укрыться. Он ведь практически у себя дома, Отродье меня раздери! — Де Сус швырнул себя в кресло. — А ведь у вас есть ко мне некое предложение, мадам!

— Сударь, от вас трудно что-либо скрыть, — кокетливо улыбнулась маркиза Латалиа. — Только я бы хотела услышать его именно от вас. Не все же взваливать на плечи хрупкой женщины.

— Хорошо. Меня, как и вас, не исключая герцога Росорда, интересует, кто третий претендует на трон Вильсхолла. Ждать финала — это рисковать остаться в лучшем случае

просто ни с чем. Если бы мы знали, где и когда произойдет нападение на послов, то тогда есть смысл организовать собственную засаду и перехватить нападающих. Или даже уничтожить выживших как с той, так и с другой стороны. У герцога есть люди, не уступающие мастерством Айдо и эльфу. Только одна, но существенная! загвоздка... где и когда. — Алассия, закинув ногу на ногу, умиленно улыбнулся. — Вы случайно не знаете?

Вместо ответа маркиза достала из выреза платья сложенный лист бумаги и молча протянула его де Сусу. Граф развернул записку и, не прочтя и двух строк, вскинул голову:

— Откуда это у вас?

— Ныне королевский дворец представляет собой множество ушей и глаз. Даже отправку послов Винетта обставила как жесткий приказ без обсуждения. Но я уверена, что этот ваш мастер, эльф и королева все же смогли обговорить детали операции без лишних ушей и свидетелей. Как? Да хотя бы простыми письмами и записками. Тайный советник, герцог де Бонтон, был просто в ярости, когда ему даже не дали ни оформить, ни заглянуть в посольские бумаги, которые Винетта лично вручила в руки этого мастера.

— Еще бы! Она ведь неглупа и наверняка догадывалась, что за каждым ее движением следят.

— Поэтому и взяла на себя всю организацию этой миссии.

— Хорошо, тогда откуда это?

— Уже позже, в кабинете главнокомандующего, эльф вместе с Измони и тем, другим, составляли маршруты похода в Бревтон и обратно. То, что вы держите в руках, копия оттиска с бумаги, на которой и писался план кампании. Оригинал у посла, точнее, у вашего мастера битв, а второй экземпляр, скорее всего, уничтожен — в камине главнокомандующего нашли пепел от бумаг. Как вы можете видеть, здесь намечены четыре варианта пути до границы и столько же обратно. Последнее, что я могу вам сказать, — их не видели ни на юге, ни на прямом, кратчайшем западном пути.

— Они пошли на север, вдоль горной гряды, практически по открытой местности. Умно! Я бы, например, не стал рисковать, нападая на них там. Но обратно, скорее всего, они могут там и не пойти. — Граф встал, пряча бумагу в карман. — Как мне благодарить вас, сударыня?

— Просто делайте свое дело, милый граф, — улыбнувшись, встала и Латалиа. — О благодарности поговорим потом, когда вы сядете на трон королевства.

Оправив нежное, тончайшее белье постели, служанка с поклоном удалилась, прикрыв за собой дверь. Щелкнул замок — механизм, привезенный из далекого Науга. И только сейчас Латалиа смогла хоть немного расслабиться. Ночь и день тряски по ухабистым дорогам, непростой разговор с графом Алассией. Маркиза откинулась на подушки, блаженно прикрыв глаза. «Пока все идет по плану. Уже сегодня граф отправит нарочного к герцогу. Лишь бы старый осел не заупрямился, упирая на свое личное мнение, и не сорвал все дело. Уже послезавтра я буду в собственной усадьбе, а там...»

Замок двери неожиданно щелкнул, и в гостевую спальню вошел Алассия.

— Сударь, что-то случилось? — в тревоге вскинулась маркиза, позабыв, что привычку ложиться спать обнаженной она не оставляла даже в гостях. Одеяло съехало вниз, открыв прекрасные плечи, полную соблазнительную грудь...

Латалиа ахнула и, заливаясь краской, подхватила одеяло. Усмехнувшись, де Сус закрыл за собой дверь, медленно подошел к кровати, присел на краешек, не сводя с нее глаз.

— Что... вам... угодно?.. — пересохло в горле Латалии. — Надеюсь... вы... не забыли... что вы — дворянин?..

— Все мы... — еле касаясь, граф провел пальцем по ее щеке, двигаясь к шее, — где-то... в чем-то... — кончик пальца остановился на ямочке между ключицами, — дворяне... — Палец как бы сорвался вниз, отрывая одеяло от желанного женского тела.

«Боги! что он делает?!! Зачем?!!»

— И все же: где здесь ваш кусок пирога?

Сильные мужские руки распяли ее на широкой постели. Латалия поняла, что дурманящая истома скоро подчинит ее себе. Но женщина, гордая и независимая, еще не покинула ее.

— Что, граф, не терпится — неймется? — Острая женская коленка со всей силы врезалась неотразимому Ловар де Сусу между ног.

Обескураженный Яра так и не понял, куда мог деваться этот треклятый обоз! Если судить по присланной карте, послы должны были быть в этом месте еще вчера. Но ни здесь, ни к югу, куда был послан отряд разведчиков, они просто не появлялись.

Яра уже, наверное, в сотый раз внимательно просмотрел присланные бумаги. Но ошибки не было — они должны были быть здесь!

— Вернулись посланные, — подошедший вождь орков злился, даже не пытаясь скрыть это, — никого нет. Ты обманул нас, тэндх.

Человеку захотелось свернуть шею этой двуногой свинье. Тем более это ведь так просто: шаг, удар, захват, поддержка и резкий сильный рывок в сторону. Еле переборов себя, Яра заговорил ровным спокойным голосом:

— Они должны были прийти сюда. Тот, кто сообщил об этом, не подводил меня раньше. И ты это знаешь. Скорее всего, обоз отправился другим путем, на север.

— Мои воины хотят мяса. Хотят картурак^[4]. Нам не на что его купить. Мы могли бы пойти в Никсдор. Но мы послушали тебя и теперь рискуем своими шкурами, ждем неизвестно кого. Кругом полно шал-тия^[5], которые ищут нас. Почему я должен тебе верить? — Лесному Камню казалось, что тэндх смеется над его говором и над тем, как тяжело он составляет нужные слова. — Ты сказал: большая добыча на западе. Сказал где, и вот мы здесь. Ждем луну и солнце. Мои воины не спят — ждут. Теперь ты говоришь, что добыча на севере. Я не верю, что она будет там. Я иду в Никсдор. Там деревни людей. Там мясо и пиво. И там мы найдем картурак. Я сказал.

Яра оглянулся. Вокруг, внимательно слушая, стояли орки, окружив их кольцом разговора — кругом, в котором ведут переговоры вожди и шаманы орды. Человек знал, что это «кольцо» может мгновенно превратиться и в кольцо огня, проще говоря, поединка. И, судя по лицам, точнее, по мордам собравшихся, они просто жаждут схватки. Яра понял, что если сейчас она произойдет, то его миссия рухнет, он подведет...

— Я вижу, вождь, что ты хотел бы сейчас обнажить свой меч? — Голос Яры был тверд и полон решительности. — Поправь меня, если я ошибаюсь.

— Тэндх прав. — Лесной Камень положил свою руку на гарду меча — знак того, что готов начать поединок. — Яра готов умереть?

— Сегодня? — хрипло рассмеялся человек. — Сегодня — нет. Но я буду готов сразиться с тобой, когда твои воины помогут мне найти и уничтожить тех, кто сегодня должен был прийти сюда.

— Зачем мне нужны они? Есть и другая, легкая добыча, которая не бежит, не прячется по лесам.

— А разве ты не хочешь отомстить кому-то за своих воинов? За твоих сородичей? — Вождь непонимающе дернул ноздрями. — Тому, кто за шесть солнц и лун в одиночку уничтожил две руки твоих братьев?

Лесной Камень мгновенно убрал руку с меча.

— Вот видишь: наши интересы совпадают. Поверь мне, этот человек среди тех, кого я ищу.

— Это был бор-От из Меридена. Я вспомнил его. Рано или поздно я найду его.

— А почему не сейчас? Пока он здесь, рядом, скрывается от нас. Ведь он боится, иначе бы открыто шел по дороге, а не прятался под кустами и деревьями. А ты знаешь, что «нет приятней мести, чем трусу, забравшемуся на скалу», не так ли? И более того, я обещаю тебе: как только мы найдем этого бор-Ота и ты насладишься своей мезтью, я покину твою орду и вернусь к Уча Игону.

Упоминание имени старого шамана заставило вождя орды отодвинуть мысль об убийстве Яры на долгое потом. Одно дело послушаться и бросить вызов себе подобному, другое — тому, кто перед ужином запросто общается с духами. Тем более что именно великий шаман прислал к нему тэндха, наказав помогать и слушаться его.

Именно к этому и подводил разговор хитроумный человек. Орк вспомнил, кто кому должен здесь подчиняться и почему.

— Хорошо. — Лесной Камень, как подобает вождю орды, хотел оставить последнее слово за собой. — Как только мы найдем этот караван и я напьюсь вина мести, ты уйдешь от нас, куда тебе захочется самому. Твое слово, тэндх?

— Договорились! — Яра была сама покладистость. — Я дал слово. Ты дал слово. Когда все закончится, каждый пойдет своей дорогой.

В груди Яры все клокотало от ярости и унижения. Еще никто в этой жизни не заставлял его делать то, что претило ему самому. Да еще требовать от него слова.

Орк, важно кивнув, повернулся, собираясь сделать первый шаг из кольца разговора.

— Эй, вождь! — неожиданно окликнул его человек. Орк обернулся.

— Если ты еще раз назовешь меня тэндхом, то я буду называть тебя при всех не иначе как сесболдоу^[6]. — У Лесного Камня отвисла челюсть. — Кажется, я правильно произнес это слово?

Если бы я вовремя не увернулся, то лавка, которую я смастерил своими руками неделю назад, та самая, что еще пахла березой и отдала на прощание ногу Дожу — Дырявому Мешку, угодила бы мне прямо в лоб!

А так ее обломки обсыпали мне плечи, крохотными деревяшечками закатились за шиворот, намекнув, что разговор принимает не только нервный, но где-то и неприятный оборот.

— ЛУККА!!! — Голосок мамули, камнепадом ударившись о стены моего дома, заставил задрожать потолок. Сверху посыпались шпукатурка, паутина и еще какая-то живая дрянь, мгновенно рассосавшаяся по полу вслед за исчезнувшим за порогом кошаком.

— Лукка! — До мамочки дошло, что если говорить со мной потише, то это обойдется намного дешевле, чем ремонт дома и наши похороны. — Не смей уподобляться таракану и ползать по земле, притворяясь, что от рождения не понимаешь, кто, о чем и зачем с тобой

сейчас говорит!!!

Я быстренько переметнулся под стол, заметив в руках мамули дубинку, позабытую здесь Большим Озом месяц назад и приспособленную мною под молоток при постройке ныне уже покойной скамейки.

— Мама, — засунул голову в высаженное окно братец Дуди, — Лукка уже согласился?

— Еще нет, маленький, потерпи немного! — Я так и не понял, по чему пришелся первый удар озовской дубинкой — по столешнице или все же по моей бестолковой голове.

— Ну, тогда я еще немного погуляю, ладушки? — разочарованно попросил братик и скрылся.

— Ма, — высунул я руку из-под осыпающегося стола, — попроси, пожалуйста, Дуди не выходить со двора: у меня осталось очень мало соседей, а те, кто еще жив, крайне трусливы и постоянно болеют пугливостью.

— Не трусь! Не в пример тебе малыш сам в силах позаботиться о себе!

— Вот этого я и боюсь! — Вжав голову в плечи, я выскочил из-под укрытия с целью попасть на лестницу второго этажа.

И только я оказался на расстоянии вытянутой руки от мамы, как в моей спине вспыхнул ни с чем не сравнимый жаркий огонь. Точнее, как раз там, где... ну... Ну, именно там, короче!

Меня подбросило в воздух и швырнуло как раз в проем двери, за которым и начиналась заветная лестница. Стоит ли говорить, что наверх меня вознесло, как невинную душу на небо. Оказавшись в комнате, я живенько запер ее, подперев шкафом. Правда, не столько ради пользы дела, сколько ради осознания того, что я сделал все возможное, чтобы хоть ненадолго приостановить этот ураган, налетевший на Уилтаван из Вечной Долины.

Открыв окно, я, не раздумывая, прыгнул во двор. В комнате раздался грохот падающего шкафа и чего-то еще. Скромный, красного кирпича, с балкончиком, двухэтажный особняк затрясся с ног до головы, осыпаясь с крыши черепицей.

— Лукка, ну почему ты не хочешь поговорить с мамой? — После недоуменного вопроса меня подняли за ремень с земли.

— Дуди, — безуспешно старался я вывернуться из лапищ братца, вертясь в воздухе, как паук на нитке, — для того, чтобы нормально говорить с мамой, нужно, чтобы она была в нормальном настроении и на нормальном же расстоянии. От меня, конечно!

— Доброе утро, сосед! — окликнул меня из-за каменного забора Теш-Берг. Единственный во всей округе человек, который за полтора года моего проживания в столице Бревтона так и не захотел менять место жительства. Я называл его дядя или дядюшка Берг. Не знаю почему, но ему нравилось, когда я называл его именно так. Особенно в каком-нибудь кабачке, где нас почти не знали. Бывало, дядя Берг хлопнет (если, конечно, достанет!) меня по плечу: «Как дела, Лукка-Висельник?!», а я ему: «Отлично, дядюшка Берг!», и перед стариком моментально появлялась выпивка «за счет заведения».

— Доброе утро, дядя Берг! — попытался я развернуться в сторону соседа, — вы уже завтракали?

— Да, дружок, спасибо за заботу. — Теш-Берг, сложив руки поверх заборчика, с нескрываемым любопытством рассматривал происходящее.

— Я вижу, у тебя гости, сынок? — Дед почти ко всем подряд пытался навязаться в родственники, называя их не иначе как «сынки» и «дочки». Помню, однажды он назвал так Дожа, после чего гном чуть не протянул копыта от смеха.

— Да, дядя Берг, мама с младшим братиком приехали.

— О, это есть хорошо, — щербато улыбнулся сосед. — Мама, как я слышу, наводит порядок в доме? Генеральная уборка, да?

— Скорее, перестройка, — пискнул я, продолжая пытаться вырваться на свободу.

— А где братик? — еще шире улыбнулся Теш-Берг. — Где этот милый карапуз?

— Ну, если он сейчас поставит меня на место, то я с удовольствием вас познакомлю. Слышь, ты, башня сторожевая, поставь меня на землю, я вас познакомить хочу. — Видя замешательство Дуди, я ударил его по больному: — А то киска с тобой играть не будет, — и дедушка сладенького не даст!

— Не дам... — искренне подтвердил Берг, широко раскрыв глаза и еще шире свою пасть вслед удирающей в кусты рыжей кошке.

Дуди тут же поставил меня прямо, слава Небесам, не перепутав, где у меня верх, а где низ.

Я, пошатываясь, сделал шаг-другой и, навалившись пузом на заборчик, хрипя загнанным буйволом, представил их друг другу.

— Дядюшка Берг, это мой младший братец Дуди! Дуди, познакомься с моим добрым соседом Теш-Бергом, или дядей Бергом.

— Рад познакомиться с тобой, сынок! — прижав два пальца к виску, тепло улыбнулся Берг.

— Па-па?.. — Дуди, широко раскрыв глаза, смотрел то на меня, то на Берга. — А... э... о... у... па?

— Сосед, — махнул я рукой на братишку, мол, «не обращай внимания», — у тебя горло промочить нечем? Там пивка или еще чего?

— Да! Да! И сладенького! — запрыгал, хлопая в ладошки, тролльчонок.

— НИКАКОГО СЛАДЕНЬКОГО ДО ЗАВТРАКА!!!

Остатки волос старика резко попытались слететь с места под порывом штормового ветра.

— А это моя матушка, госпожа Ундина.

— Можно просто мадам Дина. — Мамуля попыталась присесть, как та увиденная на улице дамочка перед каким-то расфуфыренным кавалером.

— Теш-Берг, — сурово представился мой сосед, — но для вас, сударыня, просто Берг.

— Рада познакомиться, господин Берг.

— А уж как я счастлив познакомиться с ближайшей родней этого славного парня! Надолго к нам?

Лучше б он этого не спрашивал... В воздухе опять потеплело, в небе потемнело, а мамуля наконец добралась до моего загривка!

— Ты что же делаешь, сын жакхе и гоблина? Ты понимаешь, в какое положение ты ставишь свою семью в глазах соседей и родственников. Что ты думаешь о своей жизни и чести рода?

— Прошу прощения, сударыня, что вмешиваюсь в ваши дела, — учтиво впутался в разговор Берг, — но позвольте поинтересоваться, в чем же провинился наш Лукка? Поверьте на слово, мои соседи, а значит, и соседи вашего сына никогда не скажут о нем ничего дурного! Да спросите их самих! — В запале речи он обвел рукой пустующие вокруг дома. — Так в чем же вина нашего славного тролля, на которого в буквальном смысле слова молится полгорода?

— О, сударь, — вроде как начала остывать мамуля, — дело в том, что... — Я втянул голову обратно в плечи и сжался весь изнутри в предвкушении... Грянул гром, сверкнула молния, и, только когда осела пыль, до ушей дядюшки Берга эхом дошли слова мадам Дины: — ЭТОТ СЫН КОБЕЛЯ НЕ ХОЧЕТ ЖЕНИТЬСЯ!!!

— Дело в том, — уже не в первый раз начала свой рассказ мамочка, — что Лукка, как вы сами понимаете, вырос. И вырос довольно заметно. Он уже встретил все свои семнадцать весен и, как подобает настоящему троллю, был посвящен в мужчины своего племени. Лукка! Не морщись и не вздумай изгожать двор вчерашним ужином. На вот, возьми платочек. Я продолжаю. Кстати, милый, а почему двор до сих пор не убран? Что это за тряпье валяется около сарая? Как не тряпье. А что? КТО??? Тебе не кажется, что пора вернуть родителям их драгоценное чадо? Пусть даже оно и посмело рискнуть вчера поужинать с тобой на свою же голову. О чем я? А, да! И вот, в этом году, на Празднике Весны, когда основная церемония была закончена... Лукка! Веди себя нормально, перестань бледнеть. Ты уже взрослый! Продолжаю. Только стоило всему стойбищу усесться за праздничный стол, еще не были подняты первые двенадцать традиционных тостов... Кстати, Берг, что у вас тут успел натворить мой нерадивый сыночек? Тот безрукий гном, которого Лукка притащил с собой, имел наглость плести всякие небылицы про моего сына! Будто он связался с какими-то волшебниками, монашками и мертвецами. Вы можете себе такое представить?! Чтобы мой... сын... во главе этой кодлы... Кстати, милый, ты бы не мог в следующий раз быть более благоразумным в выборе друзей? И во главе этой кодлы пошел громить несчастных эльфов, с которыми повздорил из-за пастбищ невесть откуда взявшихся единорогов? Лукка, в последний раз делаю тебе замечание — будь мужиком, будь хозяином. Появилась ничейная одна-вторая-третья-сколько-их-там животинка. Ты подумал о том, что у тебя дома восемь или десять (сама точно не помню сколько) голодных ртов. Тебе было трудно привести хотя бы парочку парнокопытных для развода домой? Пьяницу-гнома у тебя хватило сил притащить с собой, а потом и утащить восвояси! И, когда была выпита двенадцатая кружка и за столом пошли разговоры о предстоящих свадьбах — кому на ком следует жениться, наш сынуля поднимается из-за стола и во всеуслышание заявляет, что хорошее дело женитьбой не называют. А потому как все, что связано с семейной жизнью, особенно... сейчас я попробую точно пересказать его слова, своими, конечно! Особенно «все то, что связано с *бисквит-аальными* отношениями», короче, ему ни в одно горло не полезло.

Лукка, милый, поверь, не стоит так из-за этого переживать! Ты же еще не знаешь, как будет готовить твоя будущая жена! Не надо закатывать глаза и дымиться без всякого повода! Ты только послушай. Вот, к примеру, дочь Кривого Афиры. Красивая Девка! Вся в отца! Не надо ухмыляться, дорогой Берг. Не всегда имя дается по телесным признакам его носителя... в... редких случаях. Но зато как она рубит дрова и готовит перловку на чесноке с медом! Пальцы откусишь! Как кому? Дорогой соседка, я не понимаю ваших намеков! А дочь Беззубого Медведя и Безногой Оленихи, что с Дальнего Угла? Это ж какая экономия на еде и одежде! А как она вышивает крестиком... если б вы только видели!.. Что, вы просите меня еще продолжить? Сударь, вы вправду этого хотите? Да взять хотя бы Тулипу, нашу соседку, дочь Маленького Ируса, кузнеца Лукка! Стоять!!! СИДЕТЬ!!! РЯДОМ!!! И что с того, что он два года назад по-соседски начистила тебе рыло? Дело-то житейское! Но главное не в этом!

Дорогой сын. Говорю тебе при твоём младшем брате и твоём друге-соседе. В семье женщина — это все. Ты понимаешь? Нет... хорошо... Вот что такое женщина? Дуди, не пускай слюни, когда говорят о прекрасном, тем более когда спрашивают не тебя, а твоего

старшего брата. Молчишь... Правильно! А что ты можешь о них сказать? Где ты их видел, настоящих женщин, при виде которых захватывает дух и все нутро стремится... нет, не убежать... Лукка, ты меня расстраиваешь и обливаешь горячими слезами мою старую печень. Я хочу иметь от тебя внуков, и неважно, хочешь ты сам этого или нет. Ну, кого ты видел в своей жизни, шатаясь из угла в угол по просторам нашей необъятной родины и ближнему зарубежью? Двух эльфиек и старую гномиху? Богатая экскурсия! Что-что-что? Посетил с дружеским визитом женский монастырь какой-то там мученицы? Нет, сынок, конечно, ты поднялся в моих глазах, я не спорю, опыт просто бесценен и... Этот жеребец с головой человека еле отошел через неделю? Я всегда говорила, что люди — самый хлипкий народ после гномов, и не важно, задницу какого животного по ошибке им подарила природа. Вернемся к началу нашего разговора. Рано или поздно ты поймешь, что жена в хозяйстве — вещь крайне нужная и необходимая. И необязательно для постирать, сготовить, починить, прибрать, присмотреть, родить, воспитать, погладить, собрать, посадить, прополоть, подоить, собрать урожай... А поговорить? О чем можно говорить с себе подобными, с мужиками то есть? О пиве, вине, об охоте, рыбалке, войне, картах, бабах и гоблинболе. Все! Темы исчерпаны...

А с законной супругой? О любви, нежности, завтраке, обеде, ужине, погоде, скотине, хозяйстве, строительстве, соседях, урожае, удоях, детях, внуках, правнуках, планах, старости, похоронах... чужих... По молодости, конечно, можно еще о звездах, небе, птичках, рыбках, свадьбе, сеновале. Хотя все это уже заграничная романтика! Не убедила? Тогда вопрос ребром. Ты понимаешь, что по обычаю, если не женишься ты, то тогда твой братец Дуди тоже не имеет права жениться. Что значит «ягодка созрела»? Лукка, не язви! Распустился... Ребенок имеет право на личное счастье, и я с папулей и уж тем более ты, не можем вставить ему поперек горла! И невеста уже наготове! Ты ее знаешь — Ацацца, дочь Норума-Страшилы. ДЕРЖИТЕ ЕГО!!! Лукка, Лукка, открой глазки... очнись, пожалуйста. Она невеста братика а не твоя, слава Небу! Для такого увальня, как ты, ее еще и найти надо. Поэтому вставай, отряхивайся и слушай. Свадьба назначена через четыре месяца. Это как раз за неделю до Страшного Поста. Ты понял? Не мотай так головой, мозги рассыпешь. Или ты находишь себе девку или этим займусь я. Это ты, надеюсь, понял? Кивни, если «да». Дуди, к тебе это не относится. Что ты дергаешь меня за рукав?

— МА-МА!

— Здесь мама, и что дальше?

Дуди проникновенными синими глазами смотрел то на мамулю, то на то место, где еще полдня назад стоял мой сосед, дядюшка Берг.

— МА-МА! А где ПА-ПА?

Я остался дома разгребать мусор, появившийся после утреннего приезда родственников. А мамуля под ручку с Дуди отправилась рассматривать город. Честно говоря, я очень надеялся, что они не то что не будут заходить, а даже и не заметят новую расписную вывеску трактира «Пьяный Тролль». Не то чтобы во мне разыгралась какая-то скромность, просто, зная мамин талант переворачивать все вверх дном и ставить с ног на голову, я даже не посмел бы предположить, чем лично для меня могло бы кончиться это посещение.

Выполняя главный завет послушного, а главное, разумного дитяти — «убери то, на что уже наступили», я решил растолкать того самого, с кем вчера поужинал в трактире имени меня, а ныне портящего внешний вид моего двора.

На первый взгляд малый был мне вроде бы и незнаком, а следовательно, имя его я, скорее всего, не знаю. Точнее, не помню. Первая попытка вернуть человечка к жизни ни к чему не привела, если не считать невнятное мычание и полное нежелание оного приходить в себя. Поэтому, не мешкая, я прибегаю к старому проверенному способу, до тонкостей отработанному еще со Скорпо в Заблудшем Лесу. Благо бочка с дождевой водой никуда со двора уходить не собиралась.

После третьего окунания парень открыл глаза, а после пятого уже стал издавать более членораздельные звуки, чем пошлое бульканье. В последний раз я держал его под водой до тех пор, пока он не начал колошматить меня по рукам, стремясь выбраться на свежий воздух.

— Как тебя зовут-то, еще помнишь? — За год с лишком проживания в этих краях фраза произносилась далеко не в первый раз.

— Михаэль... вроде... — отвечает тот, вытряхивая воду из ушей. — А ты кто?

— Лукка, — просто говорю я, разглядывая вчерашнего компаньона. — Что было вчера, помнишь?

— С трудом, — напрягает лоб Михаэль, в то же время стараясь вылезти из бочки. После очередной безуспешной попытки он с мольбой обращается ко мне: — Помог бы, что ли? Все равно без дела стоишь.

Я хватаю его за шиворот, а затем рывком вытаскиваю на землю. Как и все предыдущие, кто имел счастье и честь побывать в этом водоеме, он мокр, жалок и, как это ни странно, мучим жаждой. Кое-как он ковыляет до ближайшего места приземления и садится на здоровенный кусок бревна, который я решил в ближайшем будущем пустить на дрова. Ухватившись за голову, долго рассматривает кусочек птичьего помета на земле. Это продолжается до тех пор, пока я не всовываю ему в руки кружку пива, заботливо подброшенную дядюшкой Бергом.

Пока он утоляет жажду, я присаживаюсь рядом, посматривая на рваные облака, отарой бредущие по небу.

— Ожил? — спрашиваю его, когда он перестает стучать зубами о край кружки.

— Вроде... — Михаэль уже вполне осмысленным взглядом рассматривает мир, в том числе и меня. — Ты вроде Лукка-Висельник, тролль, ведь так?

— Ну... — забираю у него опустевшую кружку и наливаю себе пивка из дядюшкиного кувшина.

— Здорово! Никогда не думал, что словлю случай посидеть с тобой за одним столом, — радостно улыбается он. — Будет что детям и внукам рассказать.

— Что рассказывать-то, помнишь?

— А! — от души махнул он рукой. — Придумаю!

Мы молчим, рассматривая друг друга. У парня большие глаза, которые бегают по всей моей фигуре, вроде как желая запомнить увиденное на всю оставшуюся жизнь. Я уже привык к подобному, но все равно мне не по себе. Да, я умудрился прославиться на весь Бревтон, мне подарили двухэтажный особнячок и право пить на халяву, пока не упаду, и все такое. Меня узнают на улицах. Правда, сразу же переходят на другую сторону, за редким исключением пожимают руку, приглашают выпить. А один раз даже спросили моего мнения и совета. Как сейчас помню, дело касалось «повышения налогов за проживание и на производство малой и средней торговли».

Так или иначе, но скоро мне надоело, что Михаэль пытается высверлить во мне дырки своими глазами. Да еще и молча.

— Чем занимаешься? — начал я светейский разговор. — Сам-то здешний или в гостях?

— Кто? Я? — очнулся тот. — Не, я из глубинки. Есть такая деревенька Репьевый Куст.

Слышал, мож? Это на севере отсюда.

— Репьевый Куст? Конечно, знаю! Я был там год с лишним назад. Там же Замок Лео!

— Какой замок? — недоуменно вытаращился Михаэль.

— Ну, башня на холме, где волшебник жил. Правда, он сейчас там больше не живет, переехал в другое место.

— А... — вспоминая, протягивает малый, — да-да, точно! Зловещее такое место. Мы его стороной обходим.

— Еще бы не зловещее! — ухмыльнулся я во весь рот. — Если бы я тогда знал, куда меня занесет судьба, то сначала бы раз пять подумал, прежде чем заезжать туда. Кстати, — хлопнул я себя по коленке, — а как там госпожа Грета? Жива ли, здорова?

— А что ей будет? Все нормально, жива, здорова, детишек растит да за хозяйством глядит.

— Это хорошо... — я мысленно ударился в воспоминания, — были дела.

— А сам-то как, — спрашивает Михаэль, — один живешь или с семьей?

— Вообще-то один. Хотя уже нет — вчера матушка с братом приехали. Друзья редко заходят. У всех дела, заботы... — Как-то нехорошо засвербело у меня в груди. С чего бы?

— Слушай, а правда, что у тебя эльфы в друзьях ходят? Посмотреть бы на них... Какие они?

— Как какие? Обычные... — В груди свербело все больше и больше. Может, просто недопохмелился?.. — Паря, — встал я с бревна, — давай-ка заходи сегодня вечером, может, сходим куда, посидим, поболтаем. А то мне сейчас некогда, прибраться надо и все такое. Сам понимаешь — родственники приехали.

— Да-да! Извини, друг, до скорого!

Я взял плетеную корзину для мусора и пошел в дом, хотя мне казалось, что легче добыть себе новый, чем убрать этот. Благо пустующих домишек кругом было — пруд пруди. Убирая шпукатурку и обломки мебели, терзался ощущением, что меня выставили дураком... причем полным...

Когда я выносил на улицу шестую корзину кряду, меня вдруг осенило! А откуда у госпожи Греты детишки, если она вдова, а в том захолустье каждый свободный мужичок на счету? И еще... Откуда я раньше знал этого малого?!!

Вместе с вечерним зноем вернулась мамуля. Позади нее с многочисленными узлами, корзинками и свертками в руках и за пазухой топтался Дуди.

— Нет, Лукка, мне определенно здесь нравится! Какой добродушный и доброжелательный народ! Ты представляешь, почти все продавцы на рынке и в торговых лавках, когда узнавали, к кому я приехала и где поселилась, отдавали выбранное мной вдвое дешевле, а то и совсем бесплатно!

— Что ты говоришь, мамуля! — искренне восхитился я. — А эти добродушные люди тебе ничего еще такого не говорили? Случайно...

— Ты имеешь в виду что-то вроде «передать тебе привет»? О, Лукка, сынуля! Ну кому ты нужен в этом чужом городе? В этом каменном лесу, где каждый думает только о себе, чрезмерности налогов и набивании собственного брюха посредством жратвы и пива! Нет, там что-то было вроде того, чтобы я передала тебе «поклон и искренние пожелания», но, поверь мне, повидавшей мир, это были слова подхалимства и заискивания перед твоими

габаритами и древностью родословной. Нет, то ли дело у нас, в Долине! Все тебе рады, все провожают тебя добрым словом и пожеланием заходить снова на кружечку-вторую. А какие у нас девушки! Стройные, сильные, стильные. Все как на подбор! Взять хотя бы Анну-Складушку.

— Нескладушку, — поправил я. — Ты хотела сказать Анну-Нескладушку.

— Ой, Лукка, не придирайся. Ну, ошиблась мама чуток, что из этого? Мир перевернулся? Молоко в погребе прокисло? Рыбки зашагали дружную толпой по небу? Какая разница, как ее зовут, в конце концов! Главное, как она управляет с хозяйством и скотиной! Помнишь, как она утихомирила взбесившегося буйвола дядюшки Рекора, когда тот (я имею в виду буйвола) неразумно заскочил к ним во двор? Одной правой! Не каждому мужчине это под силу!

Я застонал, вспомнив, что осталось от бычка, когда Анна протопталась по нему стадом пьяных троллей.

— Не хочешь ее — и не надо. Кстати! — неожиданно взвизгнула мамуля, залезая за пазуху к Дуди. — Погляди, какую прелесть мне подарили в лавке кухонной утвари!

— Что это?!! — вылутился я на предмет мамулиного восторга.

— Малое сито для отбрасывания чая! — с неподдельной гордостью объявила мама, демонстрируя еле видную в ее лапище продырявленную насквозь ложечку.

— А... — я запнулся, подбирая слова и собирая воедино разбежавшиеся по округе мысли, — а на фига?..

— Фи, Лукка, — взмахнула бровями троллина, — какой ты еще неотесанный, хотя и в городе живешь. Посмотри, сколько в ней изящества, хрупкости, красоты. Вот твой братик, не в пример тебе, сразу оценил. Ведь так, Дуди?

— Ага! — прошамкал тот, не прекращая искать чего-то пальцем в ноздре. — Круто!!! — объявил он, любуясь не то ситом, не то результатом поиска. — У нас в стойбище ни у кого такой нет. Хорошая штука. В хозяйстве сгодится!

— Ага, — в тон ему сказал я, — компост просеивать!

После плотного ужина Дуди с мамой разлеглись на втором этаже, и уже вскоре я слышал их дружный, перегоняющий друг друга храп.

Мне не спалось. Всякие разные мыслишки копошились в голове и не давали заснуть. Я вышел во двор полюбоваться звездами, а если удастся, поболтать с дядюшкой Бергом и наконец навести порядок в своей голове. Если получится. Звезды были на месте, а вот сосед так и не появился. Может, тоже лег спать, а может, подался в ближайший кабак поговорить о том о сем с друзьями. Пообщаться то есть. Мне же в этом городе общаться было не с кем. Если не считать хозяина «Дна Кувшина». Точнее, теперь уже «Пьяного Тролля». Нет, забыл! Иногда еще встречаюсь с тем сержантом, которого Большой Оз вышвырнул на свежий воздух в тот вечер, когда мы в первый раз посетили столицу Бревтона. Теперь он уже редко жалуется на головные боли, и его лицо не так дергается при встрече со мной, хотя руки все еще трясутся. Он теперь на пенсии, живет с дочерью и сыном, занимается, как он выражается, игорным делом. Проще говоря, играет в кости по кабачкам. Доход небольшой, но постоянный. В отличие от него, у меня был более чем постоянный достаток. Не знаю, как это назвать... Пенсия не пенсия, доход не доход. Скажем так, два раза в месяц мне как «освободителю славного Уилтавана от врагов» приносили небольшой, но полный золота мешочек. Так что, несмотря на все запой и другие затраты, я умудрился за все это время скопить небольшой капиталец.

И вот что интересно! Сейчас, когда у меня есть практически все: дом, деньги, паратройка преданных, но редко появляющихся друзей, мне... скучно!.. Грешным делом с удовольствием вспоминаю дни, когда носился по всей стране по делам Скорпо. Интересно, как он сейчас. Где он? В последнюю нашу встречу мне показалось, что ему было бы неплохо обрасти мяском и обзавестись кое-какими причиндалами для обыкновенной жизнедеятельности. А так... а так я и в самом деле подумывал о серьезной женитьбе и о том, чтобы обзавестись излишком жирка на брюхе. Нет, а что?! Хороший дом, хорошая жена. Что еще нужно троллю, чтобы достойно встретить старость? Только если и брать себе жену, то не из Вечной Долины! Ей-богу, я не имею ничего против тамошних девушек, но... Мое как говорит мамуля, больное воображение рисовало нечто такое хрупкое... нежное... и... и... и... с душой, короче! А не с ручками, которым кузнец-молотобоец из людишек обзавидуется. Сразу же вспомнилась жена Ватгиля — прекрасная Йавиэвэн. Вот это женщина для меня! Стан, к которому береза ревновать начнет; лицо, достойное вышивки на рушнике; глаза — драгоценные камни, выхваченные из самых недр земных гор; голос, который был дан не иначе как самой *ватау*, и это, до сих пор теребящее глубины сердца: «Вау! какие мальчики!» Разве такое можно забыть, стереть из памяти?!

В сладостной тоске я потер под кожаной рубахой грудь и, тяжело вздохнув, подмигнул улегшейся у ног рыжей кошке. Над краем забора появилась чья-то голова и тут же исчезла. «Ошиблись, надеюсь», — осторожно привстал я, выглядывая подходящий чурбачок под ногами. Конечно, можно и без него, но так и раненых будет меньше, да и мне попроще! Голова появилась вновь, но уже не одна, а с двумя другими. «Что ж, одной больше, одной меньше!» — Я подхватил с земли не палочку, а нормальный камень и хорошенько прицелился, выжидая, что будет дальше. Небось это и не враги совсем. Кто знает, кого принесло в этот час, мож, выпить позвать или еще что? Хотя нет — у одного из «гостей» за спиной торчали рукоятки мечей, так их носят эльфы.

Тени тихо спрыгнули во двор. Немного постояв, одна из фигур отделилась от других и... пошла открывать ворота. От такой неслыханной наглости я подобрал с земли еще один булыжник. Ворота открыли, и вошли еще двое. Итого — пятеро. Бывало и хуже. Присмотревшись, я убедился, что народ появился здесь явно не с приглашением на пьянку, хотя бы потому, что с таким количеством оружия туда просто не зовут — минимум у троих мечи!

Двое, низко пригнувшись, рванули к окну, а остальные в шаге друг от друга медленно стали подходить к дому со стороны двери. Когда у одного из них в руке невесть откуда появилось что-то напоминающее выгнутый меч, мои сомнения моментально развеялись.

Брошенный мною булыжник угодил прямо в лоб тому, что с мечом, и опрокинул вражину на спину. Второй, каким-то образом почувствовав, откуда камнями дует, попробовал увернуться, но не совсем удачно — снаряд попал в плечо. Он взвыл, как та свинюшка, которую решили пустить на колбаску, до истерики испугав киску и оглушив всю округу своим непотребным ревом:

— АЙДО, ОТЦА ТВОЕГО В СХАД! Я ЖЕ ГОВОРИЛ, ПОСТУЧАТЬ НАДО БЫЛО!!!

Но это было только начало! Сверху, над двумя подкравшимися, открылось окно, и на парней вылился целый таз кипятка, который мамуля приготовила для вечернего умывания. Ребята, переглянувшись, дружно заорали и бросились врассыпную. Тут же в открывшейся двери появился братец Дуди с граблями в руке. Я понял, что если еще немного молча простою истуканом, то начнется настоящее смертоубийство. Дуди прямо с порога широко

размахнулся и швырнул огородный инвентарь в ближнего убегающего. Да еще и весьма точно! Малый охнул, споткнулся и растянулся в пыли двора. А Дуди, окрыленный успехом, высоко подпрыгивая, рванул за другим. «Догоню, поймаю, съем! Съем, поймаю, догоню!» — во все горло распевал он, нагоняя, кстати говоря, бывшего нападающего. Я бросился ему наперерез, но было уже поздно — молодой тролль, догнав убежавшего, отвесил ему такой пинок в зад, что тот влетел головой в забор и намертво застрял там. «Только бы за гоблина не принял!» — налетел я сзади на братца, засандалив ему по затылку. Дуди непонимающе застыл, развернулся и, прежде чем завалиться мне на грудь, прохрипел сквозь зубы: «Дожил... Брат... брата....»

— Так ведь не насмерть... — подхватил я оседающее тело.

— Лукка, что ты посмел натворить, негодник! — появилась на поле брани мамуля. Только она направилась не прямо ко мне, а к Айдо с Купом. Учитель как раз пытался поднять с земли недвижимое тело своего товарища по визиту, по-моему, даже и Ильд-Ми, в то время как эльф, ухватившись за плечо, голосил так, что, наверное, в королевском дворце слышно было. Громкости добавило еще то, что мама от всего сердца прошлась по ушибленному мокрому полотенцем. У эльфа глаза полезли на лоб, и он, плюнув на честь и достоинство, рванул от троллины, завывая, как стая пьяных гоблинов. Отбросив ученика в сторону, мастер боя легко увернулся от удара полотенцем, нарисовавшись за спиной мамули. Та, удивленно крикнув, попыталась развернуться, но не совсем удачно для... Айдо — его снесло мощным порывом маминога зада.

В кувырке через себя он мягко приземлился, широко расставив ноги. Мамуля восприняла это не иначе как приглашение побороться или как на «танец стада маленьких медвежат». Утробно заворчав, троллина низко наклонила голову и атаковала человечка. Тот снова ушел в прыжке.

Да, праздник встречи старых друзей, бесспорно, удался на славу! Только одно удручало меня: если мамочка сумеет достать учителя Айдо, то я так и не смогу с ним нормально поздороваться в течение нескольких дней. А мама, войдя в раж погони, подбиралась к бор-Оту все ближе и ближе, постепенно загоняя его в угол двора, что у самого дома. Ей это даже начало нравиться, в то время как Айдо она просто надоела. Кончилось все тем, что на глазах у изумленной женщины он взял и взбежал по стене дома и уселся в окне второго этажа.

— Эй, попрыгунчик! — завопила снизу мамуля. — Мы так не договаривались! Давай слезай, еще побегаем. Мне это будет, знаешь ли, даже полезно! Говорят, физические упражнения благотворно влияют на самочувствие и фигуру. Ну, так и не сиди там скворчиком на ветке! СПУСКАЙСЯ, Я ТЕБЕ ПО-ХОРОШЕМУ ГОВОРЮ!!! Я научу т правилам хорошего тона! Ишь, взяли моду по ночам с железками ходить!

— Сударыня, во-первых, прошу прощения за неожиданный визит, — заговорил мастер боя со своего шестка, — дело в том, что все мы — старые друзья Лукки.

— Это так, ма, — аккуратно выдергивая голову из забора, подтвердил я. — Ребята давно не виделись, решили зайти.

— Я бы сказал немного по-другому, — продолжал вещать из окна Айдо. — Мы к нему не только с дружеским визитом, но и по делу, в котором наш дорогой Лукка, надеюсь, сможет нам помочь.

— Вот-вот, тоже мне друзья называются, — наматывая полотенце на руку, пробурчала мамуля. — Жили-были, не тужили, а как беда в крышу постучалась, о моем сынульке

вспомнили.

— Не совсем так, сударыня, мы в этом городе по поручению. По своим делам, так сказать. А к Лукке чисто с дружеским визитом.

— Ночью?!

— Как приехали... — морщась от боли, подошел Куп.

— А чего через забор полезли? Поубивать же могли!

— Так поздно ведь. Стучаться неудобно — вдруг соседей разбудим, да и Лукка мог быть не один, — продолжал эльф.

— А С КЕМ ЭТО ОН МОГ БЫ БЫТЬ, А?! — уперла руки в бока троллин поворачиваясь ко мне. — Это ж с какой-такой-этакой тебя могли застать? Или уже заставляли? Имя? Фамилия? Кто родители? Какое положение? Что умеет? Каково приданое? Куда сватов присылать? И ПОЧЕМУ МОЛЧАЛИ И МНЕ НЕ ДОЛОЖИЛИ!!!

Эльф быстро водил глазами по нам с мамулей, явно не понимая или не желая понимать, о чем именно идет речь.

Честное слово, у меня голова закружилась! С одной стороны — мамочка со своими делами, с другой — ребята, не только пришедшие в гости (такой толпой только на разборки ходят!), но и со своими проблемами, а они, то есть проблемы, то... вот... и... ну.. — слова кончились...

Я нашел самый простой, а главное, верный способ разрешить все вопросы.

— ВСЕМ СПАТЬ! ВСЕ ЗАВТРА!!! — Даже у мамули после такого ора не было желани что-то уточнять или переспрашивать.

Вот что значит родня! С полуслова понимаем друг друга!

В первый раз в жизни у меня раскалывалась голова не от похмелья, а от всего того, что на меня свалилось.

Сначала в мой сон ворвалась (кто бы сомневался!) мамуля.

— Доброе утро, сыночек, — приветливо улыбнулась троллина, заботливо стаскивая с меня одеяло. — Надеюсь, ты прекрасно выспался, а главное, отчетливо помнишь, что было вчера? А если так, то, надеюсь, удосужишься сказать мне, кто она такая?

— Она, это кто? — В утреннем забытии я попытался ухватиться за край уносимого одеяла, одновременно зарываясь под подушку.

— Ой, Лукка, только не надо мне морочить спозаранку голову. Сегодня ночью я отчетливо слышала, что у тебя есть девушка, на которую ты положил глаз с явной мыслью на ней жениться. Так что не надо прямо с утра расстраивать мамочку своими детскими тайнами. Будь любезен, скажи мне прямо: кто она и так далее.

— Ты о чем, ма? — завернулся я в простыню.

— Как о чем?! — Меня развернуло и вывалило пол одним рывком. — О твоём будущем, конечно! И, соответственно, о будущем твоего брата Дуди, который, кстати, очухался только сегодня утром. А еще о чести твоей семьи, ибо от твоего выбора зависит, что о нас скажут соседи и наши родственники вплоть до Сосновых Островов.

— Это у которых мы были в гостях пять лет назад, добираясь до них целых полгода?

— Да!

— Понимаю... — Я сдался и, встав с кровати, правда, с закрытыми глазами, пошел искать на ощупь умывальник.

— Вот и отлично! — встрепенулась мамуля. — Думаю, что шестой день следующей

недели подойдет! За это время я успею прикупить все, что надо, для стола и помолвки.

— Какой помолвки? С кем? — окончательно проснулся я, наступив голой пяткой на выставленный хвост устроившегося под кроватью кошака, который вернулся перед рассветом. Мурлыка взвыл дурным голосом и дал деру в вывороченное окно.

— Милый, — елеино пропела мамуля, — я понимаю твою юношескую скромность (когда-то даже я ею обладала), но только не надо обманывать маму. Вчера от твоих друзей я отчетливо слышала, что у тебя есть девушка, которую ты по непонятным для меня причинам скрываешь от своей родни.

— Стоп! Подожди, ма! — Разлепив глаза, я плеснул в них холодной воды. — Здесь какая-то путаница! Вчера никто даже не произнес слова «девушка», и уж точно слова «моя». Кроме тебя самой, разумеется!

— Лукка! — Троллина начала потихоньку дымиться. — Я слышала то, что слышала. И поняла так, как поняла. Остальное — твои несмышленные домыслы и неуклюжие попытки скрыть свою личную жизнь от глаз и ушей семьи. Для меня это все настолько непонятно, что я больше не намерена слушать далее твои рассказы и придумки! Через одиннадцать дней изволь предоставить мне мою невестку или можешь убираться на все четыре стороны из этого дома!

— Но... это мой дом... мама...

— Тем более! — Дверь хлопнула за мамулей с такой силой, что вернувшаяся было киса слетела с подоконника обратно во двор.

— Что, дружище, проблемы? — подсел ко мне во дворе эльф.

— А когда их у меня не было? — прогнусавил я в ответ, безуспешно пытаюсь заставить кошечку свернуться калачиком на моих коленях.

— Помощь нужна? — Куп игриво ткнул пальцем рыженькой в животик.

— Ну, если ты умудришься за одиннадцать дней найти мне более-менее подходящую для женитьбы дивчину, я буду тебе очень признателен!

— Ты серьезно?.. — недоверчиво протянул старый Друг. — Я в том смысле, что все именно так серьезно?

— Увы, да. — Я, отпустив кошку, лег спиной на забор. — Понимаешь ли, в чем проблема. Не знаю, у кого как, но у нашего племени, пока старший врат не женится, младший даже не смеет думать о создании семьи. А тут моему братцу просто приспичило запрячься в семейный хомут. Вот мамуля с Дуди и пожаловали ко мне, чтобы я дал свой положительный ответ.

— А чего они вдруг так засуетились? Родовой обет женитьбы? Горячая любовь? Или просто элементарно залетели?

— Вряд ли... — протянул я, пытаюсь понять кое-что из услышанного. — Летать мой братец не умел сроду, если не считать одного раза, когда под ним обломился сук дуба, куда он полез за диким медом. Представители рода моего ни с кем никогда не обедали так, чтобы в конце попойки дело дошло до женитьбы. Думаю, просто мамуле надоело без повода лазить к женушке нашего соседа — Норума-Страшилы. Вот женщины и нашли способ видаться чаще — поженить своих отпрысков, то есть Дуди с этой... Аггаззой. — Я невольно и от всей души рассмеялся. — Парочка будет еще та — братца моего ты уже видел. Хоть он и мой кровный родственник, но давай смотреть правде в глаза. Он младше меня всего на полгода, а...

— На полгода? — встрепенулся Куп.

— Да. А что здесь такого? В наших краях редко задумываются над сроками продолжения рода. Так вот. Он младше меня всего на полгода и довольно крупнее меня, но... — здесь я зашептал на ухо эльфу то, о чем не стоит говорить вслух, — но он такая бестолочь, что я иногда чувствую себя дедом Архи, чьи седины решили обрести покой в нашей Вечной Долине.

Куп от души расхохотался.

— Тише, — пнул я его ногой, — народ разбудишь. А сама Аггазза... — я снова перешел на шепот. — Возьми меня. Потом еще одного меня. Сложи. И добавь еще полменя. И мозги Дуди. Как тебе это?

Эльф зашелся беззвучным хохотом, склонившись над своими коленями. Наконец, вдоволь насмеявшись и вытерев слезы, он в свою очередь наклонился ко мне.

— Ну и что ты будешь делать? Есть кто на примете?

— В том-то и дело, что нет. Да и желания тоже нет. Правда, мамуля успела вбить себе в голову, что девка у меня уже есть и что я ее ото всех прячу. И самое обидное, что в обратном ее ни за что не убедишь. Знаешь, упрямее гнома может быть только троллина, женщина-троль. — Я, тяжело вздохнув, в сердцах махнул рукой. — Ладно, пережужим! Лучше рассказывай, что там у вас. Как Винетта? Как сам?

— Во-первых, тебе от нее привет и наилучшие пожелания. Дела? Нормально, если так можно сказать: воюем.

— Вот тебе на... — сочувственно протянул я. — Уже год с лишком прошел, а вы там у себя еще не утихомирились? Я-то думал, что в вашем царстве-государстве тишь да гладь, а ты производишь на свет ребятишек на радость себе и жене.

— Винетта мне пока еще не жена... — нахмурил брови Куп. — Там... свои проблемы. А так, воюем понемногу. Где в поле встретимся, где из-за угла ножом кто махнет да яда в бокал плескнет. На королеву, на Винетту то есть, уже пять раз покушались. Доверить никому ничего нельзя, глаз-рук не хватает...

— И ты пригласил учителя Айдо, так? — прозорливо угадал я.

— Не я — Винетта. Ей тогда, перед расставанием, мастер Лео посоветовал, какое слово сказать старику, чтобы он ей послужил. Так что, если бы не бор-От, то Винетту уже давно к костру препроводили бы.

— Дела... — сочувственно протянул я. — А сюда послом приехал?

— Почти что так. Только я не посол — так, помощник при нем.

— А, значит, Айдо будет представлять Винетту перед владычицей Бревтона?

— Опять нет, — усмехнулся эльф, откровенно разглядывая меня.

— Посол еще не приехал? Неужели Ильд-Ми? Тоже нет... Кто-то из братьев Храу? Ну, мне-то можешь сказать?

— Могу! — весело качнул головой Куп. — Своим послом при дворе королевства Бревтон Винетта Гиер Вильсхолльская, королева Вильсхолла, назначила вас, мой милый друг.

— Кого это — вас? — не понял я.

— Тебя. Тролля из Вечной Долины, Лукку... Как тебя по фамилии?

— Окопиу... — в тумане полного непонимания ответил я.

— Ага... Значит, Лукку Окопиу, по прозвищу Висельник, Винетта и назначила своим послом.

Я долго смотрел ему в глаза, хватая воздух пересохшим ртом.

— Да пошел ты! — У этого эльфа всегда было что-то не так с чувством юмора.

— Уже иду, ваша светлость! — Подскочив, Куп отвесил мне низкий поклон. — Верительные грамоты у мастера Айдо. Пошли, отдам.

Когда с кухни потянулись ароматные запахи завтрака, мне хотелось упиться, утопиться и повеситься одновременно. Не считая желания лопнуть от смеха, удариться о землю и завыть на луну зимним волком. Айдо и вправду вручил мне целую гору бумаг, от всей души поздравив с оказанным мне королевским доверием. В ответ я, тоже от всей души, не только поблагодарил за оказанное доверие, но и... пусть кому-то это покажется непристойным, невежливым, еще каким-то, но я от всей своей троллей души просто плюнул! Нет, правда! Мало того, что мамуля загрузила меня своей, то есть моей, женитьбой по самую маковку, так еще и Винетта (множество теплых слов в ее адрес) задала мне такую задачку, что мне захотелось пропить душу Отродью, чтобы решить ее. В чем проблема? Я вас всех умоляю... В чем я пойду, я имею в виду одежду, ко двору владычицы Бревтона, и что я там буду плести?!

Голова пошла кругом, о чем я и сообщил ребятам.

— Ну, это не самое страшное! — после недолгого раздумья заявил эльф. — Мне кажется, что гораздо сложнее попасть во дворец на прием к королеве.

— А это еще почему? По-моему, нет ничего проще: пришли, постучали, предъявили бумаги, и дело сделано!

— Вот что мне всегда нравилось в тебе, Лукка, — улыбнулся учитель Айдо, — так это готовность действовать и абсолютная уверенность в себе! Существуют определенные правила, дворцовый этикет и все такое. А ты предлагаешь просто открыть ворота и объявить о своем прибытии.

— Начнем сначала, — продолжал Куп во время завтрака, когда за обильно накрытый стол уселись все, кто был в доме, — мои родственники и гости. — Было бы несправедливо и просто невежливо, если бы мы не открыли тебе все карты. Начиная с того, что обстановка в Вильсхолле больше похожа на бардак, чем на нормальную войну. Есть несколько человек, не желающих видеть Винетту на престоле королевства. На это есть множество причин, но это уже дело юристов и судей.

— В этом нет ничего удивительного, — прервал эльфа мастер боя. — Всегда, во все времена, во всем мире за редким исключением находились люди, заявляющие свои права после смерти владык. Кто-то кого-то незаслуженно обидел или обделил, кому-то ничего не досталось после предыдущего дележа власти и так далее.

— В данной ситуации один древний род решил заявить свои права на престол. Козырь очень прост — король Гиер никому конкретно не завещал свой трон, а по закону его преемником может быть только мужчина королевского рода. Проблема лишь в том, что родословная Алассия по своей чистоте оставляет желать лучшего.

— Грязнули! — громко чавкая, заявил Дуди, за что получил от мамы по голове: «кушай, мой хороший, кушай», удовлетворенно кивнул и залез в кашу по самые уши.

— После долгих разборов, — осторожно промокнув салфеткой губы, продолжал Куп, — трон заняла Винетта, а остальные претенденты, как граф Алассия и герцог Росорд (он, в свою очередь, пожелал отделиться от королевства), объявили войну. У нас ее назвали странной войной. Редкие стычки, шпионы, лазающие буквально в спальни министров и королевы, покушения на саму королеву...

— Я заявляю, — мастер Айдо оторвался от тушеного картофеля с грибами, — что все эти покушения были заранее провальными. Это только моя точка зрения, но посудите сами, из восьми попыток успехом могли увенчаться как минимум четыре... а королева, слава Небу, жива и здорова. Думаю, что наши противники хотят вынудить Винетту отдать престол добровольно, то есть обойтись без крови. В этом их можно понять — народ королевства вряд ли примет «на ура!» нового владыку, пришедшего к власти через убийство. Другое дело война — здесь другие правила и законы игры. И соответственно при успехе того же самого Алассии люди будут подчиняться ему как победителю. А победителей если и не любят, то на худой конец — уважают.

— Когда-нибудь должно произойти то, что называется последней битвой. Но сейчас Винетте крайне необходимо заручиться помощью соседей, которые должны помочь в решающий час. Для этого и были разосланы королевские послы. Но вот в чем незадача... — Эльф криво, даже скорбно, усмехнулся. — Ни один из послов так и не добрался до места назначения. Именно поэтому мы и прибыли в Уилтаван тайно, без должной помпезности и торжеств.

Я удивленно оглядел собравшихся.

— Куп, неужели ты хочешь сказать, что вы прибыли сюда впятером втихаря, чтобы вас ни одна душа по дороге не увидела?

— Увы, дружище, так оно и есть, — потупил глаза эльф.

— А я думал, вы действительно ко мне в гости пожаловали! — От огорчения я даже кусок мяса непрожеванным проглотил.

За столом было слышно только, как перемалывают еду зубы завтракающих и как занимается буря смятения и разочарования в моей широкой груди. Наконец буря эта вырвалась наружу — мой кулак врезался в деревянное блюдо с остатками поджаренных хлебцев.

— Вы пробрались сюда, как шелудивые псы, оттрепанные за случайную провинность! Шли ко мне под мраком ночи, боясь высунуть нос из-под кустов, чтобы по нему не попало! Вы!.. ВЫ!!! — Все шарахнулись от меня, когда кувшин с пивом, кувыркнувшись, разлетелся, ударившись об пол. — Вы что, не могли меня раньше позвать?! Кто посмел поднять свой неумный зад против моих друзей?! По кому заказывать панихиду или что там у них?!!

— Сынок, сынок, не кипятись, — попробовала усадить меня на место мамочка, — не надо так нервничать, не забывай — у тебя через недельку небольшая свадьба, а ты уже сейчас готов разнести все вокруг.

Я одарил троллину самым признательным за напоминание взглядом, после чего с тяжестью в груди обратился к друзьям:

— Чем я могу помочь?

— Вначале тебе надо посетить владычицу Уилтавана как официальному послу королевы Вильсхолла, — неторопливо начал мастер Айдо. — Вместе с нами, естественно. Ты единственный из нашей команды, кого прекрасно знают владычицы и Бревтона и Вильсхолла. Тебе-то и надо будет только прийти и представить нас. К сожалению, ни я, ни Куп не имеем нужного статуса, чтобы беспрепятственно и без лишних проволочек попасть на прием. Далее мы обговариваем дела, подписываем бумаги, договариваемся о... — Айдо запнулся. — Если, конечно, будет о чем договариваться.

— А потом?.. — Что-то уж просто все разложилось у моего учителя.

— А потом, друг, — широко улыбнулся эльф, — будет потом... — И, нагнувшись ко

мне, прошептал: — Другой разговор будет.

Из уткнувшегося в речной песок челнока выскочил плохонько одетый человек. Протащив лодку дальше на берег, он направился к камышам, растущим почти до самой окраины леса.

Осторожно оглядываясь, он подошел к первому же дереву и уселся под его ветвями. Вокруг было тихо и безлюдно. Устроившись поудобней, он приготовился ждать. Может быть, даже и до позднего вечера. Хотя, если никто не придет сегодня и завтра до полудня — значит, придется уходить из города и пробираться на юг Уилтавана.

Он улыбнулся, вспомнив родные места, покинутые им еще зеленым юнцом. В последний раз он был дома, когда погиб король. Вернулся, и буквально сразу же его нашли...

— Отдыхаешь, сержант?

Человек моментально вскочил и тут же отвесил поклон стоящей рядом темной фигуре:

— Здравствуйте, господин Яра.

Откинув капюшон балахона, Яра сделал знак за ним и направился в лесную чащу.

— Ты видел его? — задал он свой первый вопрос когда они оказались на порядочном расстоянии от края леса.

— Точно так, господин, — ухмыльнулся Михаэль, — и даже напился с ним.

— Что же, отлично, — кивнул Яра, — расстались друзьями?

— Не так чтобы очень, но приглашение заходить в гости получил.

— Дай бог, чтобы он не вспомнил тебя.

— Вряд ли, господин, сколько времени прошло!

— Все равно будь настороже. Если узнает, бросай все и уходи. Он не такой простофиля, каким может показаться. И я не уверен, что ты будешь молчать, когда станут задавать вопросы. Кстати, о гостях, у него кто-нибудь был?

— Да, вчера утром к нему приехала мать и еще один здоровяк. Кажется, его брат. И до сегодняшнего дня больше никого.

— Хорошо, если так, — задумался Яра. — Зайди к нему завтра утром, да пораньше.

— Ага, вроде как похмелиться или там попойку продолжить.

— Пойдет. Постарайся проникнуть в дом. Познакомься с родственниками. Главное: ищи следы пребывания других гостей.

— Может, эти сами проговорятся...

— Вполне возможно. Но это все только завтра утром. А уже сегодня и завтра после визита ты будешь стоять недалеко от королевского дворца. Высматривай людей Винетты. Это может быть или сам Лукка, или эльф, или старик. Или все вместе. Да, Айдо один редко появляется на людях, с ним могут быть от одного до трех человек — это ученики. По мастерству и опыту они если и не превосходят своего учителя, то, по крайней мере, только чуть-чуть ему уступают. Так что изволь быть осторожным. Подведем итог. Сейчас отправляешься обратно в Уилтаван. Будешь там после полудня. Если они и появятся, то только завтра, но все равно не расслабляйся! Утром к Лукке, потом обратно к дворцу... при отрицательном результате. А так, как только — так сразу сюда, на это место. Здесь буду ждать или я, или... — губы Яры брезгливо искривились, — другой человек.

До самого вечера мы, то есть я, Куп и Айдо, проторчали в местном кабинете для

ожидающих приема или как он там по-другому называется. Мимо нас сновали всякие разные придворные, дворяне и даже весь из себя надутый гном с Голубых Гор. Под самый конец дня появился старичок в черном и заявил, что «ее величество Улай-Ит-Тероиа, Повелительница Бревтона» сегодня нас принять уже не может, если только завтра, но не рано, потому как с утра будут бравые эльфы с севера по поводу поставки мехов в обмен на пряности и шелк из Гольлора вместо отправлявшихся туда зерна и воска, взамен... После упоминания щетины и угля из Кинблоу я закатил глаза, тихо-тихо зарычав, попросил уточнить, во сколько нам таки завтра приходиться, за что получил хорошенькую порцию отповеди на тему, мол, вы, сударь, даже где-то вроде и герой, но это еще не повод перебивать тех, чью голову украшают седина и печать лет (я так разумею, это он свою начищенную до блеска плешь так гордо обозвал). Кончилось все тем, что мы выслушали по второму кругу, кто кому что таскает, зачем и за что. Где-то ближе к крученым веревкам и наугским сладостям нам вдруг намекнули, что обычно встрече зарубежных послов с ее величеством предшествует долгая дипломатическая переписка и более конкретная договоренность, на кой ляд нам понадобилось лицезреть Ее Благородство и Несравненность.

Когда вышли на воздух, единогласно было решено домой не идти, а остаться здесь же до утра, чтобы ни свет ни заря снова попробовать прорваться к Ее Занятости и все такое. Конечно, мы не собирались ночевать прямо на дворцовой площади, а устремились в ближайший трактир, громко споря между собой, удастся ли нам завтра попасть на прием или нет.

Едва мы взгромоздились на лавку в «Мече Бревтона» и только я собрался выудить на свет свою грамотку «о питии», как, метя в двери, мимо проскользнула знакомая морда лица.

— Эй, Михаэль! Куда ты? — зацепил я знакомца за подол, настойчиво подтаскивая к столу. — Присядь, охладись, посиди с нами!

— Да я уже... дружище, — безуспешно пытаюсь освободить свои тряпки от моих пальчиков, ослабился пропойца. — Время позднее, уже домой пора.

— Какой «домой», когда я приглашаю! — гулко тукнул я себя в грудь кулаком, тем временем усаживая его между собой и Купом под укоризненным взглядом учителя Айдо.

— Разве только одну кружечку, — сдался Михаэль, устраиваясь поудобней.

— Друг, «где одна, там и две. А там уж и все три», — вспомнил я к месту поговорку и, хлопнув по столу ладонью, проорал во все горло: — Хозяин, сюда! Троль пожрать желает!

На полусогнутых прискакал хозяин — весь исполнение гастрономических желаний и всего такого прочего.

— Чего господу изволят? О! — быстро помрачнел он, взявши в руки мою бумажку. — Да никак сам славный Лукка-Висельник у нас сегодня пиршествует! Значит, для начала пару вина? И закусить? Мясо, рыба, соленья?

— Всего и побольше, — заявил я, поглаживая Михаэля, как ту девицу, по коленочке, отчего тот завертелся на месте еще больше, — а еще две комнаты на четверых. — Малый аж подскочил, но не тут-то было — моя лапища сдержала его порыв на месте.

— На кой он тебе нужен? — кое-как выгнувшись за спиной Михаэля, шепнул эльф.

— А он мне нравится! — во всеуслышание объявил я, обнимая соседа за плечи. — Ух! мой ребятушечка!

Куп поперхнулся, проливая винцо на стол.

— Тебе точно жениться пора, — вытирая рукавом липкое лицо, буркнул он.

— Так давайте за это и выпьем! — Я опрокинул в себя первую порцию. — Объявляю

мальчишник!

— Поддерживаю! — поднял кружку Айдо, чем немало удивил нас с эльфом — бор-От никогда не употреблял спиртное. А мастер боя тем временем лихо заглотив пивцо и, грохнув опустевшим сосудом по столешнице, недоуменно шевельнул седой бровью: — Почему здесь пусто?

И тут началось..

Где-то после полуночи, но еще до рассвета, я с Купом и Михаэлем под мышкой вывалился на задний двор «Меча Бревтона». Швырнув пьяницу прямоком в однокомнатный домик с вырезанным сердечком на двери, я развернулся к плавно качающемуся эльфу:

— Ты как, нормально?

— Хор-р-рошо... — утвердительно кивнул эльф, чуть не растянувшись на ровном месте.

— Что, даже и не тошнит? — искренне огорчился я, краем уха прислушиваясь к творящемуся в нужнике. Там что-то постоянно кряхтело и мокро падало, сопровождаемое хлюпаньем и изредка прерываемое благим матом.

— А у нас с тобою все в порядке! — попытался... запеть Куп, ловя меня за руку.

— Вижу... — Я еще сильнее расстроился. Что-то совсем стал плох мой товарищ. Хотя мы с ним раньше вместе ни разу и не пьянствовали, но мне казалось, что эльф не новичок в такого рода предприятиях. Может, просто давно в пирушках не участвовал? Так или иначе, он мне был нужен более трезвым.

— Куп, — ухватился я за его плечо, — ты меня прощаешь?

— У... за... увс-с-се!..

— Спасибо, друг, и еще раз извини, — Быстро оглянувшись по сторонам, я вкатил эльфу вполсилы под дых.

Тот, выкатив глаза, замер... качнулся... и, переломившись пополам, выдал себе под ноги дикую смесь пива и вина.

Его трясло, выворачивало наизнанку, прям как Михаэля в своей конуре. Не знаю, кто из них победил в этом состязании, по крайней мере, за стол они вернулись до нитки мокрыми от умывания дождевой водой и более трезвыми, чем когда из-за него вставали.

Мастер Айдо встретил нас свободным от объедков и луж столом, на котором красовались пузатые потные кувшины и огромная дымящаяся сковорода. При виде пива и вина Михаэля развернуло на месте и вынесло обратно на задний двор.

— Так, ты сегодня больше не пьешь! — сгреб я куртку эльфа в кулак. — Много кушай, затем падай на лавку, будто пьян, и не дай тебе Небо, если этот малый хотя бы подумает, что ты трезв! — И рванул следом за собутыльником.

Как я и думал, до открытой с сердечком двери тот добежать не успел и поэтому сделал свое грязное дело прямо у ближайшего деревца. С облегчением вздохнув, я пристроился у ствола какого-то растения, искренне любуясь на дело рук своих. Мой первый насильно споенный... Есть чем гордиться! А, между прочим, погодка стоит что надо! Свежо, звездочки, полные луны — красота. Прямо как у нас в Вечной Долине. Вслед за мыслью с доме появился нечеткий, но явственный образ мамули, грозящей пальчиком и надрывающейся по поводу безвременной женитьбы. Я тяжело вздохнул, выпуская сквозь зубы улетучивающееся настроение. Из двери кабака вылетел мальчишка, тащивший корытце с грязной водой и другой дрянью. Даже не взглянув на нас, он пролетел мимо, остановившись у здоровенной бочки. Вылив помой внутрь, он, развернувшись, дунул обратно в трактир. А это идея! Засунуть сейчас этого пройдоху в бочку. Завтра утром его вывезут из города и

опрокинут вместе с помоями в какую-нибудь яму. Захочет жить — всплывет. Если будет еще жив, конечно. Безусловно, это больше похоже на запланированное извращенное убийство, чем на превышение самообороны в минуту ковыряния в памяти. Ведь откуда-то я знаю его рожу! Хорошо, что делать со всем этим? Ну ведь в конце концов не шею же ему ломать, если... если... ломать... шею... ломать...

От этой мысли меня аж оторвало от дерева.

Ломать шею... шею ломать... Меня затрясло, от картинок недавнего прошлого застучало в висках. Шею ломать!!!

— Михаэль! — как можно нежнее позвал я. Тот, не прерываясь, отмахнулся рукой. — Сержант, может, хватит дурить, там же пиво греется!

Он и вправду перестал дурить, и, медленно разгибаясь, повернулся лицом ко мне:

— Что ты сказал, тролль?

— А что ты услышал? — вроде как не понимая, удивился я.

— Сержант!

— Сир?!

— Деревня и все, что в ней, — ваше. Я удаляюсь.

— Да, сир! — улыбнулся Михаэль.

— Парни! — проорал король Гиер в толпу, резким жестом указывая на сжавшуюся в страхе Винетту. — уступаю право первой добычи! — Его голос эхом прогремел над онемевшей зимней деревушкой. Он криво усмехнулся: — Ну, кроме вот этой. Так сказать, для зачина...

Блеснуло лезвие, и взлохмаченная голова сына деревенского старосты подкатилась под ноги враз посеревшего отца. Тело рухнуло следом, брызгая кровью на кожаные сапоги убийцы. Толпа, увидев кровь, охнула, прянув назад.

— Каков удар, а?! — Король отработанным движением вернул оружие в ножны и, перешагнув бьющееся в агонии тело, пошел сквозь «золотых» прочь. Улыбающийся во весь рот Михаэль шагнул в сторону, давая дорогу своему королю.

— Так что ты услышал, дорогой? — как можно наивнее захлопал я глазами. — Тебе, наверное, показалось, друг. Пойдем посидим, поедим, поболтаем. Только умойся сначала.

— Да, конечно... — провел тот по лицу рукой и, не спуская с меня глаз, деревянно шагая, направился напрямиком к помойной бочке.

— Михаэль, ты что? — чуть было не заржал я во все горло. — Умывальная там, — ткнул я пальцем на другую сторону двора.

— И правда, что это со мной? — натянуто улыбнулся бывший «золотой». — Не надо было все подряд смешивать, а то пьем без разбору.

— Правильно, это же целая наука: пить так, чтобы потом не рвало, а наутро не болела голова. И это после огромного количества выпитого! Пойдем я тебя научу — я же очень хороший учитель. Ведь ты не откажешься взять у меня урок? Нет? Ну и прекрасно...

Впереди маячили опущенные плечи, над которыми взад-вперед болталась пригорюнившаяся голова сержанта гвардии его покойного величества Гиера-какого-то-там.

В пирующий зал он зашел как на эшафот. Так же обреченно уселся возле выдающего пьяно-сонные рулады эльфа и сам взялся за кружку, заботливо наполненную мастером Айдо.

— Ну, — поднял я вино, — за друзей! За старых добрых друзей, которые рано или

поздно снова встречаются друг друга!

Что я такого сказал? Михаэль поперхнулся и, проливая полкружки на себя, закашлялся.

Сержант, бледней белого, размазав по лицу зерстское, таки допил свою порцию. Бор-От налил по новой. Несчастный выпил и эту, подцепил со сковороды кусок жареной баранины в уксусе и, упершись взглядом в никуда, начал так настойчиво ее пережевывать, словно это была последняя еда в его жизни. Ничего не говоря, то есть понимая, я подливал и подливал ему, пока из серого он не стал красным, а уж потом и вовсе синим.

Раннее утро зал «Меча Бревтона» встретил пустым, если только не считать нас четверых. Да и то мы и Айдо надутыми сычами сидим напротив друг друга, а эльф с Михаэлем на лавках дрыхнут. В моей лапе кружка, и если я ее выпью, то она станет последней. Не в том смысле, что в этой жизни, а в том, что я уже под завязку заправлен пивом и вином, и одна-единственная капля может отправить меня на боковую.

И на кой я столько пил? Можно же было не до дна каждый раз, а я... Ладно, хоть этот трупом лежит и скорей всего до завтрашнего утра не очнется. Не убивать же его было! Ну, старый знакомец из тех, кого лучше в гробу видеть. Ну, не понравилось мне, как он себя повел. Но это же еще не повод для убийства. Мало ли кого и куда жизнь может забросить. Вот только зачем он мне сказки про Репьевый Куст сказывал, это интересный вопрос. Однако и это можно объяснить — встретил меня, красивого, узнал, да только поздно. Что теперь, в грехах да в судьбе каяться? А так вроде местный, встретились да разошлись. Конечно, то, что он появился в моей жизни уж очень... вовремя. Прямо вместе с Купом и этой идеей заделаться королевским послом. Ох, боги, как голова-то раскалывается от всех этих мыслей, и не только этих.

— Господин Лукка, — осторожно разбудил меня трактирщик прикосновением пальца к плечу, — вы просили комнаты. Так что пойдете или здесь спать останетесь?

— А?! — повернулся я к нему, походя смахивая локтем на пол пустую посуду и залезая в пивную лужу пятерней. — Чего тебе?

— Я хотел бы знать, провожать вас в комнаты или нет, — подобрал губы трактирщик.

— А смысл? — покосился я на Купа и компанию.

— Утро наступило — нам пора, — встал из-за стола бор-От, сдергивая с лавки храпящего эльфа. Тот свалился на пол, спросонья хватаясь за меч, за что заработал еще один недовольный взгляд трактирщика

— Враги отступили, пора в поход! — объявил я.

— Когда выступаем? — Куп, бросив безуспешные поиски оружия, протирает глаза, стараясь понять, где он и что с ним.

— Дружище, — несмотря на изрядно заплетающийся язык, обратился я к трактирщику, — сколько мы должны за сегодняшнее? Включая выпитое и комнаты?

— Ну... — на мгновение задумался тот, — если вы хотите оплатить еще дарственное пиво и вино плюс две комнаты, то...

— Одну комнату... — попытался встать и сразу же уселся я на место. — Наш друг, вон тот, что еще дрыхнет, его, кстати, Михаэлем зовут, останется здесь до самого вечера.

— Всего две сотни монет бревтонской чеканки.

— Я добавлю еще половину этой суммы, — выложил на стол кошелечек Айдо, — если это тело, очнувшись, будет в таком же состоянии, в котором оно сейчас пребывает. Даже если вам придется применить силу.

— Вот как? — почесал затылок трактирщик. — А не проще было бы его...

— Мы не совсем уверены, так ли виноват этот парень в том, что появился здесь не вовремя. Да и к тому же мне бы не очень хотелось омрачать эти стены убийством, — прервал его бор-От.

— Да! — подтверждающее махнул я головой. — Возня с трупом, свидетелями, другими... трупами...

— Нет, если вы, конечно, желаете превратить «Меч Бревтона» в районный филиал городского кладбища... — Мастер Айдо невзначай выронил на стол короткий меч с затейливо искривленной гардой.

— Две сотни сверху, — сглотнул что-то мешающее дышать хозяин.

— И еще одна, если мы не вернемся к вечеру, а этот парень очнется только утром.

— Деньги вперед, — обрадовался делец.

— Лукка, бери Купа, нам пора, — рассчитавшись, двинулся на улицу мастер боя.

Только у двери я сообразил, что ухватил с собой не только эльфа, но и ту кружку красного зерстского, которую так и не выпустил из рук.

Свежий воздух до такой степени заполнил мою грудь, что в глазах потемнело, а ноги стали мягкими и чужими...

Как я только пересек дворцовую площадь с грузом под мышкой, да еще и не снеся по пути стены и двери дворцовой прихожей — ума не приложу! Оказавшись в комнате, я согнал со скамьи делегацию гномов и уложил на нее Купа под протестующий писк коротышек.

— Вы, собственно говоря, кто? — выступил вперед самый толстый и богато одетый гном с бородой до колен, закрученной в толстую косу. — Позвольте заметить, что не след являться на прием к ее величеству воняющим, как последний гоблин! — затряс он своей гордостью.

— Зря ты так... — приоткрыл опухшее веко эльф. — За гоблинов... то есть... Хоть думай иногда... кому... и что...

— Что-о-о-о?! — выкатил на свет божий глаза пузан. — Вы мне еще указывать будете? Да кто вы такие, в последний раз спрашиваю?!

— Дел-л-легация троллей... с веч... ч... ч... — с похмелья запнулся я, выкатив грудь вперед, — из дома мы, короче.

Испуганно хлопнула дверь. Я же, перехватив устремленный на Купа и Айдо отчаянный взгляд оставшегося за главного гнома, поставил кружку на пол и начал разминать затекшие руки:

— Эти типы меня проводить проводили... Эй, куда ты? — Это уже вслед закрывающейся двери. — Если что, за нами... потом... будешь.

— Ее величество Улай-Ит-Тероиа, Повелительница Бревтона, разрешает гномам Голубых Гор предстать перед нею! — С торжественно задранной башкой в комнате появился надутый старикан со стогом белоснежных волос на голове и не то с посохом, не то с метлой в руке. Всмотревшись в нашу троицу, он непонимающе мотнул своей репой: — А где гномы?

— Гномы? — поднимая кружку с пола, наморщил я лоб. — Какие гномы? А, те... Ну, мы вместо них.

— Но вы же... — разул тот глаза, — но вы же не с Голубых Гор.

— Ой, да какая разница! Откуда мы, кто мы! И не надо так скрипеть зубами — жевать нечем будет. Коль пошло такое дело, то сообщаю — эти уступили нам свою очередь, близко к сердцу приняв проблемы государства Вильсхолл. Вопросы будут? Нет? Хорошо! Мастер Айдо, вам слово.

— Да! — воскликнул эльф и приподнялся, пытаясь встать на ноги.

— Господин церемониймейстер. Мой юный друг в резковатой форме уже сообщил вам, сударь, что мы являемся послами королевы Винетты Вильсхолльской. А так как делегация Голубых Гор в данный момент имеет честь отсутствовать в нашу пользу, то прошу доложить ее величеству о нас.

— Где гномы?! — набычился старикан. — Что вы с ними сделали? Что вы вообще себе позволяете? В каком вы виде?

— А что такое? — качнувшись, шагнул я вперед. — Что вас не устраивает? Мы со вчерашнего дня у вас под порогом торчим, а между прочим, у меня свадьба через неделю, а я еще даже невесту себе не отыскал. Так я ее совсем с вашей неспешностью не найду! Так что давай, шевели задом, пока я еще на ногах стою! Давай, старое жакхе, шевелись! — и... (для чего? зачем?) залпом махнул свое, уже теплое, вино.

Если вам когда-нибудь захочется напиться до бегущих перед глазами кроликов, то рекомендую зерстское красное. В свое время волшебничек Скорпо в Заблудшем Лесу уложил себя с трех кружек этого винца. Сколько я влил в себя сегодня, посчитать трудно... Точно могу сказать одно — это была последняя.

Меня уже совершенно конкретно качнуло, и я свалился бы, если бы не этот старый мужичок. Точнее, та палка-шест, с которой он сюда явился. Не знаю, чего он там себе удумал, когда я за нее ухватился, чтобы не упасть, но взвизгнул так, что уши заложило, двери растворило, и в них широко шагнуло двое громыхающих железом остолопов. Чего они, в свою очередь, решили, я судить не берусь, но, когда старикан юркнул им за спины, они враз склонили свои пики и поперли на меня. Скорей всего, машинально, а не по злему умыслу, я швырнул в одного пустой кружкой, а другому швырнул тот веник, из-за которого, в принципе, и поднялся весь этот шум.

Кружка, попав правому в глазную щель закрытого шлема, разлетелась вдребезги, тогда как шест угодил левому в грудь. Малый вдруг бросил свою железку и ухватился за брошенную ему кость, тьфу, палку так, словно это было самое драгоценное на этой стороне грани, тогда как второй, даже не мотнув головой, попытался кольнуть меня своей иглой-переростком. Ухватившись за древко (честное слово, опять же машинально!), я рванул на себя копьё и все то, что к нему прицепилось.

Видно, не ожидая от меня такой подлости или просто не желая делиться, страж налетел на меня и здесь же раскинулся на полу, причитая и хватаясь за погнутый шлем. В это же время тот, второй, прошелся по мне своей железкой так, словно это было не благородное оружие, а самая заурядная дубина. И что у него в голове перемкнуло? Да — больно. Но неэффективно! У меня плечо заныло, у него копьё погнулось, и больше ничего!.. Не считая того, что у меня в груди замутилось нехорошее предчувствие обыкновенного бешенства. Поэтому с совершенно чистой совестью я заявляю, что в том, что эта бестолочь стала похожа на несъедобный блин, — моей вины нет!

Отпихнув не по-мужски визжащих типов в сторону, я распахнул двери во дворец, того не ведая, что там кто-то стоит в ожидании своей очереди. Сразу трое вояк растянулись на полу в самых живописных позах.

— Что замерли? — рыкнул я своим. Надо заметить, к тому времени Куп, широко разув глаза, совершенно трезво жадно глотал ртом воздух, обильно обливаясь потом, в то время как мастер Айдо, довольно улыбаясь, откровенно любовался происходящим.

— Лукка, ты не слишком расшалился? — елейным голосом поинтересовался мастер

боя.

— Нормально! — Куп, закинув голову, истерически заржал, а Айдо, как-то неприлично захихикав, отправился за мной.

— И что такого было сказано? — насупил я брови.

— Позже объясню, — слегка толкнул меня бор-От, — у нас немного другая проблема: либо мы встретимся с королевой сейчас, либо уже никогда.

— Из-за того чудика? Так надо за нервишками следить, а то... — договорить я не успел — из-за поворота ровным строем, по двое, отливая сталью, вышло человек десять грозно-праздничных стражников.

Старший, вскинув руку, остановил процессию:

— Кто такие? Почему без сопровождения?

Я уже было собрался выдать отповедь на тему гостеприимства и вежливости, но меня опередил Айдо.

— Посольство ее величества королевы Винетты Вильсхолльской на прием к ее величеству Улаи-Ит-Тероиа, Повелительнице Бревтона, — торжественно выдал он, выступив вперед, заслоняя не то нас от вояк, не то вояк от меня.

— Прошу прощения за бестактность, но почему вы одни? — Командир вытянулся в струнку, но все равно как-то слабо поверив нам.

— Так получилось... — невинно сложил на груди руки крестом Айдо.

Главный долго шарил по нам глазами, видно, не осмеливаясь что-нибудь предпринять. К нему на помощь пришел эльф:

— А что, у ее величества сегодня много свободного времени? Лично мы не особо торопимся...

— ... хотя и спешим, — закончил за него бор-От.

— Да! — для солидности кивнул я.

— Ты, ты и ты, — ткнул командир в солдат, — проводите к тронному залу. Королева действительно ожидает зарубежных послов. И, как я понимаю, именно эту делегацию.

— Совершенно правильно понимаете, — искренне обнадежил вояку мастер Айдо. — Более того, я уверен, что вы об этом никогда не пожалеете.

— Рад служить! — выгнул грудь колесом гвардеец и сквозь зубы цыкнул на остальных: — За мной, разгильдяи.

Когда стража скрылась за поворотом коридора, эльф надменно надул щеки и, стараясь дышать перегаром в сторону, кивнул парням:

— Ведите, время дорого. — И мы строем замаршировали в глубь королевского дворца.

Здесь я уже бывал. Целых два раза. В первый — это когда меня награждали домиком на окраине и грамоткой «о вечном питии». Во второй раз — буквально недавно, на годовщину правления нынешней королевы. Тот, третий раз, я не считаю. Просто по пьяни очутившись, как оказалось, в королевской конюшне, я целый день неприкаянно шлялся по дворцовым закоулкам в поисках выхода.

Ведущий нас солдатик замер перед парой других, сторожащих резную высокую дверь тронного зала.

— Посольство королевства Вильсхолл, — оглушительно представили нас.

Стражники взяли на караул, гордо устремив взгляд в бесконечность. Ни дать ни взять — два идола у Сорочьего Озера.

Куп, нахально улыбнувшись — «прошли! пришли! есть!» — протянул руку к двери и...

Створки приоткрылись, и прямо в подбородок эльфа уперлась до омерзения довольная морда церебронестера или как там его.

— Сами пришли... — радостно пустил он слюнку, — козлы!

Сказал слово и сразу другое. Примерно так складываются предложения. По крайней мере, среди троллей. И как у троллей: услышал оскорбление, сразу же достойный ответ — словом... делом...

Наглый старикан улетел с глаз долой, забрав с собой на память след моего каблука посреди благородного морщинистого лба.

Солдатики не то с перепугу, не то от неожиданности уронили свои алебарды на наши горе-головы. Не попали, правда, но сам факт, как говорится.

Айдо, выгнувшись кошкой, скользнул не то под ногами, не то под мышками парней и вырисовался за спинами народа, в то время как эльф кубарем метнулся в ноги ближайшего к нему малого, заваливая его на себя. Мне больше ничего не оставалось, как сгрести в охапку все железо солдатиков, пока оно (не дай Небо!) кого-нибудь не поцарапало. Оказавшись с пустыми руками, служивые не растерялись и схватились за мечи. Правда, не так шустро, как им бы того хотелось. Айдо развел руками, будто приглашая к себе, а затем резко подлетел к ближайшей парочке, после чего та одновременно рухнула наземь, не успев даже и наполовину обнажить клинки. Оставшиеся двое, те, что у двери, просто потонули под мелким градом собственного оружия, которое я швырял в них не столько для поубивать, сколько для освободиться от лишнего мусора. Так что, если кого чуток и поранил, — прощения прошу. Не со зла, по нечаянности...

Пока мы с мастером Айдо веселились напропалую, Куп шифовал солдатской головой мозаичный паркет пола. Стражник, вереща, как резаный, пытался не то отделаться от настырного посла, не то поиграть в «брыкливую лошадку». Наверное, они нашли не то место и время, потому как бор-От с недовольной миной на лице прекратил эти молодецкие забавы, чиркнув пальцем где-то под ухом солдатика. Тот, широко раскинув руки, замер, устремив взор в прозрачное никуда.

Не обращая внимания на копошившихся внизу стражников, то есть тупо переступив их, я толкнул дверь тронного зала. Право слово, я был бы удивлен, если бы она после всего этого грохота железа, ругани и криков открылась бы нараспашку.

— Предложения? — насупился МалЙавиэ Уиал-младший. — Может, постучимся... по-хорошему?

— Я поддерживаю, — скромно кивнул мастер боя. — Спокойно, аккуратно, а то сегодня как-то все без рукоприкладства не обходится.

— Договорились, — облегченно вздохнул я и... что есть силы двинул ногой чуть пониже дверных ручек.

Судя по воплю, зловредный старикан решил проникнуть в наши планы через щель замка...

— Лукка, я же просил без рукоприкладства... — сквозь зубы процедил учитель Айдо.

— А я что? — искренне возмутился я, вытягивая вперед свои лапищи. — А ручки-то вот они!

— Юморист, чтоб тебя, — невесть с чего обиделся эльф.

Тронный зал встретил торжественной тишиной, шорохом отползающего тела и бряцаньем доспехов и нацеленных на нас полусотни копий и алебард дворцовой стражи, решившей грудью встать на защиту своей королевы, которая, кстати, на цыпочках

выглядывала из-за спин гвардейцев.

Когда наши взгляды встретились, королева Улаи-Ит-Тероиа, распихивая стражников, вышла вперед.

— Лукка! Лукка-Висельник, собственной персоной! Какого схода ты устроил весь этот цирк? Не мог просто зайти, по-человечески?

— Пробовал — не пускают, — по уши залившись краской, признался я. — Доброе утро, ваше величество.

— Лукка! Я же тебя просила!

— Извините — забыл. Доброе утро, госпожа Улаи!

Когда все прибрали и лишние разошлись, мы уселись в выставленные широким кругом кресла. После того как я представил своих друзей владычице Бревтона, слово взял мастер Айдо.

— Сразу же хочу попросить прощения за причиненное беспокойство, ваше величество, — издалека начал он, — но нас действительно не пускали к вам.

— А! — по-простому взмахнула рукой королева. — Сударь, если бы вы знали, как... — она запнулась, — эти придворные! Все по этикету, все согласовать, все... Достали! Неделю назад я чуть было не отправила на виселицу одного чересчур щепетильного повара. Ему понадобилось выяснить, что мне подавать на завтрак на первый день будущей недели. Такое чувство, что весь двор тронулся умом. И за все это надо благодарить моего покойного муженька — его выучка. Всю жизнь прожил по плану, стремясь создать идеальное государство, основанное на долговременном планировании и жесткой дисциплине. Толку-то! Благодарение богам, хоть сейчас мы никому не должны, и в нашей казне скопился приличный запасец на черный день. И заметьте, все это только благодаря моим торговым проектам, свободному рынку и приемлемым налогам! Это было первое, что я сделала после коронавания. А как дела у вашей королевы? Как ее здоровье? Когда закончится гражданская война? Почему так долго не было никаких вестей?

— Благодарю за заботу, госпожа, — откашлялся Куп, — здоровье нашей владычицы, слава Небу и богам на нем, превосходно. А во всем остальном... В принципе, из-за этого мы и прибыли. Дело в том, что Вильсхолл сейчас находится в политической и экономической блокаде. Именно поэтому от нас так долго не было никаких вестей. Моя госпожа просит у вас помощи.

— Заем? Думаю, это несложно организовать.

— Дело не только в деньгах. Силы Вильсхолла, отражающие натиск врагов, разобщены. Весь юг и восток королевства сейчас под контролем оппозиции. Проблема вполне решаема. Что для этого требуется? Один решительный удар. Сразу на двух фронтах. Но если мы, собрав все силы, ударим в одном месте, то не исключено, что на следующий день враг будет штурмовать столицу.

— Значит, королева нуждается в живой силе. Я правильно вас поняла?

— Именно так, вы все прекрасно поняли, — поклонился эльф.

— А есть ли гарантии, что ваша операция не закончится провалом? Допустим, я предоставлю вам войска для подавления восстания. Я так полагаю, что они вступят в бой, допустим, на юге страны, когда в то же время вы ударите на востоке. Насколько вы уверены в успехе?

— Вопрос лишь в том, сколько человек вы нам предоставите.

Улаи-Ит-Тероиа на мгновение задумалась, что-то прикидывая в своей белобрысой голове.

— Три тысячи пехоты и тысяча тяжелой кавалерии. Этого будет достаточно?

— Вполне, сударыня! Но разве у вас... — обескураженно качнул головой Куп.

— Есть столько солдат? — рассмеялась королева Бревтона. — Конечно! И они будут драться за Вильсхолл, как за свой родной дом. Это я вам обещаю! Все очень просто: та система реформ, которую я провела в армии, дает свои плоды. У моих воинов есть резон не только защищать родную землю, но и хорошо заработать на этом деле. Известно вам или нет, но не далее как полгода назад я уже предоставляла свои войска. Это была тайная операция, и, поскольку вам ничего не известно, сообщаю, что она удалась, — улыбнулась владычица. — Люди остались довольны, а казна значительно пополнилась.

— К сожалению, сейчас мы не сможем оплатить ваши услуги, — проснулся учитель Айдо, — может быть, позже, через несколько лет, когда королевство оправится от войны и разрухи.

— Я думаю, мы договоримся. Во-первых, я полагаю, Винетта Вильсхолльская не будет особо переживать по поводу беспощинного проезда и торговли в течение двадцати лет?

— Надеюсь, что нет, — улыбнулся Куп.

— Отлично. А как насчет постоянного военного союза? Или хотя бы права беспрепятственного прохода в случае военного конфликта с дальними государствами.

— Более того, я гарантирую постоянное денежное отчисление за эту помощь. А также я уполномочен передать вам некую... мелочь, которая, без сомнения, развлечет вас.

— Да? И что же это?

Бор-От молча протянул завернутую в трубочку бумагу. Улаи-Ит-Тероиа, взяв, развернула ее и погрузилась в чтение. Судя по всему, это почему-то не доставило ей обещанного удовольствия — она недовольно морщилась и даже разок шепотом помянула всех святых и не очень. Наконец она, дочитав до конца, вперила взгляд в мастера боя.

— Откуда это у вас? — прохрипела она.

— Этот документ велено передать вам под строгим секретом лично моей королевой, госпожа. Даже я не знаю, что там. Единственное, что мне было сказано, так это «вручить по окончании аудиенции».

— Передайте мою личную благодарность королеве и заверение, что военные силы Бревтона в ее распоряжении без всякой платы и каких-либо других условий, о которых говорилось выше. Речь может идти только о взаимопомощи между нашими двумя королевствами!

— Надеюсь, вас это развлекло?

— Еще бы! — Не стесняясь, владычица добавила пару крепких словечек. — Все это просто, как никогда, вовремя!

— Лукка, — неожиданно обратилась она ко мне после недолгого раздумья, — а чем ты сейчас занимаешься?

— По жизни? Жениться собрался, — не нашел я сказать ничего более умного.

— Серьезно?! И кто у нас невеста? Хороша собой? Знатна? Богата?

— Понятия не имею, — проворчал я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Видя, что королева растерялась, на помощь пришел учитель Айдо:

— Дело в том, что наш молодой друг вынужден в течение нескольких ближайших дней

найти себе девушку, дабы связать с ней остаток своих дней. Все это из-за обычаев и законов его племени.

— Сочувствую, — рассмеялась владычица. — Но сам-то он, как я вижу, не особо рвется к супружеской жизни.

— Это точно, госпожа Улаи, — мои плечи печально опустились, — но мама настаивает, а отказаться, к сожалению, ну никак нельзя!

— Еще раз сочувствую. — И совсем уже не по-королевски усмехнулась: — На свадьбу хоть позовешь?

— Обязательно, — отвернулся я в сторону.

— Ну и ладушки. — Повелительница встала с кресла, а за ней и мы. — Господа, была очень рада вас видеть. Можете заверить свою королеву, что помощь придет по первому ее зову. И особая благодарность за письмо, которое, я уверена, сыграет огромную роль в истории Бревтона.

— Одна маленькая просьба, госпожа, — вышел вперед учитель Айдо.

— Конечно. Слушаю вас внимательно.

— Она несколько пикантна и... — замялся бор-От.

— Ближе к делу, сударь. Пожалуйста, не стесняйтесь.

— Недалеко отсюда есть кабачок «Меч Бревтона». В данный момент там находится некий Михаэль. Сейчас, правда, он немного пьян...

— Полтора года назад он служил в гвардии «золотых» Гиера Одиннадцатого, — дополнил я, — извините, что прервал.

— Этот человек появился на нашем пути довольно неожиданно, а при встрече повел себя более чем странно. Может, это совпадение, а может, он один из тех, кто не хотел бы нашего появления у вашего величества. К сожалению, мы не уверены ни в том, ни в другом.

— А может, просто захватить его и поговорить крайне особо, — прищурилась королева, — у меня есть пара специалистов по этому делу.

— Я уже думал над этим, — совершенно спокойно ответил Айдо, хотя лично меня от предложения владычицы Бревтона чуть не стошнило: пару раз мне нашептывали о том, что творится в местных камерах. — Допустим, данный субъект виновен. Но он знает одного, максимум двух человек, и то это третьи лица, посредники. Ему, скорей всего, дали задание следить за нами и сообщить в условленном месте о нашем появлении. Больше ничего! И что нам с этим по большому счету делать? Далее. Допустим, он здесь вообще ни при чем. Нелепая случайность. И для него, и для нас. Так что же, теперь за то, что он когда-то служил у короля Гиера, подвергать его пыткам? Да он такого наговорит, что потом и вовек не разобраться. Я лишь прошу под каким-нибудь предлогом закрыть его всего лишь на два-три дня. А потом с извинениями отпустить.

— А если этот ваш... друг все-таки окажется подсыллом? Он же бросится к своим хозяевам с рассказом о вас!

— Да лишь бы на здоровье! — рассмеялся бор-От. — К тому времени мы будем далеко, и, если честно, это будет входить в наши планы. Пусть знают! В принципе, мы можем и сами организовать его долговременное отсутствие, но это влетит нам в хорошую сумму. А альтернативный вариант? — тяжело вздохнул учитель Айдо. — Проливать лишний раз кровь да еще на вашей земле...

— Достаточно. — Повелительница Бревтона взяла мастера боя под руку. — Не беспокойтесь, все будет сделано должным образом. Я так понимаю, что вы остановились у

Лукки. Ведь так?

— Да, ваше величество, — поклонился учитель Айдо.

— Отлично. Как только письмо и другие необходимые документы будут готовы, их вам пришлют. Когда вы собираетесь обратно?

— Надеемся, сегодня ночью.

— Хорошо, я отдам распоряжения, вам доставят все необходимое. Прощайте, господа.

Тут же раскрылись двери «на выход», мы хором поклонились, прощаясь.

— Лукка! — окликнула меня королева, когда мы, склонившись, допятились до самого порога.

— Да, госпожа Улаи, — поднял я башку.

— Если надумаешь ехать с ними в Вильсхолл, будь, пожалуйста, осторожен. И главное, сдержаннее!

Только послы скрылись из виду, в тронном зале тенью возник советник тайных дел. Мягко ступая по мраморным плитам, он подошел к своей госпоже и опустился на колени. Улаи, вертя в руках переданное письмо и устремив взгляд в дальний угол зала, размышляла о своем. Наконец она обратила внимание на советника.

— Вирбахт, ты все слышал?

— Да, моя госпожа, — не поднимая головы, ответил вельможа.

— Что ты собираешься предпринять по поводу просьбы посла?

— С вашего позволения, госпожа, будет организована облава на ночной народец. Думаю, названный вильсхолльским послом человек попадет под подозрение наряду с другими посетителями этого заведения. Через сколько дней прикажете отпустить его с глубочайшими извинениями?

— Трех дней будет достаточно.

— Как скажете. Что-нибудь еще?

— На, ознакомься, — королева Улаи протянула ему бумагу.

Вирбахт долго вчитывался в строки письма, иногда перечитывая некоторые места шепотом. Окончив чтение, он поднял желтые, на редкость узкие для человека глаза.

— Твое мнение?

— Без всякого сомнения, это подлинник. Я узнаю руку баронессы. Смею предположить, что этот документ был написан в минуту сильного волнения или отчаяния.

— И почему ты так решил?

— Баронесса известная аккуратистка. Бывали случаи, когда за неопрятный вид ее слуги подвергались наказанию. Не далее как шесть месяцев назад она приказала забить до смерти своего лакея за пятнышко на столовом серебре. А здесь, как вы изволите видеть, множество помарок, зачеркиваний и даже клякса.

— То, что это подлинник, я тоже не сомневаюсь. Но не может ли это быть подлогом? Допустим, она хотела подставить того или иного человека из списка, заранее зная, что это письмо рано или поздно попадет в наши руки.

— Вряд ли. Баронесса очень любит жизнь со всеми ее прелестями, и полагаю, она не захочет сменить свой роскошный дворец на тюремную камеру или на намыленную веревку.

— Ваше предложение?

— Последнее слово за вами, ваше величество, но я бы рекомендовал, не медля, уничтожить возникший заговор еще в зародыше. — Советник тайных дел вдруг запнулся. — Вы позволите взглянуть на этот документ еще раз? Спасибо.

Взяв в руки письмо, Вирбахт подошел к окну и долго разглядывал бумагу при свете, время от времени пробуя стереть буквы пальцем.

— Госпожа, исходя из личного опыта, могу сказать только одно: это было написано два месяца назад. Возможно, даже и все три.

— Ты хочешь сказать, что до переворота остались считанные недели?

— Дни, госпожа. Дни... — Вирбахт с поклоном вернул бумагу Улаи.

— Значит, действовать необходимо немедленно?

— Точно так. Я считаю, что переворот назначен на конец этой недели или на начало следующей. — Королева сжала губы, а вельможа как ни в чем не бывало продолжил: — Вы ведь не отменяли бал старейшин?

— У нас в запасе осталось четыре дня... — Улаи скомкала проклятое письмо.

— Если вы отдадите приказ, нам этого более чем достаточно.

— Хорошо. Проследите, чтобы все... эти... — королева зло усмехнулась, — явились на праздник. Вы ведь гарантируете теплый прием?

— Как всегда, ваше величество, — поклонился Вирбахт.

— Действуйте. И не забудьте о просьбе посла.

— Я даже возьму на себя смелость обеспечить охрану наших гостей.

— Людей не жалко? — неожиданно рассмеялась владычица Бревтона. Видя непонимание на лице собеседника, она махнула рукой: — Можете идти. Докладывать ежедневно.

— Слушаюсь, моя королева.

Из-за горизонта на город ползли черные тяжелые тучи. Глядя на них, королева Улаи, глотая слезы, стекающие по напудренным щекам, шептала, еле сдерживая готовый вырваться истерический крик:

— Четыре дня... всего четыре дня... А потом либо моя, либо их смерть...

Почти подойдя к дому, Куп, до этого всю дорогу лишь молча качавший головой, таки не выдержал и ткнул меня в бок.

— Слушай, тролль, а с чего это вдруг королева к тебе так благосклонна, а? «Будь осторожен, будь сдержаннее». Со мной так даже Винетта не разговаривает, а тут на тебе, пожалуйста!

— Брось, Куп, — залился я краской, — ты придумываешь. И никак она со мной особенно и не разговаривала. Все, как обычно...

— Как обычно? — аж остановился посреди улицы эльф. — Ну, парнишка, ты даешь! Особа королевского рода разговаривает с ним на равных, а на прощание чуть ли не вешается ему на шею: «милый, береги себя!»

— Ну, вот что ты брешешь, а?! — зашелся я. — Ты еще скажи, что у нас любовь и все такое! А завтра-послезавтра свадьба и путешествие на острова Сус-Фали, где лето круглый год, в садах поют птички, а рыба сама прыгает в руки. И не надо на меня так смотреть и лыбиться, как тот вечно улыбающийся! Слава Небу, матушка нас не слышит, а то бы точно решила, что со свидания иду!

— А разве нет?! — раздалось откуда-то сверху. Я не без страха задрал башку и с ужасающим восторгом узрел мамулю... взобравшуюся на пышное дерево, росшее за два шага от ворот.

— Мама? — забыл я запереть ворота своей пасти. — А что вы там делаете?

— Только не вздумай, что я жду здесь вашу милость! Нашлялся, котюра блудливый?! В кои-то веки решил домой заглянуть? И не смей возражать, когда с тобой старшие разговаривают, охальник!

— А кого я успел уже охаять? — искренне возмутилось все в моем нутре.

— Как кого? Меня! Ты еще ничего не знаешь, а уже понапридумывал себе Отродье знает что!

— Да ничего я еще не успел придумать! Когда?!

— Вот-вот. Ты еще и думать не умеешь! Боги, к вам обращаюсь! Кого я родила, подняла, вырастила, воспитала! Ведь...

А вот договорить мамуля не успела: калитка распахнулась настезь, и на улице, довольно улыбаясь всеми зубами, с чувством выполненного долга явился братец Дуди, сжимающий в своей лапище обыкновенную маленькую... мышь.

— Ма! Мы вместе с кисой поймали ее! — во все горло объявил он. — Ты пожаришь ее на ужин или мне ее отпустить? Ты только посмотри, какая она маленькая и миленькая, ты только посмотри!

— Бестолочь! Убери! Сейчас же! — Мамуля попыталась взобраться выше по стволу, но старое дерево, захрустев, не выдержало, и мамочка в обнимку с веткой спланировала прямо в мои объятия.

— Ма? — Больше ничего на ум просто не пришло.

— Да, она самая! — И вдруг, впившись мне в шею, завизжала, бешено засучив ногами: — Убери эту гадость, Дуди! Ради всего святого, или свадьбы у тебя не будет! Поминки будут!

— А может, это и к лучшему?

Вот зря я так подумал. Да еще вслух!

В установившейся тишине прозвучало то, что обычно звучит, когда широкая женская ладонь, закаленная в повседневном нелегком крестьянском труде и семейных отношениях, с широкого размаха встречается с небритой, обожженной солнцем щекой.

В глазах потемнело, голова запрокинулась назад, морда враз запылала, а во рту появился соленый привкус.

Пока я соображал, что бы это все значило, мамуля, встав на ноги, ухватилась одной рукой за мои давно немые вихры, а другой, вырвав у Дуди несчастного мыша, вlepила им по моим вытаращенным глазам.

У меня руки обвисли. Конечно, можно было бы и посопротивляться, но толку? Когда троллина выходит из себя, а если учесть, что это еще и моя мамуля, то смысл в сопротивлении как-то сам собой исчезал. Поэтому, мысленно воззвав к Небу подарить мне толику терпения, я приготовился к счастливому моменту, когда силы у мамы иссякнут, и к тому, что случится это не сразу.

Мама начала выдыхаться ближе к вечеру, когда от мыша остался только кончик хвоста, а витиеватые выражения стали повторяться все чаще и чаще. Улучив момент, я выдернулся из ослабевших рук и молча отправился во двор счищать с себя кровь и уличную пыль, проклиная свое неумение держать мысли за уже шатающимися зубами.

Троллина, плюнув в сердцах, отправилась в дом готовить ужин и настропалить Дуди против меня и моих замашек.

Пока в доме что-то громыhalo и разбивалось, я молча, под скрип зубов стряхивал с себя пыль и все остальное. Под конец чистки, когда я вылил на себя оставшиеся полбочки воды, с

сочувствиями подошел Куп:

— Тяжело с родственниками, а?

— Ты хотел сказать, с мамой? — в тон ему отвечивал я, выглядывая остатки воды на дне бочки. — Конечно, с папулей все намного проще — мы же с ним одного теста, а вот мамуля... — я опрокинул на себя последние капли, — а с мамулей у меня всегда были проблемы. Впрочем, как и у всех. Кроме Дуди, правда. Он у нее любимчик. Да ладно, не в первый раз и не в последний.

— Какие планы на будущее? — Эльф, присев рядом, вытянул длинные ноги.

— Невесту искать, — буркнул я, стряхивая с себя воду. — Что, есть другие предложения?

— Для начала, — поскреб подбородок Куп, — вопросик: где ты собираешься ее искать?

Как это ни странно, но этот вопрос ввел меня в небольшой, но надежный ступор.

— Ну-у... — глубокомысленно начал я, — ну... — развел руками вокруг, — вот... — по-моему, достойный ответ.

— Я так и думал, — кивнул Куп. — Везде и нигде конкретно. У меня есть один вариант. В этом городе тебя уже все знают, и, я полагаю, любая девица с радостью согласится на твое предложение. Но это будет брак по расчету.

— И какой здесь, по-твоему, расчет?

— Дружище, ты меня удивляешь! Быть женой героя, вот и все. А отсюда — почет, положение, связи, деньги, твой домишко в конце концов. Уверен, что королева Улаи осыпет твою жену не только милостью, но и подарками в виде золотишка, ну и тому подобное. Но будешь ли ты счастлив в этом браке? Мое мнение — тебе надо поискать себе пару в местах, где тебя совершенно не знают. Где тебя полюбят не за былые подвиги, а за то, что ты тот, кто есть. А дом в Уилтаване, почет, слава и все остальное пусть будет приятным дополнением к твоему портрету.

Он меня убедил. Недолго пораскидывая мозгами, я убедился, что эльф прав. Причем всем! Мне уже несколько раз намекали на выгодные партии на роль хозяйки моего дома. Но в то время я к семейному хомуту особо не стремился, и, следовательно, предложения остались без ответа. Даже дядюшка Берг однажды пытался всучить мне одну из своих дочек или племянниц или кто они там ему. Правда, получив вежливый отказ, он вздохнул с облегчением, заявив, что этим только одно от меня было надо. Что именно, он тогда не пояснил, но сейчас мне все стало ясно и понятно.

— И куда ты предлагаешь мне отправиться? — мысленно уже согласившись, что, куда бы меня эльф ни позвал, я точно пойду за ним. Если никого и не найду, то это путешествие будет хотя бы отличным предлогом смыться от мамули подальше... Пусть и на время!

— В Вильсхолл, конечно! А куда же еще? Заодно с Винеттой свидишься. Глядишь, она какую-нибудь достойную девицу порекомендует.

— Идет! — встал я, протягивая ладонь согласия — Я так понимаю, что пара лишних рук вам и самим не помешает, а? Скажи честно, друг, ведь так?

— Увы, но это так! — рассмеялся Куп. — Не буду от тебя ничего скрывать, дружище, но нас хотят немного убить.

— Что-то я не понял! Вас — это кого? Тебя, Айдо, Ильд-Ми, братьев, так, что ли? И у кого это хватило наглости и смелости, позволь тебя спросить!

— Вот как раз это мы и хотим узнать!

— Ничего не понял, — честно признался я.

— Не понял, да и ладно. Просто прими как факт. Ты едешь с нами, помогаешь чем можешь, а заодно по пути вдруг и встретишь ту, с которой можно было бы рискнуть провести остаток своей жизни.

— Заметано! — пожали мы друг другу руки. — Вот только...

— Что «только»?

— Что я маме скажу?!

За ужином нас сидело аж целых восемь персон. Прямо как у нас дома в Вечной Долине. Только не так тихо. Обычно каждодневные семейные пиршества проходили у нас со свистом, грохотом, смехом и другим гвалтом. А здесь — только ложки стучат по днищам тарелок да слышно, как с присвистом еда исчезает в недрах животов.

Когда я уже начал было умирать со скуки, в дверь постучали. Не дав никому даже приподняться, мамуля (я так понимаю, на правах хозяйки) пошла открывать. Пока гремели засовы и скрипела, открываясь, дверь, Куп невзначай скинул свою левую со стола в сторону голенища, как мне думается, за своим *стоулом*; Айдо, словно бы разглаживая бороду, развязал тесемочки длинных рукавов, где наверняка водилось разное железо; бритоголовые близнецы разом чуть-чуть отодвинулись вместе со стульями назад, высвобождая себе место для маневра, а Ильд-Ми невзначай придвинул к себе пару лишних ножей и вилок. Поддавшись общему порыву ожидания врага, братец Дуди ухватил со стола баранью ногу и попытался целиком уничтожить ее, не сводя глаз с трехгаллонового кувшина с пивом.

Не сдержав громкого стога, я схватился за голову.

— Мужики, — перестал я наконец мысленно биться головой о небо, — вы, извините, совсем одурели? Или просто одичали? Вы от собственной тени еще не шарахаетесь, а?

Гости молча уставились на меня, в то же время прислушиваясь к царившим вокруг звукам.

— Извини, Лукка, — первым очнулся бор-От, теперь уже завязывая рукава, — просто мы наготове, вот и все.

— Да мало ли что, — вслед Айдо кивнул эльф, — опять же нервы...

Я только головой покачал — «совсем...».

Дверь в гостиную распахнулась настежь, и на пороге предстала мамуля с парой свитков в руках.

— Это тебе, бездельник! — усевшись за стол, во все горло объявила троллина, махнув бумагами. Правда, мамуля не рвалась отдать их сразу, а, сломав круглые печати, уткнулась в изучение ровных строк.

— Вообще-то... — протестующе начал было я, за что получил конкретное «заткнись!».

— Да, это действительно тебе, сынок, — задумчиво вертела бумаги мамуля. — Не знаю, что здесь написано (читать я, слава Небу, так и не научилась), но почерк очень красивый. А как пахнет! Такое могла написать только женщина. Так вот, а если учесть еще и этот запах, то очень красивая женщина! А какая женщина могла написать моему сыну? Правильно! Только моя будущая невестка. А если взять во внимание эти дощечки, — троллина попробовала обломок печати на зуб и вкус, — то из благородных! А у этих благородных... — мамуля не на шутку задумалась, — я знаю! — вдруг подпрыгнула она на месте, — знаю, знаю, знаю!!! — и язык показала.

— Значится, так! — торжественно объявила мамуля, возвышаясь над столом. — Изучив все данные и улики, я, Ундина Окопиу, благословляю своего сына Лукку Окопиу на этот

подвиг во имя продолжения рода, личного счастья своего брата Дуди и моего душевного спокойствия!

— Ма, ты о чем? — опешил я.

— Как это о чем? Лукка, сынок, твоя мама хорошо знает повадки городских племен. И моя невестка, как самая что ни на есть благородная, выдвинула тебе условие, как это водится у них в роду! И ты, согласно этому обычаю, должен доказать, что достоин ее! (Боги, как это романтично!) И что ты должен сделать? Принести к ее ногам голову страшного дракона? Хотя нет, их всех уже порубили другие благородные женишки... Может, надо убить злобного бессмертного старикана, в свое время надругавшегося над ее мамой, сестрой, бабушкой, тетей, золовкой, свекровью... Хотя нет, за последнюю чаще всего не мстят. Ладно, может, тогда надо найти что-нибудь этакое? Ну, там Серебряный Перстень Любви, Золотой Гребень Сна, мощи безвременно ушедшего святого, Всевидящее Око, наконец. Правда, на кой ей все это?

— Сударыня, великодушно прошу у вас прощения за вмешательство в ход ваших рассуждений, но мне бы хотелось объяснить вам суть этих писем, — вовремя поднял голову Куп. Троллина, соглашаясь, захлопала глазами, а эльф, пока ему не заткнули рот, быстро-быстро начал объяснять: — Когда вы внимательно взгляните в эти строки, то совершенно отчетливо узрите просьбу проводить нас до столицы соседнего королевства, величественного Вильсхолла. Если вы соизволите решить, что задача так уж проста, то спешу уточнить, что наш путь будет труден и опасен, а конечной целью будет торжественная передача второго письма (которое вы еще не успели изорвать) лично в руки королеве Винетте Вильсхолльской.

— И в чем подвох? — насупилась мамуля. — Что-то все уж действительно очень просто.

— Отнюдь. Непроходимые леса, топкие болота, орды разбойничающих орков и разных других негодяев. Все это будет мешать нашему славному Лукке в целостности и сохранности доставить пакет в Центр.

— Понятно... — мамуля забарабанила пальцами по столу, отчего тарелки и вилки стали подпрыгивать не то в похоронном, не то в военном марше, — значит моему сыну досталась боевая операция?

— Я бы сказал, совершение подвига, достойного особого места в летописях веков.

— Ну, раз так, — троллина передала мне обрывки бумаг, — смотри, сын, не посрами честь рода. Помни: на тебя смотрит не только семья, но вся Вечная Долина будет болеть за тебя и твою команду. Не подведи, родной... — Мама подхватила с пола зазевавшегося котенка и, развернувшись к выходу, строевым шагом вынеслась в коридор.

Вертя в руках письма королевы Улаи, я прикидывал, чем все это может закончиться. В смысле — со стороны родственников.

— Отбой! — раздалась громовая команда из маминой спальни. — Подъем на рассвете. Отбой!!!

Мало того, что всех нас подняли ни свет ни заря, так еще и выстроили во дворе в одну шеренгу, вручив каждому объемистый заплечный мешок.

— Слушай сюда, беркуты равнин! — прогорланила троллина, сведя где-то под челкой растрепанных волос воедино брови, лоб и прищуренные глаза. — Не знаю, кто зачем, а я отправляю вас в тяжелый дальний путь не только во имя ваших низменных целей, но и ради

большой и чистой любви, которая, как я надеюсь, принесет впоследствии свои плоды в виде дружной семьи восьми-десяти маленьких крепких и задорных тролльчат. — Мамуля, прекратив вышагивать, вперила свой пылающий взор в одного из Храу и после долгого тяжелого молчания зашипела ему в лицо так, словно именно от него все и зависело: — На меньшее я не согласна!

— Далее, — по новой начала движение ма, — учитывая всю сложность предстоящего похода, а также все беды и лишения, которые вам, по всей видимости, придется испытать, я подумала и постановила. Первое: снабдить отряд провизией и всякой другой необходимостью для начала и на последующее время. Второе: предвидя количество когтей, клыков, стрел, мечей, копий, секир, топоров и дубин, на которые вы рано или поздно наткнетесь, а также, беря во внимание малочисленность отряда, я усиливаю вашу ватагу еще одним умным, честным, добросовестным, умудренным житейским опытом бойцом. Итак! Прошу любить и жаловать... — где-то в небесах торжественно и надрывно заголосили трубы, песок вздыбился под барабанную дробь, двери крыльца разошлись в стороны, и на пороге появился...

— ДУДИ ОКОПИУ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ!!! — проорала мамуля, представ свое любимое чадо.

Тяжело сглотнув, киска сорвалась с забора, в мгновение растворившись на соседском дворе. А брательник, высоко задирая закованные в ржавые рыцарские латы ноги, гордой поступью прогромыхал до нас и замер как вкопанный, опираясь на весь из себя кривой заржавелый длиннющий меч с просто невообразимо растопыренной в стороны гардой.

Куп поперхнулся раз, другой, не выдержал и, закрыв лицо руками, отвернулся, забившись в судорогах на моем потертом плече.

— А что здесь такого? Ты не прав, мой друг, — невозмутимо вымолвил учитель Айдо, будто бы и не замечая, как начала заливаться краской мамуля. — Все правильно, все по уму. Доспехи старомодны, но, как говорится, все новое — это хорошо затерянное старое. Этим латам лет этак триста-четыре... не больше. Меч, если я не ошибаюсь, не что иное, как великолепный образец удлиненного двуручного *бат-ур-иада*. Кстати, ныне большая редкость. Возраст более трехсот лет, ручная работа. Раритет! — Мастер боя развернулся ко мне: — Лукка, да у тебя целое хранилище, склад достойного оружия.

— Пенсионеров! — едва ли не зарыдал эльф.

— Да ладно вам... — смущаясь, попытался я сдержать улыбку, — на этом чердаке чего только нет.

— Прекратить разговоры! — подвела итог мамуля. — Все! Пора в путь. Удачи!

Все дружно, с облегчением вздохнув, развернулись и потопали со двора.

Снаружи, прислонившись к воротам и улыбаясь во весь рот, стоял Теш-Берг.

— Лукка, а у тебя мамочка раньше в армии служить не изволила, а? Шучу, шучу, конечно. Лихо это у нее получается, аж зависть берет!

— Просто мама не первый год замужем, вот и все, — усмехнулся я в ответ. — Думаешь, простое это дело быть женой тролля и матерью целого выводка немелких сорванцов?

— Значит, покидаешь меня, дружок? — неторопливо поглаживал он мою киску за ушком. — Надеюсь, ненадолго, а?

— Как получится, дядюшка Берг, — отсалютовал я. — Может, через недельку вернусь, а может, ближе к зиме. Не знаю. Вы это, за Рыжиком приглядите, хорошо? Ну и за домом, а то мало ли что.

— Не волнуйся, сынок, пригляжу. И за кисой твоей, и за домом. Ты воюй себе на здоровье, лишний раз не дергайся. Все будет хорошо, обещаю. Я вот только не понял, ты братика с собой берешь или нет? Что он у тебя столбом стоит, как баран перед воротами?

Мы разом оглянулись. Действительно, братец Дуди замер посреди двора, даже без намека на движение. А возле, как курица вокруг цыпленка, порхала мамуля, стараясь сдвинуть упакованного в железо тролля.

— Кажись, заржавел, однако... — прищурился дядюшка Берг.

Выковыряв братца из амуниции, мы двинулись за город, даром что солнце уже выкатилось из-за холмов. Наш отряд резвым маршем выдвинулся через восточные ворота Уилтавана и направился к Келебсиру, чьи резвые воды служили не только для рыбалки, хозяйственных нужд и отдыха, но еще и подрабатывали границей Бревтона. Такая вот незадача — вышел из города, и через полдня пути уже можешь оказаться в другом королевстве. Если, конечно, сразу переправу найдешь. В смысле мост или лодку. Это я к тому, что таких мостов всего-навсего три штуки. Северный сразу на Вечную Долину выводит. Южный, что недалече от Заблудшего Леса, хоть к эльфам в Талат-Гален, хоть на юг Вильсхолла-королевства, аж до Меридена и к Хрустальному морю. А вот Центральный или Восточный, если налево по карте, то к Перекрестку Семи Дорог, а если направо, то напрямик до Вильсхолла-города. Меня всегда путало и смешило, что столица названа по имени королевства и наоборот. Можно подумать, что сочинителя карты Небо фантазией обделило. Ладно, не моего это ума дело. Мое дело — помочь ребятам до Вильсхолла добраться да Винетте бумажки передать. Вот такая, понимаешь, экскурсия.

Ой, чуть не забыл! Еще же надо себе какую-нибудь невесту отхватить, а то мамуля до конца жизни будет выпью завывать.

Кстати, а куда мы идем? Вместо того чтобы устремиться к Келебсиру, мы обошли город с юга и через лесочек направились до Перекрестка. Неужто решили до Дожа — Дырявого Мешка дойти? Да я только «за»! Тогда почему сразу на тракт не вышли? Как положено — через ворота? На кой все эти тайны и от кого?

— Слышь, Куп, — обратился я к эльфу, трусившему рядом, — куда нас несет? Вильсхолл совсем в другой стороне. Или я ошибаюсь?

— Отнюдь, — эльф смахнул со лба пот, — просто есть одно маленькое дельце, а уж потом не побежим, а с комфортом поедем.

— И где ж будет происходить это дельце?

— А почти рядом, за Перекрестком. Кстати, Дожа увидим.

— Это хорошо, — резко остановился я, из-за чего сзади на меня налетел Ильд-Ми.

— Ты чего, тролль? — дыхание его было ровным, словно малый и не бежал вовсе.

— Нога! Отродье ее раздери, — пожаловался я, растирая занывшее место.

— Схад! — выругался Куп. — Прости, дружище, забыл! Совсем забыл!

— Да ладно, сейчас пройдет, и дальше побежим. Далеко еще?

— До «Южного Тракта»? Не очень.

— Нужна лошадь, — подошел Айдо. — Парень он крепкий, но так мы дотащимся только к утру, а времени у нас, к сожалению, не целая вечность.

— Мастер, что вы предлагаете? — присел на корточки Куп.

— Предлагаю оставить здесь кого-нибудь вместе с Луккой. Как только тролль придет в себя, они продолжат движение. Только мы дойдем до трактира, думаю, гном поможет нам решить возникшую проблему.

— Договорились. Кто остается?

— Позвольте мне, — выступил вперед Ильд-Ми.

— Дозволяю. Так, вы, — он кивнул близнецам, — берете их вещи. Куп — впереди, за ним — Дуди и Храу, я замыкающий.

— Лукка, что тебе там мамочка наложила? — с кряхтением приладил себе на плечо мешок эльф.

— Все что угодно, — чуть рыча, продолжал я растирать свою заднюю левую, — но больше чем уверен, что без пирожков дело не обошлось.

— У тебя такое хорошее обоняние? — спросил Ильд-Ми, когда наши друзья скрылись за ближайшими деревьями.

— «Обо что»? — искренне не понял я. — А, ты про нюх, что ли? Нет, друг, нос у меня самый обычный — троллий. Просто вчера я видел, как мамочка замешивала тесто. А за ночь ей одной столько не съесть... Она же просто лопнет!

Так или иначе, но путь мы продолжили Я хромал от души, а Ильд-Ми, плетясь сзади, что-то бормотал про себя. Не то песню пел, не то мою задницу клял — я особо не прислушивался. Меня больше интересовало другое. Этого парня я знал не очень хорошо. Познакомиться с ним пришлось в ту пору, когда Скорпо притащил меня на обучение к Айдо. Я ведь тогда был еще совершенно мокроносым теленком. Дружбы особой не завязалось, хотя оно и понятно: не каждый сможет первым протянуть руку тому, кто умудрился начистить ему рыльце. И опять же мне казалось, что ученик Айдо вел себя так прохладно со всеми людьми и нелюдьми. Но это его дело. Сейчас меня интересовало другое... Кто и зачем бредет за нами с места стоянки? Мои уши улавливали то треск ломавшихся сучьев, то шорох сухой листвы под чьими-то лапами. Поначалу я было решил, что это мой сотоварищ, но, когда кто-то чуть слышно помянул Отродье и всех других, я убедился, что это совсем не местное зверье, вышедшее на охоту. Что же, значит, надо бы остановиться, спросить у мужиков, чего им, собственно говоря, неймется.

Я слегка споткнулся. Правда, не из-за того, что хромать хотелось, а из-за того, что надо было попытаться вроде как невзначай поговорить с Ильд-Ми. Как ни странно, в ответ я получил легкий тычок в спину.

— Все слышу, — прошипел ученик Айдо, — за сосной делаешь два шага и сразу влево, в кусты. Если понял, охни, вроде как от боли.

— Ох, ох-хо-хо-ох! — отозвался я, делая шаг пошире, заодно припадая на заднюю лапу.

Как только сосенка оказалась рядом, я враз кинулся за ее ствол, на лету нащупывая топориче ахаста. Ильд-Ми ринулся вправо, прячась за крепким деревцем по другую сторону тропы. Из своего укрытия я узрел, как тускло блеснуло лезвие в два локтя тонкого меча.

Мы замерли, стараясь даже не дышать, вглядываясь в неподвижную листву. Сколько мы так простояли, только Небу известно! Когда от неподвижности у меня начали затекать руки и ноги, на дорожке появилась парочка ненаших в нежно-коричневом. Не в черном, не в зеленом, а в детско-неожиданном веселом цвете! Мужички напряженно всматривались в нашу сторону явно в растерянности — куда это мы вдруг провалились, и в какую сторону им теперь топтать. Я уж было решился выйти им навстречу, но тут на полянку вышли еще двое с самострелами наперевес.

— Наверняка они ушли к Перекрестку! — во всеуслышание заявил один.

— А если нет? Может, эти двое остались замести следы, в то время как остальные повернули в сторону реки. Этот громила со своим дружкой как сквозь землю провалился!

Сколько мы им подарили? Четверть часа, больше? И где они сейчас? Траворт, что со следами?

Этот, припав на колени, разглядывал примятую траву.

— Если я не ошибаюсь, нам в ту сторону, — уверенно заявил следопыт, указывая в нашу сторону.

— Раз так, идем! — в сердцах приказал главный и, перехватив арбалет поудобней, пошел напрямиком на Ильд-Ми.

Только он поравнялся с деревцем, за которым, собственно, и сидел ученик бор-Ота, как тот шагнул тому прямо под ноги.

— Мужик, тебе чего? — поднял он в приветствии переднюю левую, пряча за спиной правую с мечом наготове.

Мужик раскрыл ротик, выкатил глазки и... нажал на спуск...

Тетива обреченно тренькнула, посылая болт вперед. Ильд-Ми даже не дернулся. Просто выбросил навстречу руку, отбивая мечом стрелу до ближайших кустов.

— Так какие проблемы? — вежливо поинтересовался молодой мастер, невзначай срезая кончиком лезвия с супротивника перевязь ножен.

— Э-э-э... а-а... э... — невразумительно захлопал тот ресничками.

— Я все так и понял, — прохладно улыбнулся Ильд-Ми и поманил ладошкой остальных, — подойдите-ка сюда.

Те не шелохнулись, а второй стрелок даже начал потихоньку поднимать свой корявый самострел.

— Эй, приятель, — вылез я из-за дерева, помахивая у ноги ахастом, — не шали. Не надо.

И все же, какой тупой народ эти городские! Сказано: не шали. Что это значит? Значит — не дергайся, не вынуждай делать тебе больно и все такое. Нет же! Надо показать всем в округе, что ты самый крутой в этом болоте! Причем невзирая на последствия и все другое в этом смысле.

Арбалетный болт, врезавшись в лезвие ахаста, ушел в сторону. Дальше уже было бесполезно что-то кому-то объяснять. Двое ближних, бросив пустые самострелы, ринулись на нас с мечами наголо, завывая стаей пьяных гоблинов.

Ильд-Ми, бесстрастно фыркнув, остановил первого плашмя по лбу, а другого одним взмахом ноги отшвырнул подальше. Мужик, опрокинувшись спиной на кусты, злобно завопил и прямо оттуда запульнул в ученика чем-то вроде стилета. Малый перехватил лезвие на лету и моментально ответил удачным броском... под подбородок. Хлынула кровь, раненый, пороняв все железо на землю, схватился за горло, захрипел, забулькал и, так и не выбравшись из своего кустарника, раскинул ноги в стороны.

Я же тем временем, не желая упускать своей доли потехи, перепрыгнул через стонущее, но еще живое тело и кинулся к тем двоим, что с мечами. Ребята переглянулись, заорали и кузнечиками поскакали на меня, высоко занеся свои палки.

Клинок шел мне прямо меж глаз. Я незатейливо выставил перед собой ахаст, ловя удар на топорнице. Не причинив никому ничего серьезного, обиженно клацнула сталь. Я от души взмахнул правой задней и въехал этому дровосеку между ног.

Век неженатому ходить, но его рев был в Уилтаване слышен. Товарищ пострадавшего показал наличие просто кучи мозгов и пригоршни смекалки, предприняв попытку, изогнувшись змеей, подрезать мне колени. За что и был наказан вывихнутой посредством обуха топора челюстью.

Неожиданно для всех начал подниматься тот, с шишкой на лбу. Ильд-Ми, не раздумывая, наступил на его потянувшуюся за оружием клешню и движением, каким обычно давят таракана, сломал малому кисть. Бедолага задохнулся от боли и без лишних слов захлопнул глаза.

— Так-так, — раздалась сзади пара ехидных шлепков, — значит, Лукка отвел душеньку, да?

Я медленно повернулся, готовый сразу же метнуть ахает.

Рядом с Ильд-Ми, печально улыбаясь сквозь густую рыжую бороду, вместе с Купом стоял не кто иной, как сам Дож — Дырявый Мешок.

— Ребят, — привычно крутил он косичку бороды, — вы хоть мужиков спросили, кто они? Откуда? Или опять некогда было?

Из потрепанной четверки выжило трое. Правда, народ выглядел так, словно попал под камнепад. Но они же все-таки могли дышать! А двое — даже вполне отчетливо изъясняться вслух! Они-то нам и поведали, что вовсе не жаждали нашей крови и шкур, а просто хотели проводить нас до границы королевства.

— Тогда какого Отродья вам понадобилось делать это втихаря? — рявкнул гном, когда окровавленные тела были погружены на подъехавшую телегу. — Вы что, ребята, брагой опились, а потом фэлом закусили? За кем вы решились следить? Это же вам не местное жулье или приграничные браконьеры. Скажите спасибо, что всех не поубивали!

— Спасибо... — просипел один тоненьким голосом. Тот самый, который морщился и бледнел при каждом неловком движении.

— А! Сами напросились! Теперь с вами, орлы! — Безнадежно махнув обрубок, гном повернулся к нам: — Лукка, к тебе претензий нет, сделал все, что сделал, и я бы удивился, если бы все было по-другому. Но, Ильд-Ми, дружок, ты без мордобоя обойтись не мог?

— Это еще учитель не в курсе, — хмыкнул эльф, рассматривая труп, — вот старик обрадуется: какого бойца воспитал! Умелого, осторожного, рассудительного. Просто слов нет.

— Был бы другим, все четверо бы передохли. Или мы с троллем вместо их, — проворчал ученик Айдо, — что с этими делать будем?

— Что-что! Довезем до трактира, перевяжем, помоем, подкормим... хотя бы тех, у кого зубы остались, да до Уилтавана с богом отправим. Грузись, народ, — это он уже мне с Ильд-Ми, — обед стынет!

Парочка облезлых лошадемок неспешно тащила нас по проселочной дороге. На козлах восседал гном, лихо управляясь одной рукой. Позади телеги, о чем-то тихо переговариваясь, вышагивали Куп и Ильд-Ми.

— О чем задумался, Висельник? — прервал молчание Дож.

— Если честно, то о том, что у нас сегодня на обед. Ну и заодно: что затеяли эти парни. Ведь если я правильно понял, нам надо до Вильсхолла. И как можно скорее. А вместо этого мы подались совсем в другую сторону. Конечно, я жутко рад тебя видеть, но, знаешь ли, мне не нравится, когда мне что-то непонятно. А как следует мне ни Куп, ни Айдо так и не объяснили.

— Обрадую я тебя или нет, дружище, но это еще не предел твоему непониманию, — подхлестнув лошадок, ответствовал Дырявый Мешок. — Знаешь, какой вопрос с ходу задал мне Айдо? Не знаешь! Просвещаю: известна ли мне дорога к Фэн-Гиау или нет.

— Фэн-Гиау... — наморщил я лоб, — а что это и где это?

— Э, парень! Сразу видно, что ты отстал от жизни. Хотя и понятно: за эти полтора года — после мордобоя с мертвяками — ты ведь дальше городской стены особо и не выходил.

— Неправда! Я домой к родне в Вечную Долину ходил. И, между прочим, с тобой! Или ты забыл?

— Лукка, я образно выражаюсь. Оставим это, лучше слушай дальше. Так вот. Помнишь ту деревню, куда нас затащил Дио подковыривать захромавшую конягу?

— Ты еще спрашиваешь! Мы же тогда еле ноги унесли! Мертвецы вылезли прямо из земли и...

— Молодец, память у тебя хорошая, — остановил поток воспоминаний гном. — Та деревня и называется Фэн-Гиау. Раньше она называлась просто Гиау, а вот теперь к ней добавили еще и Фэн.

— И что с того? Все равно ничего не понимаю!

— «Гиау» на местном наречии значит «тропа». А «Фэн» — вольный боец, наемник. Но это уже в переводе с гномского. Теперь дошло?

— Нет, — честно признался я.

— Крестьяне не вернулись в разоренную деревню. Зато ныне ее облюбовали наемники. «Фэн-Гиау» — «бойцовская тропа», или, точнее, «вольных бойцов тропа». Нашему мастеру Айдо понадобились наемники. И если я правильно понял, то уже сегодня к вечеру вы отправитесь в эту треклятую «Тропу»!

— Зачем?

— За кренделями в меду! — невесть с чего рассвирепел Дож. — Все! Закрыли тему Пусть тебе твой разлюбезный учитель все объясняет, а мне нервы для клиентов беречь надо!

Кстати говоря, Айдо мне тоже ничего не смог разъяснить!

— Мастер, одно мгновение, пожалуйста... — попытался я остановить водопад бранных витиеватых выражений. Но безуспешно. Учитель орал так, что тарелки на столе, тихо позванивая, в страхе отодвигались к краю. Честное слово, в таком состоянии я Айдо видел и слышал впервые.

— Дурачье! Идиоты! Помесь гоблина и скунса! Что?! Что ты хочешь сказать? — это он мне. Просто я поднял руку, как это делают городские детишки, когда хотят обратить на себя внимание в местных общинных домах, непонятно почему обозванных «школами».

— Учитель, а что такое «скунс»? Извините... — опустив руку на столешницу, я вернул с края убегающую посуду.

— Кретин... — тяжело вздохнув, сел на скамейку мастер боя. — Точнее, целых два... — выразительно взглянув на Ильд-Ми, он отвернулся в сторону, — все, достали...

— Ильд-Ми, дружок, — развернулся Айдо к любимому ученику, — ладно Лукка, он по большому счету в этих делах новичок. Но ты! Ты?!

— Учитель... — откашлявшись, начал тот свою речь, — ситуация была таковой, что нам с Луккой ничего не оставалось делать, кроме как ответить на проявленную агрессию. Мы даже не успели и слова сказать, как оружие было пущено в ход.

— И обязательно надо было убивать?

— Отнюдь, я просто защищал своего напарника и самого себя, естественно.

— Вы хоть знаете, что натворили? Вы это видели? — он бросил на стол округлую железяку в виде четырехугольника с выточенным изнутри другим четырехугольником.

— Нет, — честно признался я. — А что это?

— А это, мой дорогой, не что иное, как знак тайной службы королевства Бревтон! В

прошлом году троих повесили только за то, что казненные имели нахальство осыпать тайников мусором!

— Будущие казненные? В смысле те, кого потом казнили, так? — решил уточнить я непонятное.

— Именно так, дурья твоя башка. — Айдо закрыл лицо руками. — Вот что теперь делать?

— А ничего! — из ниоткуда возник Куп. — Отправим оставшихся в живых до Уилтавана, пусть сами объясняются. В конце концов, не наши же ребята первыми начали эту перепалку! Вот пусть тайники и отвечают за происшедшее!

— И ты думаешь, что королева поверит им? На слово?

— Не знаю, — нахмурил лоб эльф. — Но ведь парни особо и не виноваты. На их месте я бы действовал так же.

— Пусть так и будет, — встал Айдо. — Единственное, на что я надеюсь, что королевы сами разберутся между собой. На все воля Неба и тех, кто на нем. Дож!

— Здесь я, — подошел мой старый друг.

— Ты можешь обеспечить доставку народа хотя бы до ворот столицы?

— С легкостью, — усмехнулся гном, — скоро мимо будет проходить караван из Кинблоу. Уверен, наши возьмут с собой попугачиков, не запрашивая особой платы за проезд.

— Хорошо. Когда они будут в Уилтаване?

— Не позднее вечера.

— Пока то да се, — поскреб Айдо столешницу, — думаю, если репрессии и начнутся, то только к завтрашнему вечеру. Значит, у нас на все про все одна ночь. Ну, что ж, парни, доглатывайте еду и не забудьте попросить добавки — у нас впереди тяжелая ючь. Следующий раз, когда вы сможете спокойно поесть, будет очень нескоро. Дож, распорядись, нам нужны две, и очень хорошие, повозки!

— Хорошо, — кивнул гном. — Лукка, пойдем, поможем.

— Как старик-то наш сегодня разошелся. Раньше он не позволял себе так глотку драть. Просто диву даешься! — покачал головой Дырявый Мешок, когда мы оказались в конюшне.

— Он еще и пить начал... — горестно вздохнул я.

— Чего-чего? — выронил вожжи Дож.

Внизу живота распирало так, что мочи терпеть больше не было. Бывший сержант «золотых» оторвал раскалывающуюся на части голову от пола и попытался сориентироваться: куда он попал?

Перед глазами все плыло, и только с какой-то там попытки он сообразил, что находится в тюрьме. Кованые решетки на окнах, охавка начинающей гнить давнишней соломы, запах испражнений и немых тел и препротивнейший лыбящийся хмырь напротив. Тюрьмы всех королевств грани были одинаковы.

— Что, братан, — открыл щербатый рот хмырь, — сегодня не самый лучший день в твоей жизни, а?

Михаэль, перевернувшись с живота, кое-как уселся, прислонившись спиной к холодной стене.

— А какой сегодня день? — еле прохрипел он.

— Эх, дружок! Да тебе совсем, видать, худо! — расхохотался толстяк. На него сразу зашикали из полумрака камеры. — Пошли в ссад, уроды! — во все горло проорал тот, — я с

новеньким общаюсь. Глядишь, сегодня мне не так скучно будет. А ежели шо, то и с вами, морды, поделюсь.

Михаэль внутренне сжался — попасть в компанию к ночному жителю. Да еще к одному из тех, кто не живет по человеческим законам. И вообще не признает никаких законов, кроме своих. Только он, и только для себя и таких же, как он.

— Ты, малой, не молчи, не бойся. С тобой же по-человечески пока разговаривают, — дышащий зубным гнильем, собеседник пододвинулся ближе.

— Пока? А что, ты можешь и по-другому?

— А то как же, милый! Морда твоя мне незнакома, имя тем более. Мож, ты подсыл залетный али просто человек невинный да достойный. Кто знает? Вот скажи, че мне с тобой делать? Руку тебе пожать али свои руки тебе на горло положить? Али просто... — он хитро подмигнул, — с тебя портки спустить да волосики с задницы повыдергивать... чтоб лишнее не цепляло. — Бандюг подсел еще ближе. — Если б ты знал, мил человек, как без бабы здесь тяжко. А так и ты жив, и я доволен... — он положил руку на колено Михаэля, — так что, милая, ска...

Договорить он не успел. Бывший солдат королевской гвардии подловил его лапищу и, резко опустив себе на колено, вывернул локоть. Ночной взвыл, изворачиваясь, но меж тем стремясь воткнуть свой кулак в чужое спокойное лицо.

— А НУ ХОРОШ!!! — подошел к ним совершенно лысый поджарый низенький мужичок. Михаэль не сразу сообразил, что у узника напрочь отрезаны нос и уши, а посреди лба красуется трезубый выжженный знак — клеймо каторжника на галерах.

— Хорош тебе, Конь, не бушуй! А ты, мил человек, отпустил бы его, а? Этот паря плохо пошутил, а ты просто не понял его. Отпусти, — в мягком голосе зазвенела сталь, — не уродуй дурачка.

По тому, как ослабла чужая рука, сержант понял, что Конь согласен на мировую. По крайней мере, пока. Михаэль, ослабив захват, ногой оттолкнул от себя грузное тело.

— Так-то лучше будет, — одобрительно кивнул безносый, — Пойдем со мной, солдатик, я тебе твое место покажу. А ты, Конь, наперед думай, на кого лезешь и зачем. И зла не держи на малого.

— Как скажешь, Череп, — с нескрываемой злобой потер уцелевший локоть Конь, — как скажешь...

Череп не спеша вышагивал между сидящих на полу, ведя за собой еле дышащего сержанта. Только сейчас Михаэль увидел, сколько народа было в камере. Люди сидели, лежали, тесно прижавшись друг к другу, кто злобно, кто жалобно смотря на него. Клейменный дошел до своего угла, выстеленного потертыми шкурами, на которых с самым скучающим видом возлежала пара здоровяков.

— Кирка, — ткнул Череп в одного, — поделишься с ним. — И, усевшись, скрестив ноги, добавил: — И дай солдатику похмелиться, а то уж он совсем плохой.

Здоровяк, ухмыльнувшись, пододвинулся, указывая на место около себя. Только Михаэль уселся, как около него возник запотевший кувшинчик.

Сержант ухватил сосуд и, даже не разбирая, что, собственно, там, приложился к нему. Живительная влага, освежая пересохшее горло, бурной струей хлынула в желудок.

Оторвав от себя опустевший кувшин, Михаэль осторожно взглянул на старшего.

— Видишь, мил человек, жить и здесь можно. Если, конечно, есть немного здесь, — вожак похлопал себя по карману, — и здесь, — он провел рукой по голове. — Отходя

там... — пальцем показал он, — иди, а то еще разорвет. Мне около себя еще только вони не хватало.

Оправившись, «золотой» вернулся на место, стараясь по дороге никому ничего не отдавать. Устроившись поудобней, он взглянул на Черепа.

— Почему ты называешь меня «солдатиком»?

— А как тебя называть? Или я таки ошибся? — усмехнулся каторжник. — Не бери в голову, приятель. В былые времена я неплохо разбирался в людях. Мне все равно, как ты назовешься. Если ты умный человек, то своего настоящего имени никогда не скажешь. И это правильно. Сегодня мне понравилось, как ты вел себя, и больше ничего. Редко кто может устоять перед... обаянием нашего жеребца. Завтра мы разойдемся своими дорогами, и неизвестно, пересекутся ли наши пути снова. А сегодня ночью, как и завтра, и до тех пор, пока мы не окажемся на свободе, ты гость мой и этих уютных стен. Итак, как нам называть тебя, человек?

— Когда я начинал свою армейскую карьеру, друзья называли меня Филином, — опустил голову Михаэль. — Это из-за того, что у меня... я... спал плохо, ну и из караулов... постоянно не вылазил...

— Бывает, — усмехнулся Череп, — чего только в этой жизни не бывает.

— Слышь... Филин! — толкнул его второй приближенный безносого. — А ты часом не из «золотых» будешь, а? Ну, что под последним Гиером ходили.

— Из них... — сглотнул сержант, соображая, к чему может привести дальнейший разговор, — только это уже давно было... — Ему вдруг стало удивительно легко и спокойно. Захотелось растянуться прямо здесь, на этих проеденных мышами и молью шкурах, и... Он счастливо рассмеялся.

— Само, отстань от человека, — остепенил своего Череп и повернулся к Михаэлю вплотную: — Твое прошлое — это твое прошлое. Сейчас ты один из тех, кого завтра здесь уже может и не быть. Отдыхай.

— Кирка, дружок, позови-ка сюда нашего лошадиного друга. Да поосторожней, не тревожь народ лишний раз... — каторжник с грустью взглянул на дно опустевшего кувшина, — для кого-то из них эта ночь будет последней.

Череп старался не смотреть в глаза советника тайных дел. Редко кто мог выдержать прямой взгляд Вирбахта и тем более, глядя в эти пустые, отдающие мертвечиной глаза, солгать.

В свою очередь, Вирбахт в который раз пытался понять человека, сидящего напротив него. Ему было за пятьдесят. Двадцать лет каторги, из них пять — на галерах. Судья ночного мира. Именно его приглашают разрешать споры и раздоры среди тех, кто живет по своим законам, не подчиняясь законам людским. Руки по локоть в крови, грабеж, вымогательства, пытки. Приговорен к смерти в двух королевствах грани. Любящий отец, добрый сосед, вставший грудью на защиту людишек, когда пьяная солдатня устроила погром в квартале нищих. И он же буквально на следующий день собственноручно вырезал почти весь торговый караван, отказавшийся платить ему дань. И ни одного свидетеля! Но это был он! Он! Вирбахт в этом даже не сомневался.

И с такими... заслугами он, сам еще не ночной король, но его приближенный, соглашается быть подсадной уткой! Здесь советник просто разводил руками.

— Что скажешь? — наконец начал разговор вельможа.

— По поводу этого парня? Если мне будет позволено говорить прямо, господин...

— Можешь не стесняться, — успокоил безносого советник.

— Я бы убил его и не пожалел о содеянном. Он самый обыкновенный насильник и убийца. Лично я презираю таких, как он. Мы подсунили ему в питье щепотку фэла. Его развезло, и он начал рассказывать о своих... подвигах. — Ремесленник буквально выплюнул последнее слово. — Он был в гвардии «золотых», участвовал в рейдах по сбору дани. Я думаю, вы понимаете меня?

— Я знаю, о чем речь, — Вирбахт кивнул.

— Так вот, после смерти короля, кстати, он был свидетелем его смерти, наш Филин уехал к себе на родину — куда-то на юг страны. Но его нашел один из бывших командиров и заставил снова служить. Я так понял, что его шантажировали. Чем? Здесь он не раскололся. Может, в одном из рейдов наш герой проявил излишнее усердие, может, еще что. Его передали с рук на руки молодому дворянину, которого, между прочим, он боится как огня.

— Кто такой? Как выглядит?

— Только имя — Яра. Больше ничего.

— Яра, говоришь? — недобро усмехнулся тайник. — Если я не ошибаюсь, то это переводится как «никто» или как «безликий»?

Череп недоуменно повел плечами в ответ.

— Пусть будет так. Еще что-нибудь?

— Он должен был следить здесь за каким-то громилой. За кем именно, он не признался. И еще, когда действие фэла ослабло и Филин стал приходить в себя, то сразу же попытался выяснить, сколько он может проторчать здесь. Он очень торопится. Его ждут, и, по-моему, как раз этот «никто» ждет.

— Ну и пусть подождет еще немного. Через день, максимум два его отпустят на все четыре стороны. — Вирбахт, достав из-за пазухи свернутый в трубочку исток бумаги, передал его каторжнику: — Это тебе.

Безносый, не скрывая нетерпения, схватил письмо и, развернув, немедленно углубился в него. Когда чтение было закончено, он поднял голову на тайных дел советника.

— Спасибо... господин... — довольно улыбнулся вор, — я искренне рад за то, что вы сделали для моих друзей.

— Не за что... — пожал тот плечами, — Значит, так. Этот Филин должен выйти из камеры живым и на своих ногах. Это раз. В оставшиеся дни слушать каждое его слово, примечать каждое движение, жест. Кто он на самом деле, и зачем он здесь? От этого зависит многое. Это два. Последнее...

Вирбахт, встав из-за стола, начал неторопливо, взад-вперед, прогуливаться по камере.

— Я уполномочен сделать тебе предложение. Никакого пресса. Услышав подробности, ты можешь его принять, можешь отвергнуть. При отрицательном ответе все остается как есть. Но если ты успешно выполнишь порученное дело, то сможешь беспрепятственно отправиться к Хрустальному морю...

— Вы не оговорились, господин? — Череп вскочил со своего табурета. — Я смогу отправиться в Гольлор, чтобы забрать моего...

— Именно так. — Вирбахт, положив ладонь на плечо преступника, усадил его на место. — После этого ты сможешь либо вернуться в Уилтаван, либо уехать, куда тебе самому будет угодно. Но хватит о перспективах. Ты готов меня выслушать?

— Надеюсь, вы не предлагаете мне убить королеву?

— А что? — Советник, облокотившись на стол, взглянул Черепу в глаза. — Разве подобная мелочь сможет перевесить отцовскую привязанность и любовь?

Как только заключенного увели, в расспросную камеру буквально ворвался один из «указчиков» — ближайших помощников советника.

— Шэдаг, что случилось?

— Плохие новости, сударь. Очень плохие.

— Конкретнее, пожалуйста. — Вирбахт уже догадался, о чем пойдет речь.

— Только что вернулся отряд «зрячих», которому была поручена слежка за послами Вильсхолла.

Вирбахт с облегчением вздохнул: «Вернулся, значит, все-таки своими ногами, следовательно, живы и смогут все рассказать... или, на худой конец, написать».

— Сколько убитых? — Его голос был спокойным и ровным.

— Вы... вы знаете? — вытаращил глаза указчик.

— Кажется, я распорядился определить для этого дела самых умелых и опытных. Способных проявить выдержку и трезво оценить ситуацию. Разве нет? Ладно, об этом позже. Итак?

— Один убит, остальные тяжело ранены. Скорей всего, двое останутся калеками.

— При возможности надо будет поблагодарить послов — на их месте я бы уничтожил выживших. Каким образом тайников доставили сюда?

— Гномы. Торговцы с Голубых Гор. Сказали, что их попросил некий Дырявый Мешок из...

— ... из трактира «Южный Тракт», — закончил за него Вирбахт. — Дальше все интересней и интересней. Значит, нашим разлюбезным послам понадобился Фэн-Гиау? Шэдаг, помолчи минутку, мне надо подумать.

«Им нужны наемники, — размышлял про себя главный тайник, — для чего? Вряд ли они пришли бы сюда столь малочисленным отрядом. Наверняка за Келебсиром их ждет войско охраны. Или не ждет? И им нужны люди для благополучного возвращения домой. Точно! Именно поэтому они и уговорили тролля идти с собой. Да еще и его братца-силача. Пара умелых бойцов плюс наемники. Неплохой отряд для возвращения и прикрытия! Или у них другая задача? Какая?»

— Значит, так... — поднялся из-за стола советник тайных дел, — сегодня же, немедленно разослать наших людей вдоль границы Вильсхолла. Задача: дожидаться ухода послов с территории Бревтона. Ни в коем случае не препятствовать ни им самим, ни сопровождающим их лицам. Выяснить, сколько человек и кто именно, кроме известной нам семерки, переправился в Вильсхолл. В каком месте. Себя ни в коем случае не проявлять! Вас не должны даже заметить! Говорю это в первый и последний раз. Если вас заметят, просто предупреждаю: ваши семьи имеют все шансы остаться с пенсиями по утрате кормильцев! Срок операции — два дня. По истечении срока сразу же вернуться на место. К балу старейшин чтобы все были на месте. Исполнять!

На двух повозках мы подкатили к мертвой деревне. Точнее, она давно не была такой уж и мертвой, просто это я по привычке. За распахнутыми настежь воротами Фэн-Гиау слышался самый обыкновенный гвалт разухабистой пьянки, весомо подкрепленной веселым бряцаньем железа и глухими шлепками тумачков.

Гуляли все поголовно. Когда мы вкатились на главную улицу, ни одна живая душа не

обратила на нас внимания. Мне даже обидно стало! У всех свои заботы, и по какому поводу нас сюда занесло, никому никакого дела! Мимо прокачались двое мордатых мужиков в обнимку. Навстречу, чуть не попав под копыта нашей лошадки, из-за угла забора, выступил не менее пьяный бородач. Взглянув лошади в глаза, он стал, мотнул головой, протер мутны очи, плюнул в сердцах и пошел дальше, задевая плечами то борт повозки, то покосившуюся от времени неухоженную ограду. У другого угла молодой парень размеренно лупил по морде своего собутыльника, придерживая того за ворот рубахи и не иначе как собираясь выбить из того все зубы и мозги.

Мы остановились у покосившегося дома, под окнами которого здоровенный детина в рванине лапал хохочущую полногрудую бабенку.

Эльф вместе с Айдо, спрыгнув на землю, подошли к влюбленной парочке, выжидающе встав над ними. Те хоть бы что! Детина, уткнувшись своими телячьими губками в ушко подруги, что-то там нашептывал, между прочим, забираясь своей клешней за вырез рубахи. Девушка в ответ неожиданно заржала, чем немало напугала ближайшего коня. Животинка недовольно затопала копытами, замахала хвостом и подалась назад — вместе со всей кибиткой соответственно. Уже потом тот мужичка, который захотел посмотреть, что есть интересного и вкусного у нас с другой стороны повозки, ближе к рассвету начал кое-как передвигаться и во всеуслышание клясться, что больше не будет столь любопытным и при этом столь неосторожным хотя бы потому, что собственные ноги ему как-то дороги.

Тем временем нашим парням надоело любоваться на милующуюся молодежь. Куп, вытащив из поясного кошелька монетку, бросил ее, явно целясь в раскрытый рот девушки. Серебро было моментально перехвачено на лету.

— Че? — недовольно обратил на нас внимание оторванный от занятия любовник.

— Бойцы. Шесть или семь, — спокойно ответил эльф, крутя в руке еще один белый кругляш.

Малый долго смотрел оценивающе на них, на повозки и наконец разжал зубы.

— До конца улицы и направо. Большой дом. Это все?

Вместо ответа эльф подкинул в его сторону монету.

Слава Небесному Троллю, мы хоть никого не подавили, пока добирались до того места. По всей видимости, разыскиваемый нами дом когда-то был общинным. Сейчас из его закопченных окон слышались пьяная ругань, грохот барабана, свист подпевающих ему дудок и рев, наверное, сотни глоток, старающихся перекричать друг друга.

— Так, Ильд-Ми, Храу, Дуди, вы всё остаетесь с лошадьми. Будьте начеку, — приказал бор-От.

— Я с вами хочу! — заныл было братишка.

— Домой вернешься, — слез я на землю.

— Жениться, да? — воспрянул было он.

— Объяснять мамуле, почему тебя, неслуха, отправили отсюда.

— А почему? — хитро прищурился тролльчонок.

— А ты подумай! — в тон ему ответил я, тем временем прилаживая к поясу длинный, с локоть, стоул. Суп заранее предупредил меня о том, что к этим ды пойдем налегке. То есть без топоров, дубин и других мечей.

Когда подаренный Дожем штоск был спрятан за голенище, все остальные вроде эльфа и Айдо были готовы.

Мы дружно выдохнули и разом шагнули за порог не то дверей, не то ворот.

Вот так мы и вторглись в их частную счастливую жизнь. Слева — Айдо, справа от него — МалЙавиэУиал-младший, а сзади я — гордо расправивши плечи и нагло наклонив голову... Ну, чтобы не зацепиться о притолоку.

Не знаю, как раньше выглядело здание изнутри, но ныне это был самый натуральный кабак. Та же длинная стойка, те же столы, непонятно по какой задумке расставленные по залу, те же пивные и винные лужи под ногами, густо перемешанные с остатками еды и кое-чем еще, и куча разношерстного народа, дружно и вразнобой опрокидывающего в себя кружки.

И хоть бы кто-нибудь башку повернул!

Мы, постояв недолго, двинулись к стойке, по ходу невзначай расталкивая густо набившуюся толпу. Кое-как добравшись до места, Куп, звонко шлепнув ладонью по липкому дереву, попытался докричаться до стоящего рядом хозяина, о чем-то болтавшего с громадным парнем с цепью, в три ряда обмотанной на манер браслета вокруг левой руки.

Но сколько бы эльф ни надрывал горло, трактирщик и бровью не повел.

— Мож, врезать ему? — предложил я на ухо Айдо.

— Не поможет, — мотнул тот головой, — здесь надо что-то кардинальное.

— Правда? — по младости лет я еще не понимал некоторых слов. Но тут мне показалось, что я понял, о чем говорит бор-От.

Прищурив глаза, я начал пристально разглядывать местного раздавалу. Голова плешивая, с остатками волос по бокам. Длинный, плоский, как у вороны, нос. Правда, аж с целыми тремя горбами. Круглый, сразу переходящий в шею подбородок. На нижнем куске губы не то родинка, не то вечный чирей.

— Эй, ты, прыщ невыдавленный, поверни-ка сюда свою башку, когда к тебе обращаются добрые люди. Слышь? Кому говорю, ссад гоблина!!!

Не знаю как на улице, а здесь меня услышали.

— Чего-чего? — прощамкал трактирщик. — К кому ты так обращаешься, сынок?

— К вам, милостивый... — якобы запнулся я и тут же проорал еще громче: — Хозяин прокисшего пива и протухшего вина и... — Здесь я поманил его к себе пальцем. Когда багровая потная рожа приблизилась ко мне, я от всей своей троллей души шепнул ему на ушко: — Ты когда в последний раз зубы чистил, пожиратель жакхе?

Судя по всему остальному, Дырявый Мешок мог бы гордиться мной!

Нет, по большому счету я к нему ничего такого и не имел. Просто за несколько последних дней лично меня просто добило то, что таких, да и не таких, как я, в принципе, молча посылают в ссад, а то и куда подальше. И делают это с таким выражением морды на лице, будто я пришел просить у них в долг, причем без этих самых *порцетов* и всякого срока выплаты. Кто именно это делает? То есть посылает? Отвечаю: всякие трактирщики, старички из дворца и вообще.

Достало!..

Так или иначе, этот мужичок из-за прилавка довольно лихо перемахнул через стойку и с ревом озабоченного бычка попытался вцепиться мне в горло.

Естественно, безуспешно! Кто ему сказал, что я буду просто стоять и ждать, пока этот придурок будет безнаказанно выжимать из меня жизнь?

Как только его липкие от пива пальчики оказались у самого моего горла, я, моментально ухватив то, что было перед глазами, взял это на излом и отправил все остальное через плечо.

Вы знаете, где у меня плечо, а у обычного человечка голова? Правильно! Где-то рядом.

Трактирщик, не тратя лишних слов, упорхнул в надвигающуюся толпу. Вот после этого я и... запнулся... что ли? Нет, правда! Ну, отослал я хама восвояси, а дальше-то что?! Мужики... те... что вокруг, недобро хмурят брови и сжимают рукояти запоясных ножей. Айдо с Купом степенно так отступают к стойке, на ходу нащупывая свое железо.

Я не нашел ничего более умного, как, дружелюбно помахав ручкой смазливой подручной трактирщика, вежливо попросить у нее пивка.

Пока она туда-сюда суетилась, я нагло облокотился на стойку и, обведя оскалившийся народ глазами, нахально сплюнул им под ноги. Так делал дядюшка Берг, когда получал на пару со мной по кружке холодненького, дабы показать, что на хаяву здесь больше никому не обломится и собутыльник нам пока не требуется.

Вот и я то же самое. В смысле хотел показать, что не стоит парням нарываться лишний раз, пока уши целы. Да вот только они не поняли. Совсем...

Первый же ближайший малый с помутневшими глазами и пеной на губах кинулся мне на грудь — не иначе как сердце мое вырвать.

Наученный горьким опытом, что с городскими дурачками, с сумасшедшими из солдафонов и другим взбешенным народом лучше не связываться, а раз связался — действуй! — я сделал шаг в сторону, заодно и отдавливая кому-то заднюю лапу. Между тем этот попрыгунчик со всего размаха рухнул грудью на стойку и, перевалившись через нее, скрылся с глаз долой под истошный вопль того, что с ногой.

Он орал так, что в правом ухе зазвенело, и только ради того, чтобы он заткнулся и не пугал народ своим непотребным воем, я сунул ему локтем меж глаз. Парень понимающе замолчал, невесть с чего разлегшись на грязном полу.

Мутно, но угрожающе блеснули многочисленные ножички.

Криво улыбнувшись в ответ, я мгновенно выхватил из-за пояса и голенища свое железо. Я так разумею, что именно его размеры и остепенили людишек. И я их прекрасно понимаю — один только стоул был выкован по моей руке и уступал размером разве что среднему людскому мечу.

Раздвинув народ в стороны, на меня вышел верзила с цепью на руке. Тот самый, что до заварушки беседовал с трактирщиком. Он встал за два шага от меня, не без неудовольствия рассматривая мою тушу.

— Я хотел бы узнать твое имя, — раскрыл пасть поединщик.

— А тебе оно надо? — вежливо осклабился я в ответ.

— Чтобы знать, как звали при жизни того, кто посмел нарушить покой нашего городка.

— Ты хочешь сказать, что эту забытую богами деревню, в которой нет места вежливости и учтивости, где забыли о законе гостеприимства, а потому всем глубоко наплевать на проезжающих путников, можно назвать городом? Прости, незнакомец, но сейчас мне крайне жалко, что я не спалил эту берлогу полтора года назад, когда был здесь проездом!

— Как твое имя, труп?! — зарычал человечка.

— Во-первых, не «труп», а Висельник. А во-вторых, Лукка. Мое имя Лукка, по прозвищу Висельник! Надеюсь, тебе стало легче?

Не могу точно сказать, стало ему легче или нет, но он тут же убрал лапу с рукояти клинка и отступил на полшага назад. Впрочем, как и все вокруг.

— Ты... тролль? — не то с надеждой, не то с опаской выдавил он из себя.

— А что, не похож? — искренне возмутилась моя гордость. — Вообще-то так называют всех, кто родился и вырос в Вечной Долине.

— Опоньки... — громко шепнул кто-то из толпы. — Никак сам «монастырский убивец» пожаловал!

Тогда я не обратил внимания на эти слова. Я был занят другим — решил добить всех еще присутствующих своим величием и вообще!

— А теперь позвольте представить вам моих друзей! Этого эльфа зовут Куп. Настоящее имя такое, что без бутылки и не выговоришь. А этого милого, лично мной многоуважаемого человека зовут Айдо. Или мастер Айдо. Лично для меня — просто учитель Айдо.

И, после того как мужики сделали еще парочку шагов назад, я, засунув стоул за пояс, проорал во все горло:

— Я хочу видеть того, кто отвечает за этот бардак, в смысле кто здесь главный. У нас есть пара вопросов к нему и одно-единственное предложение. — Я вдохнул в легкие немного воздуха: — Ну! Кто?!

— Я. А что? — Навстречу вышел воин, и только благодаря одежде и прическе я понял, что это был... была... девушка.

Черные густые волосы распущены по плечам. Мощные, но хорошенькие (по моему разумению) ножки в обтягивающих штанах из кожи буйвола. Сильные ручки, сжимающие меч за поясом. И, что самое главное, у нее такое миленькое, даже (и опять же по моему разумению) красивое лицо!!!

Я замер, заткнулся и напрягся, непонятно с чего обильно обливаясь потом и чувствуя, как дышать становилось все тяжелей. Во рту стало сухо, а сердце вдруг запросилось на волю, яростно застучав по решеткам ребер всеми своими кулаками.

«Вот она! Она! ОНА!!! — ударил гром в моей голове. — МОЯ!!!»

— Меня зовут Марга Вакара. Парни называют меня Рысь. Я приветствую тебя, Лукка-Висельник, в нашем доме. Тебя и твоих друзей. — Она подняла правую рученьку с вывернутой на меня ладонью.

Сердце сладостно заныло, лоб стал уж совсем мокрым, страстно захотелось чего-нибудь выпить и спеть.

— Добрый вечер, сударыня, — с легким поклоном вышел вперед Айдо.

— Приветствую вас, госпожа, — сделал шаг вперед эльф, за что заработал от Вакарочки милую улыбку, а от меня многообещающий скрип зубов.

— У вас есть к нам дело, господа?

— Нам нужны воины. Человек шесть или семь. В зависимости от их качеств.

— Вам требуются люди с определенными навыками? — Получив молчаливое «да», Рысь кивнула и сделала знак следовать за ней.

Нас привели в чистую просторную комнату на втором этаже и усадили за длинный стол. За спиной Вакары, сложив руки на груди, встал мускулистый разрисованный мужик с петушиным гребнем волос поверх выбритой головы.

— Итак, какая нам предстоит задача и кто именно вам нужен? — Рысь отбросила назад непослушную копну черных волос. Слева у меня вздрогнуло еще сильнее.

— Небольшая прогулка до столицы Вильхолла, — незатейливо ответил эльф.

— И все? — недоверчиво улыбнулась Марга.

— Скажем так, мы — приманка, охотники — орки во главе с неким человеком. Нам-то

он и нужен.

— Мы не знаем, ни кто он, ни где он, — вступил в разговор Айдо. — Мы знаем, что он ищет и ждет нас, дабы уничтожить. Нам же, в свою очередь, крайне необходимо взять его живым. Такова задача. Следовательно, нам необходимы: хороший следопыт, специалист по прикрытию и пятерка хороших бойцов ближнего боя.

— Подойдут Саймон Синекура и Асама-Заика, — проворчал мужик. — Только я не уверен, будет ли он работать с эльфом, — кивнул он на Купа.

— А кто он?

— Он? — поджигая мне сердце, еще милее улыбнулась Рысь. — А он — эльф.

— И откуда этот Асама? — нахмурился Куп. — Я так понимаю, что Заика — это его прозвище.

— Понятия не имею. Известно только, что он был учеником друида. Откуда он и за что его изгнали, это только его дело.

— Я могу поговорить с ним?

— Да, конечно.

Мужик по кивку атаманши открыл дверь и проорал во все горло в гомон трактира:

— Заику сюда! Живо!

— Он очень хороший боец. Я знаю Асаму уже два года. За это время его нанимали четыре раза. Никаких нареканий. Заслужил прозвище Коровья Лепешка. Правда, очень обижается, если его так называют, поэтому ребята зовут его так только между собой.

— Добрый вечер, — вошел в комнату высокий эльф. — Звали?

— Привет, Заика. Этот парень хочет тебя нанять.

Асама повернулся к Купу и замер. Эльфы долго молчали, пристально разглядывая друг друга. Стоят, молчат, ни ресничкой, ни губой не дрогнут. Наконец Заика развернулся к Вакаре:

— Кто еще идет с нами?

— Скорей всего, Синекура и еще пятеро, кого укажет жребий. С их стороны... — воительница вопросительно взглянула на бор-Ота.

— Трое нас и еще четверо, что ждут нас на улице.

— Хорошо. Когда выступаем?

— Сегодня ночью или завтра утром.

Когда эльф молча ушел, мастер боя задал вопрос, который, похоже, тербил всех нас троих:

— Сударыня, вы сейчас упомянули о жребии. Не могли бы вы пояснить, что это значит. Разве мы не выберем бойцов сами?

— В какой-то степени вы и выберете. Заика и Синекура пойдут с вами потому, что вам были нужны именно эти бойцы. Остальных укажет случай. Если тот или другой каким-то образом не будет удовлетворять вашим потребностям, то он будет исключен из игры и заменен другим. Почему именно жребий? Нас здесь больше сотни, и все жаждут заработать, побывать в деле. Кто пойдет? Устанавливать живую очередь? Но мы воины, а война и удача всегда ходят рука об руку. Я тоже буду в этом участвовать.

Мы вернулись в зал. Вакарочка с воином втерлась в волнующуюся в предвкушении толпу. Мы втроем да еще и Асама вместе с длинным и худющим, как жердь, Синекурой встали у стойки. Мне сунули в руки пять ягод вишни.

— Ты должен повернуться спиной к ребятам и бросить в них эти шуки. Кого заденет,

тот и будет выбран. А дальше уже сами будете испытывать выбранных, — объяснил мне наш следопыт. — Успеха.

Я сделал все, как было сказано. Взял в руки вишни, развернулся, встряхнул в руке спелые, аппетитно пахнущие шарики и разом швырнул их себе через плечо.

Раздался где торжествующий, где разочарованный, но вместе оглушающий рев. Я обернулся. Расталкивая своих, принимая поздравления и разные шуточки, выходил разноразмерный народец, и, что самое главное (у меня аж под глоткой запрыгало сердце, и запело все нутро), с разрисованным вишней лбом шла моя (без всякого сомнения, МОЯ) Марга Вакара по прозвищу Рысь.

Она величаво встала по правую руку от уже набранных наемников, а рядом разместилась еще четверка молодцов, причем один из них тот самый, что с цепью на руке.

Его так и звали: Цепь или, по-нормальному, Эйн Рака. Остальные представились простенько: Жгут, Резак и Кристоф, барон Зунига.

— Я так понимаю, что настала очередь испытания, — выступил вперед учитель Айдо. Толпа одобрительно загудела. — Кто первый? — Бор-От, распустив завязки, засучил рукава.

Наемники переглянулись, и первым вышел барон Зунига.

— На чем будем биться, милостивый государь? — чуть насмешливо, но с почтением поклонился учителю. Выпрямившись, он подкрутил роскошный ус.

— Как вам будет угодно, — совершенно равнодушно ответил мастер боя.

— Я выбираю старый добрый меч. — Зрители одобрительно завопили.

— Как скажете, — еще равнодушнее пожал плечами Айдо, принимая от Купа длинный, чуть искривленный меч.

Они встали в стойки.

Барон смотрел на старого мастера, стоя как вкопанный, всем своим видом показывая, что атаковать и не собирается. Бор-От тоже никуда не спешил. Наконец Зунига сделал шаг назад.

— Если вы, сударь, не соизволите напасть, я отказываюсь с вами сражаться. — В голосе наемника звучало неподдельное уважение.

— Отчего же?

— В данный момент вы непробиваемы, и, несмотря на все мое умение, я не уверен, что останусь целым.

— Принят! — отступил бор-От, опуская оружие.

— Зачем нам нужен трус? — шепнул ему на ухо эльф.

— Трусость и достаточная осторожность — разные вещи, — так же шепотом ответил мастер и повысил голос: — Следующий!

Вперед вышел Цепь.

Вот здесь мужики сошлись по-настоящему. Гремело железо, свистело оружие, скрипела кожа доспехов. Рака отпрыгивал назад, шел напролом, колесом вертел перед собой меч, снова отходил, быком кидался вперед, то вроде как уставая, то усиливая напор.

— Принят, — наконец остановил поединок Айдо, — немного горяч. Время либо излечит это, либо заберет его к себе. Следующий.

Им стал Жгут. Он неторопливо вышел вперед. Встал. Накрыл ладонью наверх широкого меча и, не сводя глаз с бор-Ота, чуть-чуть поклонился ему.

— Принят! — ответил поклоном на поклон мастер боя. — Следующий!

Жгут выпрямился и степенно прошагал к своим выбранным товарищам.

— Нью-ню! — со смехом шагнул вперед молодой парень с расписанной татуировками мордой и длинной толстой косой. — А давай-ка, дедушка, на кулачках!

Вместо ответа учитель Айдо отставил в сторону меч и без всяких поклонов и слов пошел вперед. Резак хлопнул кулаком в ладонь и с места кошкой взвился вверх, выкидывая ногу вперед. Айдо ухватил паренька за летящую к нему заднюю лапу, но Резак моментально врезал второй. Точнее, попытался ударить. Бор-От нырнул прямо под малого и, даже не разворачиваясь, как-то умудрившись зависнуть в воздухе, тут же лягнул противника в спину аж двумя своими задними разом. Как тот остался стоять — ума не приложу!

Резак резко развернулся. Длинная коса хлестнула ему же по лицу, но он даже бровью не повел. Раскинув руки, словно крылья птицы, он, слегка изогнувшись, присел на правую заднюю, выставив левую вперед. Айдо, заложив руки за спину, не спеша начал обходить парня. Как это у Резака получалось, я не знаю, но он, не меняя позы, следовал за бор-Отом, словно тень вокруг дерева.

— Встать! — резко приказал Айдо.

Резак немного подумал, расслабился и встал, как нормальному человеку положено.

Неожиданно мастер чем-то швырнул в него. Противник, слегка отклонившись в сторону, пропустил мимо себя это что-то. Острозаточенная звездочка задрожала, впившись в дерево стойки. А Айдо буквально забросал наемника всем тем, что было у него в рукавах, за поясом и в карманах.

Только одна-единственная железка царапнула парня по щеке. Остальные он либо словил, либо пропустил мимо себя, не удостоив их особым вниманием.

— На будущее... — одобрительно кивнул головой мастер боя, — будь внимателен к противнику. Относись к нему не как к равному, а как к бойцу на голову выше тебя. Сумеешь — проживешь дольше. Принят!

— Заметано! — расхохотался Резак, смахивая пот с размалеванного лба.

— А теперь с вами, сударыня, — Айдо поманил к себе Маргу Вакара.

Она грациозно вышла вперед под крики: «Покажи ему, Рысь!»

— Как хочет испытать меня бор-От? — мило улыбнулась она, и у меня при звуке ее голоса по новой затрепетало сердечко.

— Я полагаю, что вы хорошо управляетесь со всеми видами оружия, — хитро улыбнулся мастер. — Прекрасно стреляете, наверняка хорошо владеете также и метательным оружием. Неплохо владеете рукопашным боем, ведь так?

— Говоря честно, Резака в рукопашной я не одолею, но попотеть заставлю.

— Отлично. Я не вижу необходимости испытывать вас. Если только... — Айдо склонил голову набок, — девочка, а приготовь-ка мне чаю.

На какое-то мгновение Рысь растерялась, искренне захлопав глазками. Но только на одно мгновение.

— Какого именно чаю хочется бор-Оту? Черный, зеленый, красный?

— Принята!

— Куп, может, ты объяснишь мне, какого рожна учитель заставил Рысь заваривать ему этот вонючий отвар? — накинулся я на эльфа, когда мы очутились у повозок. — Между прочим, наш старик меня удивляет с каждым днем все больше и больше. То напивается, как последний гоблин, то заставляет наемников готовить ему ужин, то еще что-нибудь!

— По поводу, как ты сказал, ужина, здесь все просто, — спокойно начал объяснение эльф. — Посуди сам, эти головорезы просто так абы кого не будут слушать. А ее они

слушаются и подчиняются ей. И наверняка не за красивые глазки.

— У наемников нет главаря как такового, — вылез из кибитки Ильд-Ми. — Скажем так: если жребий укажет на их главного и он проходит испытание, то, покидая стойбище, он назначает кого-либо вместо себя. А тот, в свою очередь, когда приходит его день, назначает другого и так далее. Кстати, по возвращении, после окончания контракта бывший «атаман» не претендует на свое прошлое место. Извини, что перебил тебя, Куп. Продолжай.

— Так или иначе, как ты понял, Вакара — обычный боец, наемник. Не без способностей, конечно. Проверять ее бессмысленно. А вот не превратило ли ее бремя старшинства в законченного командира, будет ли она подчиняться командам другого человека безропотно и без раздумья, как положено простому воину, проверить было надо. Вот Айдо и приказал ей постряпать немножко.

— А заодно узнать, что она за человек, — добавил ученик бор-Ота. — Чай ведь не зазря был выбран. Его приготовить надо с душой.

— Ну-ну... — В последнее я просто не поверил. Что в чае такого особенного? Кипяток да трава. Вот если бы мастер заставил ее супчику наварить или жаркое приготовить, или у коровы отел принять, или какую тряпку зашить, или пол подмести да вымыть, сразу было бы видно, какая она хозяйка. В смысле человек какой.

— А где сам мастер? — вывел меня из размышлений Ильд-Ми.

— Там, — махнул я рукой в сторону бывшего общинного дома, — об оплате договаривается и все такое.

— Вот ты вспомнил ту пирушку в «Мече Бревтона», — опять начал эльф, — я спрашивал у мастера, с чего он вдруг тогда так разошелся. Так вот, он сказал, что этот парень, ну, который Михаэль, при нашем появлении хотел сбежать. А когда ты его окликнул, испугался. Вот он и решил, что это было не просто так. А в связи... — Куп задумался, явно подбирая слова, — а в связи с последними событиями решил, что этот твой знакомый мог запросто оказаться подсылком. И решил его напоить, чтобы он выболтал что-нибудь интересное. А чтобы не вызвать подозрений, естественно, начал пить наравне с нами. Видишь, все очень просто.

— Ладно, — я махнул рукой, — это его дело. Конечно, Михаэль мне и самому не понравился: брехал, как та еще собака, но Айдо мог бы и сказать, что этого гада надо было разговорить. Я бы наливал пореже. — Мужики рассмеялись.

Забравшись поглубже в повозку и завернувшись в выделанные медвежьи шкуры, я задумался о Вакаре. Эта девушка влезла в мое сердце и душу и, похоже, не собиралась оттуда выходить. А может, это то, что любовью зовется? Я поежился. Нет, это дело хорошее... наверное... Просто все это как-то неожиданно и... немного страшно. Интересно, что дальше будет?

Уже сквозь полудрему я почувствовал, как кто-то забирается в кибитку.

— Лукка, ты здесь? — На фоне летних звезд возникла фигура эльфа. — Спишь уже, что ли?

— Еще нет, — поднял я голову.

— Ну так спи тогда. На рассвете выходим.

— Все нормально? — завернулся я в шкуру плотней: ночь сегодня была прохладной.

— А то! — Куп улегся рядом, натягивая на себя походное одеяло. — Спи, дружище, сегодня последняя спокойная ночь.

— Эй, ты! Поднялся и на выход! — Носок деревянного башмака пнулся в бок Михаэля.

Бывший сержант, разлепив глаза, неуверенно, как это бывает с еще не полностью проснувшимся человеком, опираясь на стенку, поднялся на ноги и побрел из камеры, то там, то здесь наступая на спящих сокамерников.

— Пошевеливайся, скотина! — получил Михаэль тычок тупым концом копья в спину. — Тебя ждать не будут.

— Иду, иду... — буркнул Филин, осторожно ступая меж раскинутых по полу тел. Если бы он только оглянулся, то наверняка заметил, с каким пристальным вниманием Череп смотрит ему вслед.

Вильсхолльца ввели в другую камеру и поставили перед сидящим за столом, одетым в темно-коричневое человеком.

— Садись, не маячь, — просипел чиновник, прихлебнув из глиняной кружки дымящийся ароматный напиток. — Вы пока свободны. — Стражники, молча поклонившись, закрыли за собой дверь.

— Имя? — с удовольствием причмокнув, сделал глоток тюремщик.

— Мое, что ль? — Михаэль, окончательно проснувшись, решил сыграть под дурачка: глядишь, решат, что перед ними обычный тупой горожанин, а там и отпустят поскорее. — Так это... известно какое... Лесандра меня зовут, вот...

— Откуда родом?

— Из Меридена я. Там и сейчас живу.

— Зачем приехал в Уилтаван?

— Так знамо зачем! Здесь же ярмарка знатная, вот и надумал прикупить чего. У гномов железа да камней каких. Али еще чего такого. В Гольлоре ж такого не добудешь. Мало там гномских товаров. А мы этим, торговлей то бишь, и живем, на хлеб себе добываем.

— Значит, приехал закупить товар. Так? — Чиновник, отставив кружку в сторону, посмотрел Михаэлю в глаза.

Встретившись взглядом с тюремщиком, сержант внутренне вздрогнул. Такие же глаза были и у Яры, его хозяина, — застывшие, насквозь пронизывающие душу, намертво замораживающие до самого дальнего ее уголка.

— Ты что, онемел? — повысил голос Вирбахт. — Почему молчишь?

— А? Чего? — очнулся Михаэль. — Ох, ну и глазищи у вас, сударь, аж страх берет. Вы уж простите меня. Да, за товаром приехал, за ним самым. На том живем, за то едим.

— Остановился где?

— Да и негде. Я только местечко хотел присмотреть, где остановиться лучше будет. В прошлом годе я с братьями в «Мече Бревтона» останавливался, и гладко все было. А в этот раз я один приехал. Денежку припрятал да решил посмотреть, как там нынче. Да перебрал маленько, а проснулся уже здесь.

— Значит, прибыл в город вчера?

— Вчера.

— Кто может подтвердить?

— Да никто вроде. Если только стража, что налог брала.

— Через какие ворота въехал?

— Через задние, южные то есть. Я ж через эльфийский лес ехал, спокойней так. Оно, конечно, через Вильсхолл короче было бы, но там сейчас такое творится — война!

— Сколько взяли стражники за въезд?

— Все чин по чину. Четыре монетки серебром.

— Ехал по Южному Тракту?

— Точно так, через Перекресток.

— Ничего подозрительного не заметил?

— Да нет вроде, — почесал подбородок Михаэль, — в трактире, где гном верховодит, шумно немного было, так на то он и трактир.

— Все ясно. Стража! — повысил голос Вирбахт. Сержант внутренне сжался.

— Выпустить, и следующего ко мне.

— Спасибочки вам. До свидания, дай вам Небо здоровья да спокойствия, — непрерывно кланяясь, попятился Михаэль.

— Иди, иди, — устало махнул рукой тайник, подвигая к себе еще дымящуюся кружку.

Вошел Шэдаг.

— Зрячего за ним. Лучше двух. Ничего не предпринимать, только слежка. Черепа сюда!

Указчик, поклонившись, вышмыгнул.

«Ну, понеслось! — кинул в кружку с отваром щепоть фэла Вирбахт. — Если выйдем на этого Яру, Винетта до конца жизни будет нам должна. А уж затем...» — Он улыбнулся своим мыслям.

Громыкнула дверь за приведенным каторжником.

— Я согласен на ваше предложение, — сразу с порога начал Череп. — Но мне будут нужны люди.

— Ты их получишь.

— Я хотел бы своих людей.

— Естественно. Эта сделка только между нами, и о ее тонкостях лишним знать не следует. Посвящены только я, Шэдаг, ты и потом твои люди. Которые, я надеюсь, умеют держать язык за зубами, — Последнее было сказано не то с иронией, не то с угрозой.

— Одно... одна просьба, — с ходу поправился заклеяменный.

— Ты хотел сказать «условие»?

Безносый пожал плечами:

— Мне все равно, как назовете это вы, главное — в другом. Я прошу... — он опустил глаза, — я не хотел бы, чтобы мои... товарищи... после исполнения... умерли.

— Боишься?

— Не за себя...

— Я что-нибудь придумаю. Уверен, ты будешь удовлетворен. На, возьми, — тайный советник бросил на стол тугой кошелек. — Это на расходы. Грамоту об освобождении получишь сразу же после завершения операции. Ты же ведь знаешь, где находится «Змеиный Погреб»? Вот там тебе передадут все нужное. Понял?

Череп кивнул.

— Далее. Сейчас тебя выпустят, а к вечеру выпустят тех, кого ты укажешь. Перед этим ты встретишься с Шэдагом. С ним обсудишь все подробности дела.

«За ночь он соберет всю свою банду. А уже к завтрашней ночи все будет кончено. Что же придумать с людьми каторжника? Ну, что ж, милый мой, думай, как и мясо съесть, и под нож не лечь!»

Изо всех сил Михаэль бежал к дому тролля. Навстречу, словно нарочно, то и дело попадались горожане, шедшие по своим делам. И как сержант ни старался, нескольких

столкновений он не смог избежать.

«Лишь бы не уехали, лишь бы не уехали!», — перепрыгнув через выбитую из рук торговки корзину с жареной рыбой, бормотал он про себя и, не оборачиваясь, мчался дальше по узким улочкам Уилтавана.

Вслед ему неслись крики и проклятия потревоженных прохожих. Один раз брошенный кем-то камень угодил ему прямо между лопаток. Михаэль всхлипнул и прибавил ходу. Еще немного, и за следующим поворотом начнется окраина города.

«Так... успокоиться! Даже если их не будет, нельзя ничего показывать». Перейдя на шаг, он оглянулся назад и, не заметив ничего необычного, продолжил путь дальше.

У дома Висельника было тихо. Оглянувшись вокруг, Михаэль подпрыгнул и, зацепившись пальцами за уступ в заборе, подтянулся на руках, заглядывая во двор. Там никого не было. Спрыгнув наземь, он с самым равнодушным видом дошел до ворот. Постучав и не получив никакого ответа, он попытался открыть створы.

— Если ты к Лукке, то его нет, сынок. — По другую сторону улицы стоял незнакомый дед. — Эй, парень, а я тебя видел. Ты как-то приходил к троллю. Я его сосед, дядюшка Берг.

— Доброе утро, сударь, — как можно приветливей улыбнулся сержант. — Давно уехал?

— Да дня два или три уже как, — почесал затылок Берг, — или день назад? Памяти уже совсем не стало. Да и какая теперь разница — ведь нет его здесь.

— Далеко хоть? — провел языком по пересохшим губам подсыл.

— Домой. С матерью и братом. Вот вернется через неделку или две, тогда и заходи. — Старик повернулся, явно намереваясь уйти.

— Уважаемый, — в отчаянии ухватил его за рукав Михаэль, — а вот с ним эльф был. Он когда уехал?

— А он куда и не уезжал, — остановился на полушаге Берг. — Я его сегодня утром на базаре видел вместе с тем седым стариком, что давеча здесь ночевал.

— А это были точно они? — В голосе сержанта зазвучала надежда.

— Ну уж глаза-то меня еще ни разу не подводили. — Берг был доволен собой — обведя дурачка вокруг пальца, он в точности выполнил поручение мастера Айдо.

Мы взяли еще одну телегу. Иначе бы пришлось складываться в поленницу, чтобы разместиться в этих повозках. Хотя, с другой стороны... (Не дай Небо, кто-нибудь подумает не то!) я бы с большим удовольствием возлег бы рядом с моей Вакарочкой. Ну, хотя бы ради того, чтобы получше узнать ее. (А заодно и себя, так сказать, показать.) Но, к моему искреннему сожалению, моими спутниками по тряске оказались братец Дуди, Куп и хохмач-самоучка с милым прозвищем Резак. Несмотря на то что прошлую ночь я, как и подобает приличному троллю, спал, но едва только эльф хлопнул вожжами по крупам лошадей, я тут же по новой завалился на боковую. Дуди выпало счастье развлекать себя разговорами обо всем со столь неудачно выбравшим телегу наемником. Поначалу Резак старался как-то поддержать беседу и даже несколько раз пытался похохмить, но, уразумев, что его городской юмор (впрочем, как и обычные слова) разбивается о стену тролльского лба, обреченно замолчал, кивая головой в такт лошадиному бегу и методичному бормотанию Дуди.

— Думаю, сегодня тепло будет. Точно тепло. Ночью не холодно было. Или холодно? Я не помню. Спал потому что. Я, когда сплю, глазки закрытыми держу. Значит, не видел, было холодно или тепло. А ты, когда глазки закрытыми держишь, что видишь? Или просто спишь? А вот интересно, у нас дома есть один тролль. Просто тролль. Не из перворожденных.

Правда, слово смешное? Гази Малыш зовут. Он с открытыми глазками спит. Или не спит? Разве можно спать и глазки не закрывать? Неправильно это. Хотя мамуля говорит, что, если тролли говорят, значит, правду говорят. А вот если люди говорят, они правду всегда говорят или как? Интересно все это. Подумать надо...

Я очень надеялся, что все же это заскрипели колеса повозки... Я укутался поплотнее и, прижавшись к покачивающейся стенке, попытался поскорей заснуть, пока на какое-то время замолчал мой братец.

— Не надо думать — вредно это. Мамуля говорит, что если тролль начинает думать, то добром это не кончается. Права она — вон у меня уже головка заболела. Да и припекать начинает, а я еще не кушал. А ты любишь покушать? Я очень люблю. Особенно мамины пирожки. Особенно когда она туда кладет бруснику, медвежатину, кусочки зеленого щавеля вперемешку с яйцами кукушки и рябиновым повидлом. Умтс!!! (Это Дуди причмокнул.) А чего ты дергаешься? Знаешь, какое это объедение! Не знаешь... А если бы ты знал, какие пирушки устраивают у нас в стойбище... Какие вкуснятины выставляют на общий стол!..

Дуди надолго замолчал, время от времени не то всхлипывая в тоске, не то сглатывая слюнки при воспоминаниях. Я уж было решил, что мой братец задремал, как тут его голос снова дал о себе знать:

— Чего это мы стали? Уже приехали, да?

А действительно, чего это мы остановились? Я высвободил голову из-под шкур и вопросительно уставился на наемника.

— Эй, Резак, случилось чего? Кому говорю?

Наемник, не шелохнувшись, с самым тупым выражением морды лица уставился куда-то в бесконечность.

Отбросив шкуры, я встал и, нагнувшись, чтобы затылком не повредить крышу кибитки, подошел к сидящему воину.

— Эй, парень, ты меня слышишь? — потрянул я его за плечо.

— А? Что? — вернулся он в этот мир.

— С тобой все в порядке? — убрал я руку с плеча.

— Я... понял... — И куда девалась вся его веселость и разухабистость? — Я... все... понял...

— Рад за тебя! — широко улыбнулся я. Только нам не хватало понести первые потери до встречи с врагом. — А позволь узнать, что именно ты понял?

На меня смотрела пара мутных глаз:

— Я понял, почему нам дали такой огромный задаток, а суть задачи пообещали разъяснить только после того, как мы пересечем границу Бревтона.

— Мужики, выгружаемся! — подал голос эльф. — Граница!

Вся ватага сгрудилась вокруг мастера Айдо, внимательно вслушиваясь в его слова.

— Могу вас обрадовать, господа, что здесь наша прогулка кончается. Как только мы пересечем Келебсир, — бор-От кивнул на широкий длинный мост за спиной, — мы оказываемся в зоне боевых действий. И дело не только в том, что мы входим в область, контролируемую врагами королевы Вильсхолла. — Айдо, заложа руки за спину, тяжело вздохнул: — Говорю для тех, кто еще не знает о цели нашего предприятия. Мы — мишень. За нами идет охота. Нас ищет группа орков, которой командует неизвестный нам человек. — Даже наемников передернуло. — И этот человек нам нужен. Живым. Пусть даже и не совсем

невредимым, но живым и способным говорить.

— То есть мы будем наживкой? — выступил вперед барон Зунига.

— Да, — кивнул мастер боя.

— Подробности бы не помешали.

— Пожалуйста. С недавних пор по территории королевства кочует отряд орков числом около ста голов.

— Сколько-сколько?! — недоверчиво переспросил барон Зунига. — И войска Вильсхолла не смогли выследить и перерезать сие... стадо?

Я попытался прикинуть: это сколько ж свинорылых придется на каждого из нас... если, конечно, Учитель не ошибся в численности...

— У этого, как вы изволили выразиться, стада очень хороший пастух. Скрытность и отличная мобильность — вот главные козыри нашего врага. Именно благодаря этому он сумел за последние полгода организовать хорошую политическую блокаду нашему королевству. За редким исключением нападают только на посольские караваны. Когда были попытки провести послов тайно, миссии оканчивались провалом. Мы, так сказать, первые и единственные послы, которые смогли пройти дальше границы.

— Из рассказанного выходит, — разомкнул губы Асама-Заика, — что кто-то из приближенных королевы сообщает вашему врагу о всех посольских экспедициях. То есть о сроках, маршрутах, численности охраны и так далее. Так и ищите того, кто шепчет!

— А вот мы здесь именно для этого! — горько улыбнулся Айдо. — Еще вопросы есть?

— Да, — подняла рученьку Рысь. — Если я поняла правильно, то орки с этим парнем гуляют сами по себе. Ведь так?

— Истинно, — слегка поклонился бор-От.

— Выходит, против вашей королевы еще один враг? Не известный ни вам, ни тем, кто выступил против нее явно. Иначе бы вы временно объединились с южанами и дали по шее этому нахалу.

— Что-то вроде этого мы уже думали сделать. Но недавно граф Алассия и герцог Росорд решили сами выяснить, кто же этот третий.

— Я еще не кончил, — продолжил выступать Айдо. — Неделю назад мы с посольским обозом выступили из Вильсхолла. Затем, оставив людей недалеко от столицы, тайно проникли в Бревтон.

— Ага, и теперь это стадо рыщет по всему приграничью, дабы перерезать вам глотки, ведь так? — прищурился Резак.

— Только они не знают, где мы, и поэтому, скорей всего, устроят засады по всему западу страны.

— То есть рассредоточились? — погладила переносицу Вакара. — Хорошо. Следовательно, мы не пойдем прямо на столицу, а будем идти вдоль границы, разыскивая именно тот отряд, в котором находится ваш пастух. Правильно? Тогда все ясно. Лично у меня вопросов больше нет.

— У меня есть, — вышел вперед Резак. — Точнее, не вопрос, а просьба... — Он опустил глаза. — Мэтр, не надо сажать меня в одну повозку с этим... — он кивнул на Дуди, — с этим... самым...

Припекало. Пот лился под доспехи да еще именно туда, где его было не вытереть. Я уже в который раз проклинал своего учителя так, что ему, наверное, и икалось, и спотыкалось, и

чего-то еще!

Да! Ему-то самому хорошо, вон надел на себя свой любимый халат-балахон и шагает бодро позади первой подводой, изображая деда Архи на прогулке.

Ведь если бы не он, в смысле Айдо, я никогда бы не надел эту кучу железа и кожи, скрученных между собой. И даже неизвестно, с чьего плеча!

Я еще раз в сердцах ругнулся, споткнувшись о попавшийся под ногу камень, и позавидовал тем, кто во всеоружии остался под пологом кибиток. В первой Синекура с братьями и Дуди. Во второй — моя Вакарочка, Куп, барон и Резак. В последней, той, что покачивалась за моим плечом, — Ильд-Ми, Заика, Жгут и Цепь, который Рака.

Вот такой, понимаешь, караванчик. Идем, пылим, по сторонам глядим. Никого не трогаем. Глядишь, и нам взаимностью ответят.

Так или иначе, но уже за полдень мы добрались до первой деревни. Таких в этих местах, как гороха в мешке — без названия, без частокола, но с кучей везде снующих ребятишек и вечно настороженных мужиков.

— Думаю, вы ошиблись, — вышел навстречу один из них. Наверняка, это был староста деревни. Как и все деревенские старосты, он был одарен свисающим животом и рыскающими глазами. — Если вы собираетесь остановиться здесь, то вы напрасно.

— Полагаете? — спросил Айдо.

— Да, — более-менее решительно подтвердил селянин, — наемникам здесь не место. Езжайте своей дорогой!

— А что так сразу? — подошел барон Зунига на пару с Купом.

Глаза у старосты заметались еще быстрее, а у двоих из столпившихся мужичков появились вилы.

— Послушайте, уважаемый, нам нужно только напоить лошадей, и мы двинемся дальше, — миролюбиво разъяснил бор-От. — Никто не собирается причинять вам вреда.

— Нельзя... — отвернулся селянин, — нельзя оказывать помощь наемникам и всем, кто пришел из-за кордона.

— Что-то я не понял, — подтянулся поближе эльф. — И давно вышел этот указ?

— Недавно, — переступил с ноги на ногу мужик — Уезжали бы вы, а? Не дай Небо, Алассия прознает, нас же здесь...

— А ты передай этому... — полез во внутренний карман Куп, — что послы королевы Винетты Вильсхолльской не признают ничьих указов, кроме как самой королевы, на территории, ей принадлежащей. — Он вытянул на свет толстую цепь с восьмиугольной звездой. — Надеюсь, ты знаешь, что это такое?

Крестьянин сглотнул.

— А при вашем появлении... надо... — он облизал нижнюю губу, — надо... вас... задержать...

— Отец, ты это серьезно? — Барон от души расхохотался.

— Он это совершенно серьезно! — Тролль Небесный, вот заболтались! Пока мы здесь друг другу головы морочим, из-за домов, отеснив крестьян в стороны, выступили солдатики с арбалетами наперевес.

— Приветствую королевских послов! — шутливо поклонился разодетый во все пестрое хлыщ с забавно закрученными усами.

— Добрый день, уважаемый Ловар де Сус граф Алассия, — спокойно ответил бор-От. — Уверен, что вы нас ждали...

— И уже, сударь, третий день. Я полагаю, вы и есть та самая экспедиция, которая с такой помпезностью отправилась из столицы неделю назад. Однако большой же крюк вы делаете, возвращаясь домой. А где барон Ван де Бешу? Неужели остался в Бревтоне? Или он туда совсем не ездил, а? А эти brave головорезы, что целятся в меня из луков из всех щелей, и есть отборные «золотые», посланные эскортом?

— Да нет, — включился в игру Айдо, — так, друзей по случаю прихватили.

— О, друзья — это святое! Я так понимаю, что вы направляетесь в Вильсхолл. Ведь так?

— Да, в ту сторону...

— Вот и отлично! Не смею вас задерживать, — снова отвесил шутливый поклон этот самый де Сус. — Кажется, вы хотели напоить лошадей? Не буду вам в этом мешать, — граф поднял руку, и его солдатики опустили самострелы. — Пожалуйста... вы свободны! — И, повернувшись к старосте, приказал: — Покажи добрым людям все, что им нужно.

И, заложив руки за спину, насвистывая какую-то песенку, чуть ли не вприпрыжку отправился восвояси.

— Пойдемте покажу, где колодец, — махнул рукой староста.

— И что это было? — подойдя, хлопнул я по плечу Купа.

— Ты меня спрашиваешь? — повернулся эльф. — Отвечаю: не знаю! Но... есть ощущение, что кого-то сейчас выставили полным дураком. Ты не знаешь, кого именно?

Едва столетние сосны сомкнулись за нашими спинами, Айдо остановил караван.

— Синекура, сюда, быстро! — Бор-От разворачивал на коленях большой кусок разрисованной бумаги. — Ты умеешь читать карты?

Наемник гордо промолчал в ответ.

— Отлично! — кивнул учитель, ткнув пальцем в паутину разноцветных линий. — Мы сейчас здесь. Нам нужно оторваться от Алассии.

— Вы думаете, он идет за нами? — нахмурился следопыт.

— Хочешь поспорить?

— Просто не понимаю, зачем ему это нужно.

— Ему нужен тот же человек, что и нам, — объяснил эльф. — Он и засветился только для того, чтобы мы знали, что по окончании всего добыча будет принадлежать ему. В благородство захотел поиграть, жакхе!

— Ну и давайте просто устроим засаду и перережем ему и его воякам глотки, — предложил Цепь.

— Заманчиво, конечно, — прищурился Айдо. — Но у меня есть другая идея на этот счет. А пока...

— Можно уйти сюда, — ткнул пальцем в карту Саймон. — Здесь овраги, как туннель в горах, телеги пройдут свободно. Если нам удастся свернуть с дороги, не оставив следов, то нас будут искать как минимум до завтрашнего вечера.

— Могу попробовать, — подсел Асама-Заика. — Но точно сказать сейчас трудно. Посмотрим на месте. Единственное, что можно сделать прямо сейчас, так это устроить небольшое развлечение нашим друзьям. Это задержит их. Надеюсь, они конные?

— Сэр, они вошли в лес! — доложил запыхавшийся капитан.

— Отлично! — Де Сус взмахнул рукой: — По коням!

Не прошло и четверти часа, как тридцать легковооруженных конных рыцарей выкатились из деревни.

Когда до заветного леса оставалось всего ничего, Алассия подал знак сбавить ход:

— Не будем наседать им на пятки. По крайней мере, это просто неприлично! —

Всадники дружно расхохотались шутке вождя.

Конница, перейдя на легкую рысь, вошла в лес.

— Капитан! — повернул голову Алассия. — Прикажете кому-нибудь посмышленной пойти вперед. Эти люди могут раствориться в лесу, а мне бы не хотелось их... — Лошадь графа резко встала, а затем стремительно взвилась на дыбы, при этом пятясь назад.

Только чудом граф смог удержаться в седле. Рыцари падали на землю, сброшенные взбесившимися лошадьми. Кто-то закричал от боли, когда тяжелые подкованные копыта прошли по не успевшему увернуться телу.

— Держи коней, Отродье вас раздери! — Граф изо всех сил натянул поводья, конь под ним захрипел, удержал равновесие и, выровнявшись, взбрыкнул. Копыта врезались в голову подвернувшегося рыцаря. Человек замертво рухнул, в агонии загребая дорожную пыль рукой в боевой перчатке.

Я вместе с Купом, Заикой и братьями Храу под присмотром Синекуры уже заканчивали заметать сорванными ветками следы поворота нашей ватаги в чашу леса, когда послышался стук копыт. Парни только и успели, что юркнуть за первые же кусты, как тут же по дороге промчалась оседланная взмыленная лошадь без седока. А через мгновение и еще штук пять.

Весь этот «табун» пронесся мимо так быстро, словно за ним гнался сам Отродье со своими уродцами^[7]. И только осела пыль, как за ними проскакал графский солдатик. Видок у него был такой, будто этот самый табун прошелся по нему как минимум дважды. Конечно, он мчался не так шустро, да оно и понятно. Если он так выглядел, то как же он себя чувствовал, а значит, и соображал?

— Что ж, — вылез из укрытия Синекура, — все просто отлично! Лошади здесь так натоптали, что теперь Алассия найдет нас только чудом!

— Кстати, о чудесах, — толкнул я Заику, — слышь, Асама, чего ты там такого поразбросал?

— Ягоды Волка, — спокойно ответил эльф с милой улыбкой на губах.

— Волчьи ягоды, что ли?

— Нет. Я не знаю, как называете их вы, у друидов они называются ягоды Волка. Они растут в этих краях практически в любом лесу. Раздавишь их, и потом от этой вони неделю не отмоешься. Звери, а лошади тем более, их на дух не переносят. Вот наши друзья на них и наступили.

Сейчас до меня и дошло, почему этому парню подарили такое милое прозвище — Коровья Лепешка.

Над королевским парком парила музыка. Из окон дворца лился свет, освещая центральную аллею, по которой, чинно ступая, шли гости на ежегодный бал старейшин.

Вирбахт с двумя ближайшими помощниками, стоя у входа во дворец, приветливо улыбался ступавшим по мраморной лестнице празднично одетым дворянам.

— Она здесь, — шепнул ему на ухо Шэдаг, заметно волнуясь.

— Вижу... — не переставая улыбаться, кивнул советник тайных дел. — Спокойно, все идет по задуманному. Проследи за ней. При первой возможности передай баронессе письмо и проведи ее ко мне. — Кивнув, указчик ввинтился в толпу и исчез.

— Динас, что там с Черепом?

— Он и его люди ждут на Острове, как и было условлено.

— Хорошо. Я ухожу.

Казалось, что в этот вечер сюда пришли абсолютно все высокородные господа Бревтона. Раз за разом извиняясь, Шэдаг прокладывал себе путь сквозь толпу. Не скрывая брезгливых усмешек, дворяне неохотно давали пройти. «Ничего, ничего, — шептал себе под нос указчик, — посмотрим, кому и как вы будете улыбаться завтра!»

Орадая де Санд-Берг была слегка пьяна. Шэдаг не очень этому удивился: Вирбахт предупредил, баронесса — известная истеричка, и нервы у нее могли сдать еще до осуществления заговора.

Указчик, выждав момент, подошел к ней со спины, вложил ей в руку заранее заготовленную записку. Женщина, обернувшись, вздрогнула, чуть не выронив бокал с вином.

— Прочтите и следуйте за мной. — Шэдаг даже не удосужился поклониться.

— Что... вы себе позволяете?! — Голос ее дрожал.

— Вас ждет ее величество. Я провожу. — И, взяв женщину за локоть, слегка подтолкнул ее.

Затравленно оглянувшись, де Санд-Берг еле сделала первый шаг.

Ее вывели из праздничной толпы и обходными коридорами проводили в личные покои Улаи-Ит-Тероиа. По дороге де Санд-Берг не однажды пыталась заговорить с провожатым, но Шэдаг, выполняя инструкции советника, молчал, лишь вежливо улыбаясь в ответ. Впустив баронессу в покои, указчик закрыл за ней дверь, встав у входа в ожидании дальнейших указаний.

Не столько следуя этикету, сколько от пронизывающего страха, не поднимая глаз, Орадая вошла в просторную спальню и сразу же присела в глубоком реверансе.

— Милая баронесса, оставьте вы эти церемонии! Здесь только свои! — Насмешливый голос мог принадлежать кому угодно, но только не королеве. Де Санд-Берг медленно, словно боясь увидеть самое страшное, подняла голову.

На широкой кровати владычицы Бревтона с бокалом красного вина в руке вальяжно развалился советник тайных дел Вирбахт Ниграде.

— Сударыня, ну что вы там застыли? Проходите, присаживайтесь. — Старший указчик похлопал рукой около себя.

Баронесса просто опешила от такого хамства: чтобы с НЕЙ, потомком древнейшего рода, в подобном тоне разговаривал раб, простолюдин без рода и племени, грязная ищейка! Орадая почувствовала, что начинает задыхаться.

— Что с вами?! — откровенно картинно подскочил советник. — Вы бледны! Вам плохо?! — На него смотрели взбешенные, полные ненависти и вместе с тем беспомощности, глаза.

— Ради Неба, ответьте хоть что-нибудь! — Вирбахт буквально выплясывал вокруг женщины. — Баронесса, прошу вас, выпейте. — Он насильно всунул ей в руки бокал. — Поверьте, это придаст вам сил!

Дрожащей рукой де Санд-Берг поднесла бокал ко рту. Тончайший коргианский хрусталь звякнул о жемчужные зубки баронессы. Красная жидкость пролилась на острый подбородок, капая за глубокий вырез дорогого парчового платья.

— О, какая неосторожность! Сударыня, ну что же вы так! — Вирбахт, отобрав бокал, взглянул на дно сосуда. — Допила? Вот и отлично! — Он поставил бокал на ночной столик

и, взяв с него шелковую салфетку, скомкал и швырнул ее в растерянное лицо баронессы. — На, вытрись, и поживее — у меня мало времени.

— Вы... — осев на кровать, захлопала ресницами Орадая, — ты... Да как ты смеешь так разговаривать со мной! Я — баронесса де Санд-Берг...

— Знаю, знаю! потомок древнего рода. А я — скотина, грязный раб, отвратительная ищейка и так далее. Я ничего не упустил? Так открою тебе маленький секрет, — он схватил ее за подбородок, — я дворянин в девятом поколении! И мой титул был дан в награду моим предкам за верную службу и доблесть, а не куплен вместе с придуманной родословной за несколько золотых, как, например, вашим отцом, сдохшим от пьянства и разврата, мадам! Кстати, вы весьма на него похожи. — Вирбахт, отпустив женщину, вернулся к столику, достал из инкрустированной шкатулки квадратик бумаги и, развернув, вручил его баронессе.

— Вам знакомо это письмо? Судя по тому, как вы вздрогнули, да. — Советник, тяжело вздохнув, присел рядом. — Вот объясните мне, что вам еще не хватало в этой жизни? Опуская ваш вздорный характер и выходки, у вас же было практически все: красота, титул, поместье, земли, состояние. Каждое ваше желание выполнялось многочисленными поклонниками. Немногие высокородные дамы нашего королевства, да и не только, обо всем этом могли только мечтать и не более! И что же вы? А вы, потеряв всякую здравость мысли, ставите на никчемную карту все, и в первую очередь свою жизнь. А вы ведь так любите жить. Дрожите над своим здоровьем, тратите огромные деньги на всякие омолаживающие микстуры и тому подобную дрянь. Честное слово, я вас не понимаю. И уж тем более не понимаю ваших поступков. Хорошо, ну ввязались вы в это дело. Стали одной из главных участниц готовящегося переворота. Так какого... нужно было рассказывать об этом — да еще в письме со своей гербовой печатью и за своей подписью. И кому? Самой близкой родственнице на этой грани — двоюродной сестре вашего покойного мужа, чья болтливость и недалекость известны всему Бревтону и Вильсхоллу. Как вы думаете, каким образом этот документ попал в наши руки? А ваша кузина забыла его в придорожном кабаке, когда удирала от слуг жены своего любовника! Сударыня, скажите честно, у вас есть мозги?

— Что... вы... от... меня... хотите... — сквозь слезы пролепетала Орадая.

— Я? От вас?! Хочу?! — совершенно искренне возмутился Вирбахт. — Уже ничего! Можете идти, пожалуйста. — Старший указчик, откинувшись на локти, кивнул на дверь: — Идите, идите. Не смею вас задерживать. Дорога свободна, вас никто не будет задерживать. Я даже дам вам слово, что ни сегодня, ни завтра и никогда в этой жизни вам не напомнят ни о сегодняшнем вечере, ни о ваших былых ошибках...

Баронесса попятилась к двери.

— ... ведь, как вам известно, — перестал улыбаться советник, — о покойниках говорят только хорошее или ничего не говорят! — И кивнул на пустой бокал: — Рекомендую. Весьма редкое в наших краях вино. Надеюсь, вы по достоинству оценили букет?

— Вы меня отравили?! — в ужасе задохнулась де Санд-Берг, прижимая руки к пышной груди.

— И да и нет. — Вирбахт достал из внутреннего кармана темную склянку. — Здесь противоядие. Яд начнет действовать ближе к утру. Сначала у вас начнется головокружение. Потом тело станет мягким и податливым. Вы не сможете ходить и говорить. Вы будете просто лежать и молчать. Но при этом ваши чувства обострятся по меньшей мере десятикратно. Вы будете слышать, как шаркает лапками таракан в соседней комнате, как из последних сил машет крыльшками муха, пытаюсь выбраться из паутины на дереве за окном.

Как будут злорадно шептаться слуги во дворе и как слеза отчаяния и страха, стекая по вашей бархатистой щеке, будет жечь тысячами огней, стремясь добраться до самых костей.

— Прошу вас, прекратите... — упала на колени баронесса, — прошу вас...

— Ты забыла сказать «мой господин», — наклонившись, шепнул он ей на ухо.

Орадая де Санд-Берг молча глотала слезы, прижав руки к лицу.

— А завтра, к полуночи, у вас в животе возникнет пожар. Пожар невыносимой боли и страданий. Он разбежится по всему когда-то желанному нежному телу, которое так любил целовать отравленный вами супруг.

Женщина, упав ничком, зажимала уши руками, но слова Вирбахта бились в ее голове с такой силой, словно яд уже начал действовать.

— Ты будешь страдать целую неделю, а на восьмой день ни одна живая душа не сможет узнать в тебе ту гордую и напыщенную суку, которая одним движением брови отправляла на дыбу людей, не успевших вовремя прогнуться перед твоей надушенной задницей! Ты вся опухнешь, выпадут зубы и волосы, кожа сморщится и станет матово-лиловой. И все это в восхитительном букете твоих же испражнений. Что дальше? — Советник перешел на нормальный тон: — Вы, сударыня, будете жить... Долго. Очень долго. Я позабочусь о том, чтобы вы не смогли наложить на себя руки. И чтобы ни слуга, ни один из бывших любовников не смог бы окончить ваши страдания.

— Что мне... надо сделать? — Баронесса подняла заплаканное бледное лицо. Вирбахт непонимающе наморщил лоб. — Мой... господин...

Удовлетворенно кивнув, Вирбахт спрятал заветную склянку за пазуху.

— За дверью ждут мой человек и служанка, которая отведет вас в приготовленный будуар. Приведите себя в нормальный вид. Затем вы вернетесь к гостям. Найдете всех заговорщиков до единого. В дворцовом парке, посреди пруда, есть островок с часовней. Под каким предлогом вы заставите их туда прийти, это не мое дело. У вас богатая фантазия. К первому залпу фейерверка они все должны быть там. Потом вы придете сюда и получите свое зелье. И после можете катиться на все четыре стороны. Ваши взаимоотношения с ее величеством прояснятся позже. Вы все поняли?

— Да... — кивнула баронесса.

— Что? — словно недослышав, повернул голову Вирбахт.

— Да, мой господин...

— Отлично, — кивнул вельможа. — А теперь пошла вон!

Глядя вслед уходящей заговорщице, Вирбахт взял со столика недопитое баронессой вино. Чуть пригубив напиток, советник погонял жидкость во рту и выплюнул прямо на дорогой пушистый наугский ковер.

— Отвратительная кислятина! — Голос да и руки тайного советника предательски дрожали. — Вы не находите, ваше величество?

— Какого Отродья нас всех здесь собрали?! — бесновался Луи де Конрак, кутаясь в плащ.

— Успокойтесь, маркиз, — вышел вперед Ив'Алекандр, — нас собрала баронесса. Она утверждает, что наше дело можно закончить уже сегодня ночью. У нее есть сведения, что с минуты на минуту сюда должна прийти сама Улаи.

— Это все меняет, граф! — расхохотался де Конрак. — У нее здесь что, свидание?

— Придет — спросим, — философски ответил подошедший дворянин. Из-за темноты

его лица не было видно.

— Договорились, — ощупывая тонкий меч, кивнул маркиз. — Однако должен заметить, что сегодня определенно холодная ночь. Но ничего, скоро согреемся! У нас все готово? Люди, бумаги?

— Бумаги приготовлены давным-давно, и вы это знаете, — недовольно пробурчал граф. — Что касается людей, то все здесь.

— Что, все?

— Абсолютно. Правда, кроме самой баронессы. Думаю, ее, как всегда, задержали неотложные дела. — Ив'Александр недвусмысленно захихикал.

— Бывает, — усмехнулся де Конрак. — Как говорится, лишь бы на здоровье!

Присутствующие поддержали маркиза нервным смешком.

— Идет, — вскрикнул кто-то, — Улаи идет сюда!

— Отлично, — ослабилась маркиз, обнажая меч, — вот сейчас и начнется новый виток истории славного Бревтона! Все начеку?

Заговорщики, приготовив оружие, отступили в темноту. Ожидание длилось недолго. Не прошло и двух минут, как послышались быстрые шаги идущего человека.

— По-моему, это не Улаи, — подал голос Ив'Александр, — слишком тяжелые шаги для женщины.

— Заткнись, — грубо оборвал его де Конрак, — наши все здесь, значит, это либо посыльный Санд-Берг, либо соглядатай королевы. Нас самих здесь не видно, но мы-то сразу распознаем друга или врага.

Вошедший человек остановился на пороге, внимательно вслушиваясь в тишину. Маркизу даже показалось, что он нюхает воздух. «Шпион. Один из тайников, — решил он. — Если простоит еще минутку, надо бить. Затем сразу всем выходить отсюда и искать самозванку. Наверняка она где-то рядом и без охраны, раз прислала только одного человека». Де Конрак осторожно потянул из ножен метательный кинжал.

— Не делайте глупостей, маркиз! Сложите оружие, и все вы будете преданы справедливому суду. Королева милостива, она простит вас, — раздался голос вошедшего.

На мгновение маркиз опешил, но тут же выхватил клинок и, почти не целясь, запустил им в тайника. Кинжал попал куда-то в плащ, по всей видимости, даже не задев Вирбахта.

— Господа, опомнитесь! Вы еще можете сохранить себе жизнь!

— Пошел в ссад! — взревев, взмахнул мечом маркиз.

Арбалетный болт опрокинул его на спину. Маркиз застонал, пытаясь выдернуть стрелу из плеча. Зазвенела сталь обнажаемого оружия.

— Их немного! Свобода или смерть! — крикнул один из заговорщиков и тут же захрипел, падая на каменный пол.

Стрелы летели словно из ниоткуда. Люди падали один за другим, даже не успев достать клинки...

Их просто перестреляли. Специально заготовленные стрелы с широкими наконечниками в виде полумесяца били наповал, с лету отсекая руки, перерезая горло. Когда смертельный дождь кончился, в часовню вошли ночные ремесленники. Пришла очередь коротких мечей. При свете внесенных факелов снова полилась кровь.

С каменным лицом Вирбахт взирал на стонущие тела, ворочающиеся в лужах крови, стараясь запомнить все до мельчайших деталей.

Все закончилось. Стоны и вопли стихли. Высоко над парком разорвалась наугская

звезда, рассыпавшись на множество маленьких разноцветных огоньков под восторженные крики веселящихся людей.

Вирбахта замутило. Он снял длинный плащ, но дышать легче не стало. Развернувшись на каблуках, он пошел прочь по длинному мосту, даже не заметив, что за ним тянется красный след от запачканного в кровавой луже плаща.

— Господа! — встав, обратилась к присутствующим владычица Бревтона. — Сегодня не простая ночь. Лично для меня и, как я надеюсь... и для вас... — она обвела глазами внимающий ей зал, — эта ночь станет переломной в истории нашего королевства... нашей страны... Ведь именно сегодня, благодаря нашим соседям и нашим... — королева позволила себе криво усмехнуться, — нашим подданным, был раскрыт и предотвращен зловещий заговор, направленный против нас и нашего народа. Сейчас мы расстанемся, но я уверена, что после сегодняшнего праздника немногим... — Улаи выдержала долгую паузу, — немногим захочется снова подняться против законной власти! До свидания, господа. И постарайтесь запомнить этот бал.

Непонимающе переглядываясь, гости постепенно направлялись к выходу.

Свежий воздух набрасывался на выходящих. После душного зала веяло прохладой, и, несмотря на непонятные, зловещие слова королевы, дышалось легко и свободно.

Первая пара дворян, шедшая впереди остальных, внезапно остановилась, и женщина рухнула в обморок. Идущие следом замерли, осеняя себя священными знаками оберега.

Впереди, вдоль аллеи королевского парка на высоких шестах висели окровавленные человеческие головы, вззирающие на спешащих домой остекленевшими глазами.

После наспех выпитой бутылки Вирбахт не почувствовал себя лучше. Вошедший Череп молча расположился в глубоком плетеном кресле.

— Что, совсем хреново? — прервал молчание каторжник.

Вместо ответа тайный советник, достав из ящика стола вторую бутылку, резким ударом выбил пробку и приложился к горлышку.

— Я вижу, вы в этих делах новичок, — скорбно усмехнулся безносый.

— Я надеялся, что они... — оторвался от горлышка старший тайник, — все же сдадутся... И обойдется без крови. — В желудок Вирбахта хлынула следующая порция мутней, обжигающей горло жидкости.

— Понимаю, что вам сейчас не до меня, но я собираюсь нынче уйти из города, — как ни в чем не бывало проговорил Череп. — Поэтому, как бы вам ни было... не по себе... давайте закончим наши дела и расстанемся. Навсегда...

Отставив бутылку в сторону, тайник выудил из того же ящика свернутый в трубочку лист пергамента и буквально швырнул его ночному ремесленнику.

Череп на лету схватил бумагу и, раскатав ее у себя на коленях, углубился в чтение.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул он, — я сделал свое дело, вы выполнили свое обещание и...

— Уйди... — не выдержав, прохрипел Вирбахт, роняя голову на руки, — сгинь... скройся с глаз моих... Оставь меня, — вдруг жалобно попросил он.

— Э-э! мужик! — поднял остатки бровей галерщик. — Что-то ты совсем раскис! Подтянись, выпрямись! Ведь ты же второй человек в этом долбаном королевстве, и на тебе: нюни распустил, как последняя баба. — Он быстро подошел к вельможе и, низко наклонившись, прошипел: — Ты что, не знал, на что идешь? Чем все это закончится, а? Ты

же сам, сын Отродья, все спланировал! Сам отдал распоряжения, кому и что делать!!! И теперь льешь слезы, словно невинная девка, и жрешь бухло, мучаясь совестью! А где она, твоя совесть, была, когда ты перерезал двадцать с лишним человек? Ведь это не мои люди перерезали им глотки, это ты сам отправил их на Небеса. И не надо говорить, что это было сделано во благо государства! Что это за страна, где во благо двоих убивают двадцать, тридцать человек? Молчишь?! Считаешь, что был прав? Тогда подними голову и спокойно посмотри в глаза того, кем ты стал.

Вирбахт с трудом поднял голову.

— Я уйду, — четко выговорил каторжник, — прощай. Надеюсь, что ты сдержишь слово, и мои люди, что участвовали в этом деле, если и не получат обещанного вознаграждения, то, по крайней мере, беспрепятственно покинут эту страну. По-моему, ты давал именно такое слово.

Дверь за Черепом закрылась. Вирбахт долго смотрел ему вслед. И чем дольше он смотрел, тем больше его грудь разрывала ярость. Ему, советнику тайных дел, дворянину, читал отповедь погрязший в грязи и крови законченный вор, убийца, которому одной только плахи мало!!! В глазах тайника потемнело...

— Шэдаг, Отродье тебя раздери!!!

Утро занималось первыми лучами солнца. Вслед за товарищами Череп, оттолкнувшись шестом, направил плот к дальнему берегу. «Вот и все... — устало подумал он. — Конец мучениям и беготне. Через два-три дня я смогу обняться с младшим. — Он локтем провел по спрятанной в деревянном футляре отпускной. — Потерпи, малыш. Скоро твой отец придет за тобой!» — Каторжник оттолкнулся от дна с такой силой, словно этот толчок мог сократить его разлуку с сыном.

Плот с ночными ремесленниками вышел на середину Келебсира. Утренний туман стелился над речной гладью, клубясь, поднимался вверх. Люди перешли на широкие весла. Череп с горькой улыбкой оглянулся на исчезающий в дымке берег. «Прощай, ненавистное королевство. Прощайте все те, кто хотел шеи Ван Гавра. Он больше никому и ничего не должен. Он свободен. Раз и навсегда, прощайте!» — Безносый, сев на корточки, как подобает выходцу из Зерста, смотрел в речную зеленую воду.

— Очнись, Череп! — резко встряхнули его за плечо. Галерщик недоуменно поднял голову на взъерошенного Само. По закону старшинства тот не имел права даже случайно прикасаться к главарю. — Смотри, Череп, кажись, хана нам!

Каторжник медленно, боясь узреть худшее, перевел взгляд на неотвратимо приближающийся берег. У самой кромки воды возле длинных лодок в ряд стояли солдаты королевы Бревтона с дальнобойными луками на изготовку.

Череп оглянулся назад и сквозь туман на другом берегу увидел характерные очертания колпаков солдат.

— Что делать будем? — подошел Кирка.

— Кто останется в живых, передаст братии, что Вирбахт — труп. Ясно? Тогда все в реку. Разом!!! — И с места прыгнул в воду. На чуть-чуть опоздав, остальные последовали за ним.

Залп сшиб Само и еще двоих ремесленников. Со стрелой под правой лопаткой вор рухнул на плот. Речная вода окрасилась кровью братьев. От берега отчалили лодки, набитые стрелками. Оставшиеся, дабы не попасть по своим, организованно разбежались по флангам.

Свистящая оперенная смерть вспарывала воду, находя себе новые жертвы. То там, то тут всплывали трупы, утыканые стрелами.

Оказавшись в воде, Череп сразу же поднырнул под плот и, чудом найдя среди перевязанных бревен крохотную щель, пиявкой прилип к ней ртом, зацепившись за узлы веревок руками. Он не слышал, как безмолвно под толщей воды кричали от боли его товарищи. Он не видел, как раненые, из последних сил стараясь не всплывать на поверхность, тонули, так и не продвинувшись по течению.

Плот резко качнулся вниз, ударив каторжника по лицу, заталкивая его обратно в воду. «Взошли на плот. С него будет удобней вести прицельную стрельбу», — понял безносый. На расстоянии вытянутой руки вниз плавно ушло тело. Череп почувствовал, что плот погрузился в воду, отнимая драгоценную щель. «Они что, все высадились?!!» В рот хлынула вода, он закашлялся, захлебываясь, и, перевернувшись через голову, оттолкнулся ногами от днища, уходя в глубину. Не было никакого плана, он действовал наугад, стремясь лишь проплыть под губительной, но спасительной водой подальше от этого места. Что-то ударило его сверху. Что-то тяжелое и большое; Череп так и не понял что.

Сброшенный сверху труп выбил из легких старого вора воздух, относя его в сторону. Уже ничего не соображая, каторжник взмахнул руками, всплывая на поверхность. В зелено-багровой мути он не мог рассмотреть, куда именно его несет.

Само почувствовал, что под ним вздрогнули бревна. «Наверное, кто-то всплыть хотел, да промахнулся». Он чуть приоткрыл глаз. Над ним стояла пара лучников, методично расстреливая все вокруг. «Только двое? Нет — их больше, вона как осело». Хлопнула тетива, другая, в воду со шлепками входили стрелы.

— Вон того проверь. У меня стрелы кончились, — раздалось над головой Само.

Короткий свист болта, глухой вскрик и всплеск.

— Готов! Что дальше, ждать будем?

— Недолго. Если кто и остался в живых, то у них сейчас должен кончиться воздух. Так что не расслабляемся!

— Еще один есть! — выстрелив, довольно усмехнулся солдат.

Перед глазами Само все замутилось и потемнело. Он даже не почувствовал, как его тело спихнули в Келебсир.

По впившимся в песок пальцам ползла улитка. Кое-как подняв голову, Само попытался разглядеть, куда его вынесла река.

Сквозь расплывающийся в глазах туман вор различил широкий песчаный берег и густой лес, высившийся неподалеку.

«Надо добраться до него... Если будут искать, может, и пронесет...»

Собрав волю и силы воедино, он пополз. Точнее, попытался ползти.

От резкой боли тело ремесленника выгнуло дугой. Черная кровь хлынула меж зубов, запрудив глотку. Само потерял сознание, не продвинувшись и на ладонь.

Когда он наконец открыл глаза, прямо у его лица стоял изрядно истертый конец посоха.

— Далеко собрался, ползун? — отчетливо услышал вор над собой.

В ответ Само захлебнулся в пробивающем насквозь кашле.

— Совсем хреново. — Подняв голову, Само не смог отчетливо разглядеть вопрошавшего. — Не дергайся, паря, полежи маленько, счас телегу подкачу, мож, и жить

будешь.

«Буду жить!.. Надо жить... Надо!» — Кашель по новой прибил его к земле.

Я решил времени даром не терять и, как только наша ватага, выскочив из оврага на огромную поляну, стала устраиваться на ночлег, вдохнул в себя побольше воздуха и начал делать дело.

Айдо велел распрячь лошадей и привести их в должный вид. А еще запалить костерок для ужина и этим самым ужином, собственно говоря, заняться! Вот тут-то я и узрел свой шанс: показать себя во всей красе хозяйственного и домовитого парня. Ибо ничто так не потрясает девушку, как все вышеперечисленное.

Вызвавшись сходить за дровами, я подхватил свой любимый ахаст и, словно это сулило море радости и счастья, вприпрыжку полетел в глухую чащу. Особо там не задерживаясь, я свалил первое попавшееся на глаза сухое дерево и, взвалив его себе на плечо, гордой поступью зашагал в лагерь.

Мужики, причем все сразу, ничего не сказав, но как-то странно покосившись на меня, взяли за топоры. После того как дрова были нарублены и на разгорающийся огонь водрузили котел, я, отодвинув всех разом, принялся за стряпню.

Когда вода закипела, я бросил туда куски порезанной солонины. Позже добавил огромную порцию пшена и под конец заправил все это найденным в заплечном мешке брата Дуди огромным пучком мелко нарубленных ароматных трав.

И должен сказать, что варево получилось просто на славу! Все с хрустом за ушами умяли мою кашу и даже испросили у Айдо позволения глотнуть по маленькой. Бор-От позволил, правда, с оговором, что Вакара и Куп сейчас пить не будут, потому как нынче им первыми стоять в карауле, чем меня искренне огорчил.

Я как можно случайнее подкатил к эльфу с деловым предложением.

— Ты сегодня не устал, друг? — начал я издалека.

— Да нет, — довольно похлопал себя по животу боевой товарищ. — Разве, только когда уничтожал твою стряпню, а так..

— Вот и отлично, — радостно прервал я его. — После плотного ужина просто жизненно необходим шороший полноценный отдых. А то вдруг завтра загрызут враги, а ты не в форме! Как я буду смотреть Винетте в глаза?

— В смысле? — не понял Куп.

— Ну... в этом самом... — я развел руками, — ну, в том самом... Не дай Небо, конечно! Я же не враг себе.

— Не пойму, что ты хочешь? — насупил брови эльф.

— Давай я за тебя подежурю!

— Зачем?

Вот посмотришь на него: вроде как совсем ничего не понимает! А у самого глазки хитрые-хитрые, бегающие-бегающие. Так и дал бы по ним!

Я собрал всю храбрость воедино.

— Хочу с Вакарой... — я быстро оглянулся, не подслушивает ли кто? — ... поближе познакомиться.

— Ну-ну... — обошел вокруг меня хитрец. — А зачем?

— Мг-мммм... — тихо, но выразительно прорычал я в ответ. — Чтобы... — И замолчал, чувствуя, как щеки у меня — начали загораться.

— Чтобы... — ободряюще кивнул тот.

— Чтобы... — морда пылала так, что, наверное, в наступающих сумерках видно было, — чтобы...

— Ну, что?!

— Да жениться я на ней хочу, понял?! — не то проорал, не то прошипел я.

— Теперь понял! — рассмеялся эльф. — Значит, говоришь, понравилась девушка? Не отвечай, и так видно! То-то ты сегодня суетился. Понравиться хотел, ведь так? Ладно, лично я не против. Но сначала надо поговорить с Айдо, чтобы он разрешил подмену.

— А без него совсем нельзя?

— И как я объясню ему потом, да и остальным тоже, почему самовольно ослушался приказа? Ведь дело, я вижу, интимное?

— Какое? — не понял я последнего слова.

— Глубоко личное, — перевел он, — тебе ведь не нужны лишние разговоры и советы, с которыми будут лезть все, кому не лень.

А ведь он прав! Конечно, я не сомневался в успехе своего предприятия. Не то что я был уж таким неотразимым. Просто, я так полагаю, ей деваться будет некуда. Если мамуля не ошибается, то нет такой девки, которая бы не хотела удачно выйти замуж. Особенно за такого парня, как я! Но! Повторяю, но!., ведь я хочу, чтобы Вакарочка сама захотела стать моей женой. Без всякой посторонней помощи вроде разных советов и пожеланий. То, что будут нашептывать мне, это впустую: все равно по-своему сделаю. Только вот женщина для меня — зверь неизвестный, и повадки ее мне знакомы мало, да и то по чужим рассказам. А верить чужим рассказам — все равно что в любовь поверить. Слышал, видел, а на вкус и на ощупь не пробовал!

— Ладно, ты иди, — принял я решение, — у тебя язык лучше подвешен. Да и, если честно, боюсь. Вдруг он смеяться будет. А ты все обскажешь в лучшем виде, не так ли?

— Друг, можешь не сомневаться! — хлопнул он меня по плечу.

— Что-то я не поняла, — выгнула бровь моя Рысочка, — ведь должен был дежурить другой?

— А тебе разве не все равно?.. — немного опешил я от такого приема. Я-то уж думал, она запрыгает от радости и захлопает в ладошки.

— В принципе так оно и есть, просто... ладно! — махнула она рукой и начала собираться. — Ты уже готов? Тогда подожди немного, я сейчас!

Марга Вакара быстренько рассовала целую грудку всяких ножей во всякие разные местечки, чем необычайно порадовала меня, так как показала себя женщиной предусмотрительной и запасливой — качественно в совместном хозяйстве, несомненно, полезное и необходимое.

Помимо этих метательных штучек, поверх пушистой душегрейки она обернулась широким поясом с притороченным к нему мечом. И в довершение всего ее наряд украсил тугой лук с колчаном стрел.

Сердце мое сжалось в умилении от вида моей несравненной. Еле сдерживаясь, чтобы не сказать ей об этом, я быстренько собрался сам.

Местом для караула мы выбрали высокую сосну, с которой была превосходно видна не только вся наша поляна, но и некоторые окрестности.

— Как ты можешь таскать с собой эту штуку? — ткнула Марга в мой ахаст, после того

как мы залезли на дерево.

— А что в нем такого? Хороший топор, как раз по моей руке. — Я как-то по-другому представлял начало нашего разговора.

— Во-первых, он очень тяжелый: в бою руки быстро устанут. А во-вторых, он же просто огромен: неудобен в носке.

— Это для кого как, — с достоинством отвечал я, — лично мне нормально, не жалуясь. Тот, что был у меня раньше, так действительно не в подъем. А этот мне подарил Ватгиль из Талат-Галена. Сказал, специально для меня ковали! — Не удержавшись, решил произвести впечатление на девушку своими друзьями и связями.

— Это который эльфийский вождь? Ты его знаешь?

— Кого, Ватгиля, что ли? Еще бы! — По-моему, у сизаря так не раздувается грудь перед подругой, как сейчас у меня. — И его знаю, и Йавиэвэн, женушку его! Я же у них на свадьбе гулял!

— Здорово! — кажется, искренне восхитилась она. — Так это, выходит, ты вышиб орков из Талат-Галена?!

— Ну... — скромно расправил я плечи.

— И, значит, это по твоему зову пришли эльфы под стены Уилтавана, когда мертвецы собрались брать его штурмом?

— Да так... — от смущения прошептал я, готовый приобнять свою поклонницу, — было дело...

— И именно ты изловил Шера, заодно начистив ему рыло?

— Это было несложно... — Я поудобней устроился на ветке, готовый прижать желанную к себе.

— И, если, все это про тебя, значит, именно ты до самой последней души вырезал женский монастырь Королевы-Мученицы, что недалеко от Вильсхолла?

— А... — Забыв закрыть пасть, еле удержался я на месте.

— И передо мной не кто иной, как сам монастырский убивец!

— Вообще-то Дож, по прозвищу Дырявый Мешок, а с ним еще полсотни хороших знакомых называют меня Висельником. Луккой-Висельником, — с достоинством в голосе и разочарованием в душе начал я оправдываться. — И хочу заметить, что это была самооборона. Дальше. Никого я там не резал. Можешь у Купа спросить, он там был.

— Значит, никого не убивал? — хитренько прищурилась Рысь. — А еще что не делал?

— Да ничего я там больше не делал! Забрали Винетту, она тогда еще в принцессах ходила, и сделали ноги. А если бы не сделали, то монашки бы нас там точно всех уложили.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— А зачем они хотели вас уложить? — обнажила красивые ровные зубы в очаровательной улыбке Вакара.

В моем сердце готово было вспыхнуть разочарование: неужели мамуля была права — и здесь, и все девушки за пределами Вечной Долины страдают отсутствием мозгов?! Не верю!

Я запрятал нарастающее раздражение подальше и постарался разъяснить все как можно спокойнее:

— «Уложить» — значит «убить», «прибить», «лишить жизни»...

— А за что? Согласись, для того, чтобы кого-то «убить», нужны очень веские причины. Что вы там натворили?

— Да ничего особенного... Разве что только стену разнесли..

— Вы брали монастырь штурмом?!!

— Боги!!! — потеряв терпение, зарычал я. — Дайте мне сил не убить эту женщину, которую я собирался... — Что-то меня заставило вовремя заткнуться.

Я не без осторожности покосился на Маргу. Та, подперев щеку рукой, с интересом рассматривала мою наружность.

— Так что ты собирался с этой женщиной сделать?

— Ничего... — буркнул я, отворачиваясь.

— Нет, парень, так не пойдет! — попыталась она повернуть меня к себе. Ага, так я ей и повернулся! Девушка попыхтела, попыхтела и...

И внизу брякнул колокольчик! Мы замерли, всматриваясь в тьму. Перед тем как улечься спать, Асама-Зайка понатягивал за несколько шагов от поляны кучу веревочек с колокольчиками. Задел одну — и мы уже наготове!

Рысь, осторожно снарядив стрелу, пристально выглядывала цель, водя луком перед собой.

— Может, зверюшка? — шепнула она.

— Вроде того... — указал я пальцем на самый край поляны, — у выхода из оврага. Рогатая сосна. Видишь? — И крайне осторожно начал снимать со ствола баргаут^[8].

— Не вижу... — направила в нужную сторону свой эльфар^[9] Вакара, — кто там?

— Сможешь поднять наших? — не ответил я на вопрос, целясь в ползущую тень.

— Конечно. — Рысь, опустив лук, метила в сторону угасшего костра. — Так кто там, орки?

— Гоблины... — Я зло ухмыльнулся. — Ну, сейчас плясовая начнется!

— Какие гоблины?! Откуда они здесь? Что ты несешь? — зло прошептала Марта.

— Ты много спрашиваешь. Откуда здесь гоблины? А где их нет? Мне другое интересно: что это они такой толпой по ночам гуляют?

— Толпой? Ты сказал, толпой? — Тетива эльфара натянулась до предела. — Ну что, будить?

— Давай! — И спустил тетиву. Я не собирался убивать гобло^[10] — только остановить. Стрела воткнулась прямо перед его вечно вонючей мордашкой.

Длинная стрела Вакары, пущенная одновременно с моей, сшибла журавель, на котором еще висел котел с остатками ужина. Котел покатился по земле с таким грохотом, что я бы удивился, если бы наша ватага продолжила и дальше спать спокойно!

С оружием наперевес парни выскочили на поляну и, став кругом, зашарили сонными глазами окрест. Единственным, кто еще счастливо и нагло дрых, оказался мой разлюбленный братец Дуди. Видно, совсем вчера замаялся, бедняжка.

Между тем грязнули, кое-как сообразив, что их не только обнаружили, но даже уже и ждут, поднялись в рост и не спеша вышли из-за деревьев всем кагалом.

— У тебя случайно «эльфийского веера» нет? — снарядив вторую стрелу, начал я прицеливаться.

— Нет, у меня другая идея. — Вакара принялась разматывать веревку с огромными крюками на конце. — Когда начнется мордобой, мы с тобой быстро спустимся вниз, и у этих работки поприбавится.

— Хорошая мысль! — кивнул я. — Только не забудь при этом еще кричать и вопить, как тот ошпаренный. Знаешь, как они испугаются?

— Ты издеваешься?

— Нет, но согласись, что-то в этом есть.

Меж тем внизу творилось... нечто этакое. А именно: люди и гоблины стали друг против друга, обнажив оружие и зубы. Мечи, топоры, арбалетные болты, шипастые щиты в руках воинов и дубины, обожженные палки, рогатины, охотничьи крестьянские луки, пращи из скрученной коры и кожаные щиты в лапах гоблинов. Только на каждого из наших приходилось как минимум двадцать — двадцать пять голопузов. Шансы у нас, конечно, были... если сразу молча не затопчут.

Тем не менее Айдо рискнул попробовать разрешить встречу бескровным путем.

— Мир вам! — вышел вперед мастер боя. — Кто будет говорить со мной?

От толпы отделился более-менее крупный паренек с лохмотьями на бедрах и кошачьей мордой под остатками грязных волос.

— Сдавайтесь, — пропищал он, поигрывая дубинкой, — и останетесь живы! Мы заберем только лошадей, вещи и оружие, а остальное можете оставить себе! И не смейте противиться нам, потому что мы вместе! А вместе мы — сила! В единстве наша сила! — Егс соплеменники одобрительно завопили, вскидывая вверх руки с разведенными в стороны пальцами.

Я приснул со смеху. С последней моей встречи с этими ребятушками ничего не изменилось: такие же славные, простые и тупые. Присмотревшись повнимательней, я обнаружил, что здесь были только мужские особи. И что же тогда выходит? Они что, на войну собрались? С кем? Или просто поразбойничать? Интересно... даже очень интересно.

— Если мы вам отдадим все, что вы просите, что же тогда останется нам? — Айдо спокойно вел переговоры дальше.

— Ваши жизни, несчастные! — под восторженное улюлюканье проорал вожак.

— Но этого мало, — чуть не плача, взмолился учитель, — позвольте нам оставить хотя бы повозки! Все равно в лесу они будут вам только помехой!

— Что он перед ним унижается? — вспыхнула Рысь. — Перебили бы их, и дело с концом.

— Если успеем. Просто Айдо хочет без крови обойтись. Вера у него такая, кажется, *финлопсопия* называется, во!

— Хорошо, — важно кивнул главный замарашка, — мы не возьмем повозки!

— Благодарю вас, — искренне поклонился бор-От, — только боюсь, это будет неправильно... Посудите сами: ну где вы видели повозки без лошадей?

Если бы Дуди не проснулся, гоблины еще и свои дрова, в смысле оружие, отдали бы. Вместе с набедренными повязками в придачу.

Не то братца шум разбудил, не то по нужде подняло. Не знаю. Скорей всего, второе.

Тролль вывалился из повозки с недовольной взлохмаченной головой, еще и потирая при этом свое пузо. Никого спросонья не замечая, он тупо прошел сквозь ряды своих и, так же тупо войдя в ряды противника, еще и примяв кого-то по дороге, бурча себе под нос, скрылся в дальних кустах.

Говорил я или нет, но каждый тролль-мужчина имеет отличительный знак — татуировку на левой руке. Это чтобы при встрече друг с другом не возникало дурацких вопросов, вроде «кто ты и откуда». А тут, посмотрел на рисунок и понял: этот из Ближнего Угла, этот из Медвежьей Заводи и так далее. Вплоть до того, сколько тебе годиков и какой ты по счету сын или дочь. Это, кстати, тоже нарисовано.

Гоблины переглянулись (читать эти рисунки они за триста лет научились!) и быстренько сбились в кучу, испуганно оглядываясь по сторонам. Опущенное оружие поднялось, в воздухе запахло потом и неуверенностью в завтрашнем дне.

И тут я решил.

— Тролло! — проорал я на всю округу. — Гар дат ас гобло! Карга!

Из кустов моментально появился братец Дуди с приспущенными штанами. Глаза его возбужденно блестели:

— Гобло!..

Грязнули, не выдержав этого зрелища, а может, только представив, что должно последовать дальше, бросились врассыпную, теряя оружие и не забывая давить друг дружку.

Дуди радостно рыкнул и бросился за ближайшим.

— Куп, держи его! — закричал я, быстро слетая по веревке вниз.

Эльф бросился наперерез троллю. Но, пока скачки с преследованиями не начались основательно, барон Зунига швырнул в Дуди длинную веревку с петлей. Парень споткнулся, завалился на спину в траву, и тут же на него сверху уселся эльф, а уж затем и я заключил озорника в братские объятия.

— Успокойся, Дуди, успокойся, — завалился я ему на грудь, — ты молодец, враг сбежал, мамуля будет гордиться тобой.

— Гобло!.. — в истерике забился братец. — Гобло!.. — Все же тролльского в нем было больше, чем человеческого.

— Дайте ему по голове, пожалуйста, — попросил я подошедшего Айдо, — последствия беру на себя!

— Просто я прокричал: «Эй, тролли, здесь гоблины! Гуляем!», — объяснял я поутру мужикам. — Они язык знают, брата нашего боятся, вот и дали деру. А тут еще и Дуди явился во всей красе. Кто ж такое выдержит? — Ребята дружно расхохотались.

— Ладно, — прекратил веселье бор-От, — быстро завтракаем и в путь. Лукка, Вакара, во время перехода спать.

В голове вспыхнула очень интересная идея, но гад Айдо моментально задул мимолетное видение.

— В разных повозках, — шепнул он мне на ухо. Я молча подчинился. И после недолгого завтрака уже разместился под боком братца тролля, досматривающего поздние сны.

Укутавшись в одеяла, я долго смотрел в стену, и под троллий храп мне явилась милая. Что-то тихо шепча, Марга поглаживала меня по голове. Постепенно она становилась все прозрачнее и прозрачнее и под конец исчезла совсем, оставив только свою улыбку.

Разбудил меня Куп:

— Вставай, герой дня, приехали!

— Куда? — блаженно потянулся я.

— Последняя более-менее приличная деревня на нашем пути. Сбросим лошадей и повозки, а дальше налегке.

— Куда сбросим? — не дошло до меня.

— Продадим, — разъяснил эльф, — просто продадим, и ничего больше. Ладно, хорош дрыхнуть.

Вывалившись на улицу, я еще раз от души потянулся, рассматривая окрестности. Мы остановились у общинного дома, окруженного стайками галдящих ребятишек и пугливо

оглядывающимися разноразмерными селянками.

Солнце весело смотрело вниз, и в его согревающем свете жизнь продолжала идти своим чередом. Низко наклоняясь, на пыльной дороге взад-вперед сустились куры под бдительным присмотром разноцветного петушка. Трубой задрал хвост и с важностью королевы переставляя лапки, мимо прошла местная красавица пушисто-кошачьего разлива. Обсуждая последние новости, где-то галдели гуси, не обращая внимания на недоверчивое мычание коровок.

Во всем этом умиротворении я ничего нового не почувствовал.

— Куп, а каково это «быть героем»?

— В смысле?

— Вот ты сказал «герой дня». И мне стало интересно. Герои, они ведь немного по-другому видят этот мир. И, верно, чувствуют себя тоже по-особенному? И как же, интересно? Я вот вдруг подумал! У них же совсем иная жизнь. Всякие там подвиги, сражения, уважение, почет... Не то что у нас! День прожил, и слава Небу! Есть сегодня выпить — хорошо, нет — день не задался. Есть крыша над головой — здорово! Нет — под любимым деревом я найду себе приют, лишь бы муравьи с комарами не сильно доставали.

Помню, когда я только вселился в подаренный мне королевой домик, через Уилтаван проезжал какой-то знаменитый рыцарь. Имя, правда, не помню, но, кажется, родом из Хлабустиана. Он ехал на огромном вороном коне в сопровождении оруженосца и мальчика-пажа. Весь такой важный... Даже, можно сказать, красивый... Едет, лошадь под ним копытками вверх-вниз, коленочки углом, длинный хвост дугой. У самого героя волосы по плечам выются, усищи чуть дрожат, доспехи блестят. Девочки охают, дамочки ахают — красота! А я вот зашел как-то в свой квартал при полном параде и вооружении, но, правда, без коня: бабы в одну сторону, собаки в другую! А я ведь тогда еще и трезвым был!..

— Вот назвал ты меня «героем». А что такого я вчера натворил? Да ничего! Просто спасал свою задницу. Ну и ваши заодно.

— Действительно, — ухмыльнулся Куп, — подвигом это назвать трудно. Все равно мы бы разогнали этих малышей по округе!

— Малышей?! — уставился я на товарища. — Дружище, а ты когда-нибудь видел, что остается от деревень, когда в отсутствие мужчин туда заглядывали эти малыши?

— Нет... — потупил взор эльф.

Из общинного дома вышел Айдо в сопровождении братьев Храу и кого-то из наемников. Следом появились местный староста и пара длиннородых дедков. Они при всех церемонно пожали нашим руки и, отдав какой-то приказ местным мужичкам, удалились восвояси.

— Сговорились о сделке, — кивнул эльф. — А что касается отличий твоей или, допустим, моей жизни от жизни героев... Знаешь, я могу дать тебе почувствовать это.

— Ты серьезно?

— Абсолютно! Как ты посмотришь на то, что по прибытии в Вильсхолл тебя будут встречать и чествовать как самого настоящего героя? Представь себе: ты въезжаешь через главные ворота города, сотни труб сопровождают каждый твой шаг, горожане бросают тебе под ноги цветы, знатные господа и дворяне склоняют перед тобой головы, а на широкой украшенной лестнице тебя встречает ее величество как равного себе! И к тебе уже не будут обращаться просто так: «Эй, Лукка-Висельник!», а торжественно и почетно... допустим: «Троль ее величества!» Звучит?!!

— И еще как... — оторопело вытер я губы и подбородок.

— Потерпи немного, паря. — Старик осторожно перевернул Само на живот; — Сейчас будет больно, но ты, я вижу, не из хлипкого десятка.

— Давай, отец... — прохрипел вор и зажмурился, — я готов.

— Вот и лады. Вот и лады... — приговаривая, врачеватель поглаживал спину раненого вокруг торчащего древка стрелы, — лады! — И неожиданным резким движением выдернул из тела обломок полторушки^[11].

Вжавшись в лавку, раненый захрипел, заливаясь хлынувшей изо рта кровью.

— Ух ты, пакость какая! — любовался обломком старик. — Глянь на наконечник, паря. Будешь в храме, богам благодарственную отслужи. Только чудом в живых остался.

— Не выбрасывай... ее... — задыхаясь, попросил Само.

— На память оставить хочешь? Тоже дело: можно хороший оберег сотворить. — Отложив стрелу в сторону, дед начал вытирать бегущую из раны кровь. — Только когда это будет? Ну да ничего, ничего. Глядишь, Итабр^[12] смилостивится, и ты не загнешься раньше времени. Да и я на старости лет бывое вспомню... Травками полечу да заговором хворь погоняю. Было время, боги были ко мне милостивы, помогали...

— Отец... как зовут-то, — Само закашлялся, — имя твое как? За кого богов просить?

— Э, паря! Я им уже и не особо нужен. А имени своего не скажу, не обижайся. Люди раньше Белоголовым звали; так когда это было. — Ведун, бросив в деревянный таз окровавленную ветошь, начал обсыпать рану толчеными высушенными травами. — Щипать будет, ты уж не взъщи. А звать можешь, как бабы с деревни кличут — Калиной. Калина, стало быть, А тебя как называть прикажешь?

— Само, — зажмурился от боли вор, — Само из Гольлора.

— Пусть так и будет, — кивнул Калина. — Кто ж тебя так изувечил, солдатики, поди? И чего ж не поделили? Али натворил чего?

— Знаю много. Видел лишнее... — сжал зубы Само — как и предупреждал старик, рана немилосердно защипала.

— Случается... — Ведун заканчивал накладывать на рану повязку. — Ты, паря, поспи. Не мучайся. Во сне боль и не слышна, да и силы приходят. А утро будет утром. Верно я говорю? — Он положил морщинистую руку на затылок раненого: — Спи, паря, спи...

«Как же, уснешь тут!» — подумал было Само и почувствовал, что перед глазами все плывет, а душа проваливается в блаженное никуда.

— Гляди-ка, и уснул! — удовлетворенно качнул головой Калина. — Можем еще, можем. — Укрыв раненого одеялом, он начал потихоньку прибираться, то и дело поглядывая на Само. — А ведь выздоровеет, мстить пойдет, — с горечью прошамкал старик, — вор, поди!

— Я не знаю, когда и куда они ушли! Меня держали в тюрьме. Вы понимаете это?! — наверное, уже в сотый раз, дрожа, отвечал Михаэль.

Его не били, не пытали. На него даже не повышали голос. Яра просто сидел напротив стоящего навтыжку сержанта и, ковыряя сучковатой палочкой опавшую хвою, время от времени задавал вопросы — спокойным вкрадчивым голосом. Но от этого спокойствия Михаэлю было не по себе еще больше.

— Ты уверен, что это был тот самый эльф, что участвовал в убийстве короля? — Яра,

поднеся палочку к глазам, рассматривал ползущую по ней букашку.

— Точно так, — по-военному ответил Михаэль, — он самый. Я хорошо его запомнил тогда.

— Все сходится. — Яра стряхнул с палки жучка. — Возникает вопрос, ушли они из города или нет?

— Я не уверен.

— Допустим, они ушли. В какую сторону? Север, юг или по прямому, западному пути?

— Господин, — осмелился человек, — дозвоьте сказать мне. — Получив молчаливое «да», он продолжал: — Какая разница, куда они ушли. Если меня таки обвели вокруг пальца, так давайте отдадим им должное — они сделали это. И теперь продвигаются по территории королевства напрямик к столице. Так не проще ли будет перехватить их у самого порога Вильсхолла? Возьму на себя смелость предположить, что они будут охотиться на вас, служа приманкой. — Михаэль понял, что лучше говорить прямо и честно, чем изворачиваться и лгать.

— А вот здесь ты ошибаешься, — прервал его заговорщик, — точнее, заблуждаешься. Пусть даже они, как ты решил, и охотятся на меня. Да ради Неба! Удачи им! — Он осклабился. — Я люблю достойного противника. Но главная задача не в этом... Они договорились с владычицей Бревтона. О чем? Скорей всего, о поддержке армией. Тогда вопрос: когда и где? Когда и где союзные войска вступят на поле брани? Винетта задумала свою игру, даже не посвящая в нее приближенных. И эти «послы» везут с собой документы, где сказано, когда и где войска Бревтона атакуют силы коалиции. И мне, нам необходимо это знать. Жизненно важно!

— А не проще ли отослать эти бумаги другим путем? Тем же почтовым голубем? Они ведь прикидывали варианты. Простая записка: число и место.

— Доверить судьбу Вильсхолла провидению, удаче? Хищная птица, охотничья стрела, непогода, человек коалиции с ловчим соколом наготове — думаю, этого достаточно! Посторонний человек? Тоже выход, но здесь свои сложности. Да и в двух словах не сообщишь о численности армии, месте перехода, маршрутах движения, условиях сделки и еще о тысяче мелочей, из-за которых вся предстоящая военная операция может обернуться провалом. Такого рода бумаги существуют в единственном числе, и они повезут их с собой, прячась от лишних глаз и выверяя каждый свой шаг. Нам необходимо найти их до того момента, когда они подойдут к окрестностям столицы. Ведь должны же они соединиться с оставшимся бароном и посольским кортежем. Я даже уверен, что им навстречу выйдет подкрепление «золотых». Только где это место? Опять же вопрос. Поэтому ты прямо сейчас отправляешься к Вильсхоллу и начинаешь прочесывать все окрестные деревеньки в дневном переходе от города. Найдешь, дашь о себе знать.

— Как?

— Внимательно слушай и запоминай.

Первыми шли Куп и Синекура. Последним Асама-Заика. Мне досталось место за братцем Дуди и молчаливым Жгутом.

Вытянувшись в длинную цепочку, мы бодро шагали через древний лес, то сворачивая на звериные тропы, то продираясь сквозь заросли чащобы. Время от времени по сигналу замыкающего Заики мы останавливались, и он, выслушивая «пожелания» идущего с ним Айдо, то заметал следы, то, наоборот, делал их еще отчетливее.

К вечеру эта прогулка мне порядком приелась: слова громко не скажи, полюбоваться красотами можно только на ходу, оружие не прячь, глазами в разные стороны стреляй, ходу не сбавляй.

Шаг за шагом навевалась глухая тоска: идешь да идешь, ни поговорить, ни выпить, ну!., бездельем маешься. Топаешь и ничего больше.

Нет, поначалу я честно оглядывал окрестности на предмет притаившихся врагов, но вскоре до того откровенно заскучал, что начал вспоминать разные песни и небылицы. Тут еще на ум взбрели легенды о дальних странствиях других парней и подростков, и я задумался о том, как же они коротали время в пути? За кружечкой пивка это вспоминалось примерно так: «Они шли долго. Не один день и не одну неделю. Износив не одну пару обуви и износив не один посох, они таки пришли к своей заветной цели, несмотря на все трудности и преграды». Все. Даже до конца допить не успел, а эти хлопцы уже до места добрались!

В детстве это представлялось даже интересно. Четыре маленьких тролля с самым серьезным выражением мордашек идут по тропинке вдоль деревни, осторожно перешагивая, перелезая, перепрыгивая и даже обходя раскиданные палки, камни и собачий помет. Правда, по мере вырастания из следующей пары штанов троллики становились крупней, тропинка шире, и она уже не изгибалась вдоль стойбища, а вела на другой конец Долины, к соседской деревне. И на пути преградами были уже не кочки и камни, а дальние и близкие родственники, жаждущие новостей и мнений по любым поводам. Верно, эти детские картинки и привели меня два года назад в славный город Уилтаван. Откуда все и понеслось...

Я уткнулся носом в затылок замершего Дуди.

— Что, пришли? — вернулся я из недалекого далека.

— Не... — качнул головой братец, — нашли чего-то.

И впрямь: шедший впереди Синекура, усевшись на корточки, разглядывал травку, полусшепотом обсуждая что-то с Купом. Подошел Айдо, и вся троица начала бурно размахивать передними лапами, то указывая друг дружке на особенности местности, то тыча себе под ноги. Под конец Айдо развернулся к нам и, стукнув перед собой кулаками, развел руки в разные стороны. Единственные, кто неподвижно остался на месте, были я с братцем. Остальные разбежались в стороны, на ходу прилаживая стрелы на тетиву луков и высвобождая мечи от ножен. Пожав плечами, мы последовали их примеру. Дуди, натянув на голову свою ржавую посудину с лохмотьями перьев и сбросив с длиннющего меча тряпки, встал в позу косаря.

Перед тем как достать лук и передвинуть поудобней колчан, я распустил на спине упреждающую завязку на чехле ахаста. Подняв голову и осмотревшись по сторонам, я вдруг узрел, что мы с братцем троллем совершенно одни! Остальные попрятались за деревьями, оставив нас без указаний, куда дальше идти и что делать.

Не сказать, что я струсил или еще что-нибудь в этом роде, но вдруг стало не по себе. Беспомощно оглянувшись вокруг и встретившись глазами с братиком, я вдруг почувствовал себя одиноким и даже где-то беспомощным. Да и тролль, недоуменно покачивая своим батуриадом, тоже не выглядел особо счастливым. Не знаю, сколько бы я так еще простоял, но тут из-за ближайшего деревца мелькнул кусочек одежды. Не желая упускать видение, я со всех ног кинулся в ту сторону. И, слава Небесам и богам на них, там оказался один из братьев Храу!

— Чего застыл? — зашипел он на меня. — Дорогу потерял, что ли?

— Да вроде того, — не нашел я лучшего ответа.

— Бери своего брательника и дуй вон к тем деревцам, — указал он рукой, — будете фланг прикрывать.

С облегчением вздохнув, я махнул Дуди и бегом бросился к указанному месту. Заняв позицию, я, к своей радости, обнаружил, что большая часть наших уже здесь.

Все, как один, высматривали что-то впереди и явно готовились к смертоубийству. Вдруг ближайший ко мне, а именно Резак, поднял руку и пару раз сжал кулак, вроде как приглашая идти дальше, и сам же кинулся вперед, не оглядываясь! Я послушно последовал за ним, не забыв прихватить родственника.

Короткими перебежками мы еле-еле продвигались вперед, пока не остановились у обширной поляны. Посреди опушки возвышалась пара походных шатров, вроде наших ватга^[13], только поменьше. Под закопченным котелком горел мастерски запаленный бездымный костерок, вокруг которого, скрестив ноги, восседали ни много ни мало штук двадцать с лишним орков.

Свинорылые тупо уставились на огонь, скорее всего, они были маленько под фэлом. Присмотревшись, я разглядел, что еще какая-то часть ватаги сейчас просто внаглую дрыхнет в шатрах — из палаток не одна пара ступков высовывалась наружу. Я обернулся на наших: все стояли, смотрели, молча нащупывая оружие. Наконец Айдо крутанул над готовой: «уходим». И все, как один, осторожно ступая, обошли вражеский лагерь

Отдалившись от орков на более-менее безопасное расстояние, мы сгрудились в круг.

— Можно было и поразмять косточки, — проворчал Резак.

— Согласна, — кивнула Вакара, — как бы еще в спину не надуло.

— Это уж как повезет, — разом прекратил разговоры бор-От. — Это не наш лагерь: там не было человека, которого мы ищем, а значит, наш путь дальше на север.

— Уважаемый, — вышел вперед барон Зунига, — не оспариваю ваше старшинство и уж тем более не подвергаю сомнению ваш опыт, но не разумнее было бы уничтожить этот сброд? Я уверен, что двух-трех хороших залпов хватило бы.

— Нам это не нужно. Мы не должны светиться, все должно выглядеть естественно: мы — послы, тайно пробирающиеся домой. Пусть наш настоящий противник так и думает. А этот отряд, скорее всего... «ловушка для дураков», что ли. Попадемся? Хорошо — нас станет несколько меньше, да еще и наследив, обнаружим себя. Нет, мы не будем вступать с ними в бой. Уходим... Храу и Асама замыкающие. Вперед!

Озираясь по сторонам, мы углубились в лес. И не успели сделать с десятков шагов, как вдруг ни с того ни с сего барон Зунига запустил в ближайшие кусты один из своих метательных ножей. В ответ высоко в небо взвилась стрела, провожаемая истошным воплем раненого. Резак со Жгутом тут же вломились в заросли и выудили наружу истекающего кровью свинорылого.

Орк, держась за пробитую грудь, жалобно хлюпал, беспомощно оглядывая обступивших. Ильд-Ми бросил быстрый взгляд на учителя и, получив молчаливое согласие, прикончил дозорного молниеносным ударом в лоб.

— А теперь, — тяжело вздохнул Айдо, — сматываемся отсюда — и быстренько! — И первым же кинулся бежать. Естественно, мы за ним.

Мы неслись со всех ног, успевая только вовремя уворачиваться от попадавших навстречу деревьев. Раза три мы останавливались, вскидывали на изготовку луки, шаря вокруг, пока Асама-Зайка на пару с Купом что-то там натягивали, рассыпали, короче,

оставляли подарки и разные шалости.

И снова бег. Я уже почувствовал, как моя задняя начала предательски побаливать, когда объявили привал. Мы сели прямо на землю, вытянув копыта и переводя дух.

— Как ты? — подсел ко мне Куп. — Я имею в виду, как твоя нога?

— Почти нормально, но еще немного, и она бы отвалилась. — Стиснув зубы, я усиленно разминал предмет разговора. — Долго нам еще так нестись?

— Точно не скажу, — Эльф, глотнув легкого яблочного вина, передал фляжку мне. — Пока они найдут труп, пока поймут, в какую сторону мы ушли и организуют погоню... Думаю, мы уже достаточно оторвались, но лучше не рисковать. Конечно, мы бы разбросали их, но Айдо, как ты слышал, думает, что тем самым выдали бы себя с головой.

— Значит, еще долго. — Сделав пару глотков, я откинулся на спину.

— Я что хотел тебя спросить, — Куп прилег рядом, — как ты там, ну... — эльф замаялся, — ночь провел? В смысле дежурство?

— Куп, — поднялся я на локтях, — ты знаешь, как меня называет Вакара и эти парни? «Монастырским убийцей»! Представляешь?

Эльф ответил молчанием.

— Конечно, я не праведник и кое-что успел натворить в этой жизни, но, согласись, никаких монастырей я поголовно не вырезал. Странная штука эта людская молва: двум бабулькам по голове за дело постучал, а уже через год оказывается, что не двум, а целой сотне, и не на место поставил, а жизни лишил, и... — я заткнулся, глядя на посеревшее лицо товарища. — Куп, а что ты все молчишь? Слово бы какое вставил.

— Лукка, ты в самом деле ничего не помнишь?

— Как не помнить, все отлично помню! Прямо как сейчас...

... Когда увели еле передвигающего копыта кентавра и вслед ему Куп потащил на выход наших лошадей, я поспешил задать стрекача. Тут же мою шею оседлала на редкость бойкая старуха. Визжа кошкой, старая неуспокоенная стерва, держась одной рукой за мое горло, другой полезла прямо в глаза. Как по команде, монашки, сбивая друг друга, кинулись ей на подмогу. Я крутанулся на месте, подставляя спину с беснующейся ношей под удар. Меня смяло, кинуло на землю, я выронил оружие, попытался освободиться от старухи — безрезультатно. В мою морду въехала сандалия на босу ногу, из носа хлынула кровь. Второй удар пришелся мне в ухо, третий снова в нос. Меня начали катать по земле, избивая ногами. Удары сыпались отовсюду, я заревел, как медведь, силясь изловить хоть кого-то.

Наконец удача подмигнула мне. Я зацепил одну из сестер и, изловчившись, подмял ее под себя, со всей силой припечатав бабенку к земле. Та замолчала и, закрыв глаза, сразу же обмякла. Удары немедленно прекратились.

— Убийца! Убиййцааа!..

Я так понимаю, что это была оглобля. Она врезалась в спину, вернув меня обратно на землю. Я было вскочил на четвереньки, но какая-то вконец озверевшая сестра, разогнавшись, вцепилась мне ступком аж в самый копчик. В глазах почернело... я почувствовал такую злобу и ненависть, что меня затошнило. Я вскочил с места, и, перекувырнувшись через голову, расшвырял толпу, дотягиваясь до рукоятки топора...

— Что было дальше?

— Дальше? — переспросил я и, слабо улыбнувшись, осекся. — Дальше... дальше... — и

замолчал, почувствовав, как душу обволакивает колющий холод. — Куп, а ты знаешь, что было дальше?..

— Ты действительно ничего не помнишь? — нахмурился эльф. — И хочешь это знать?

— Я хочу знать, почему меня называют «монастырский убивец», — может, зря я хочу этого?

— Мы отвели лошадей и сразу вернулись за тобой. Дио даже подняться не мог: мы еле-еле запихнули его в повозку, там он и остался. А затем мы с Дырявым Мешком вернулись за тобой в конюшню. Живых там не было... только трупы... Мы нашли тебя под горой тел. Наверное, монашки кинулись на тебя разом. Как говорится, не умением, так числом. Когда ты очнулся, мы поняли, что ты ничего не помнишь. Поэтому и не стали рассказывать о том, что произошло.

— Выходит, это правда... — зажмурился я от стыда.

— Не знаю, откуда это стало известно, — продолжал эльф, — и странно то, что об этом не говорили в Уилтаване.

— А может, и говорили, — перевернувшись, уткнулся я носом в траву, — да только кто ж мне такое в морду скажет.

— Это точно!.. — И мы замолчали.

Летний ветерок шевелил мои волосы на затылке и мысли под ними. Только думы мои были... не очень. Сначала о том, что пора завязывать с выпивкой. Если начались долгосрочные провалы в памяти, во время которых порой происходят некоторые нехорошие вещи, то это первый признак, что последние годы искренне подорвали мое здоровье. Значит, надо либо уменьшить количество выпиваемого, либо возвращаться в родное стойбище к свежему воздуху и относительно здоровому образу жизни. Правы были те, кто утверждал, что городская жизнь отрицательно действует на нормального деревенского парня. Вся эта роскошь и беспутно-разгульный образ жизни доведут либо до погребального костра, либо до скоропостижной женитьбы. Если с первым я спешил не очень, то со вторым у меня, скорей всего, возникнут серьезные проблемы. На месте Марги Вакары я бы поостерегся связывать свою дальнейшую жизнь с парнем, который по пьяной лавочке и в минуту душевного расстройств вытворяет отнюдь не волшебные и не добрые чудеса да еще с пеной у рта пытается всем доказать, что не был, не состоял и не участвовал. Жизнь показалась пустой, как тот кувшин, из которого вытекла последняя капля.

Прозвучала команда «подъем», и мы затрусили дальше. В моей голове навязчивым собутыльником свербила одна-единственная мысль: и как же теперь овладеть сердцем моей возлюбленной, если в ее памяти накрепко засело, что таких, как я, к женщинам и на полет стрелы подпускать нельзя.

На ночевке я поделился своими грустными размышлениями с Купом. Надеясь на дружеский совет и понимание, я открылся ему весь до самого доньшка.

— Значит, запал на девку? — ухмыльнулся эльф.

— Ни на кого я не западал! Просто она в точности подходит требованиям, выдвинутыми моим сердцем и жизненными обстоятельствами.

— Скажи честно: а если бы не было этих перипетий со срочной женитьбой и капитальным наездом родственников, ты бы обратил на нее внимание?

Немного погоняв под сморщенным лбом услышанное и просеяв его до полного понимания, — я утвердительно изрек:

— Куп, но это же глупо! Такие девушки — они же как звезды! Источая чудесный свет,

они сверкают, манят к себе. Мимо них не пройдешь, не оглянувшись, не бросив восхищенный взгляд, жаждущий обладания этим цветком, который бы так великолепно смотрелся в твоём (то есть в моём) саду!

Не знаю, что я такого сказал, но лицо эльфа слегка вытянулось и перекошилось. Ещё немного потарасившись, Куп закрыл пасть, чем вернул себе обычный облик.

— Знаешь, дружище, иногда ты меня удивляешь до крайности! — прокашлявшись, начал он. — Но сейчас не об этом. Диагноз, как говорится, налицо: ты влюблен...

— Ты уверен?! — со страхом и трепетом выпалил я, ощупывая свою рожу.

— Доверься моему опыту. Но если хочешь в этом убедиться, — по его губам проскользнула улыбка, — положи руку на сердце, признайся, в последнее время тебе на ум не приходило что-нибудь такое... — он вдруг запнулся, — этакое...

— В смысле?

— Ну... там бабочки, птички... лютики разные... Что-либо поэтического содержания?

В ответ я зарделся.

— Я что, во сне разговариваю? Раз так, признаюсь: было, только... — и замолчал, кажется, задымившись ещё больше.

— Давай, друг, не стесняйся! Я хочу услышать твоё творение не только из любопытства. Я знаю наперед, эти строчки идут от большого чистого сердца, но вдруг они будут не так хороши, чтобы девушка по достоинству оценила их.

Что-то здесь было не так. Но я, оглянувшись, не подслушивает ли кто, и страшно волнуясь, как перед самой первой кружкой в своей жизни, заплетающимся языком, начал:

*Ты... ты такая, понимаешь, такая,
Вроде света в разбитом окне,
Мое сердце горит и пылает,
Как жаркое на жарком огне.*

— Это все? — опустил голову на плечо старый товарищ.
Зря он надеялся — меня понесло!

*Я тобой лишь одной восхищаюсь,
Я тобою алкаю, грежу,
Я с тобою себя забываю,
Словно выпь на холодном ветру.
Мои мысли тебя обнимают,
Моя грудь истомилась тобой,
Чтоб я сдох, если ты не такая!
И смотри, не играй так со мной!*

— Как, нормально? — с трепетом в груди спросил я.

— Да... — отвернувшись, кивнул эльф, — хорошие, только доработать надо.

— А по-моему, очень неплохо, — раздался из-за спины ровный голос Айдо, — что-то от хокку, но сразу видно, что написано от сердца. А в целом даже хорошо. И это правильно: душа воина должна быть гармонична.

Я обернулся — за моей спиной рядом с бор-Отом стоял Резак.

— Да, мужик! — согласно кивнул наемник. — Ты талант. Это я тебе говорю!

Они ушли, а у меня осталось ощущение, что сегодняшней вечер еще не закончился.

Все началось, когда раздавали вечернюю стряпню. Кто именно готовил, сказать не могу. Но явно не я. Эта... еда... была жутко недоваренной, а к тому же еще и пересоленной. Несмотря на то что все ели молча, я не удержался и поднял голову.

— Кто кухарил нынче? — грозно-обидчивым голосом поинтересовался я.

— Чего, Висельник, в горло не лезет? — откликнулся Эйн Рака. — Ну звиняйте, мы эту науку плохо знаем. Мы все как-то больше мечом, а не поварешкой...

— Это ты у нас и сготовить мастак, и подраться не дурак, — поддакнул Резак, — а уж про то, чтобы стихи и поэмы сложить — великий Ник Ляис Рубец рядом не стоял!

Горячий кусок каши и впрямь застрял где-то между лопаток.

— Че, правда? Лукка у нас стишки пишет?! — поднял заляпанную крупой морду Синекура, — Здорово! А про что?

— А про томления сердешные в груди да про обугленные страдания на обед!

Дружный хохот сбросил с ближних елок шишки и хвою.

— А кто эта прекрасная дама, чей образ подвиг нашего товарища на рифмоплетство? — смахнул крошки с губ вышитым платочком барон Зунига. — Надеюсь, она хороша собой, и у нее сговорчивый характер, и неплохое приданое?

— Ага, пара ржавых железок и целый мешок штопаных лохмотьев, — со смехом кивнул Резак на Вакару.

Лоб стал мокрым, в глазах темно, а в душе еще темнее.

Я встал, выронив миску из рук, и на совершенно деревянных ногах пересек поляну.

— Вставай, — прохрипел я, — вставай или умрешь, даже не дожевавши.

— Эй, мужики! Лукка, остынь! — дернул меня за руку подскочивший эльф. — Пошутил парень, не подумавши, не калечь болезного.

— Ни одна тварь из тех, кто на двух лапах, не может похвастаться, что смеялась надо мной и над тем, что внутри меня. Поэтому вставай, разрисованное жакхе, и попробуй умереть как мужчина... или кем ты там себя считаешь.

Почему-то никто больше не смеялся. Наемник посмотрел на меня... потом на Айдо... но тот, лишь пожав плечами, продолжал спокойно трапезу.

Отложив в сторону миску, этот гад начал медленно подниматься.

— Не надо, Резак, — попробовал вразумить его Заика, — не советую.

— Да что он может мне сделать? Он же только с бабами вояка... — И в прыжке с разворота вцепил мне ногой в челюсть.

Если бы я не был так взбешен, то обязательно в который уже раз поразился бы недалекости и тупости людей, а также тому, что они ничего о нас, троллях, не знают и знать не хотят! По делу сказано: «Знание — сила!» или хотя бы здоровье.

Что такое поединок в Вечной Долине? Становятся двое из наших друг супротив друга на расстоянии вытянутой руки и, по очереди, сначала один врежет и смотрит: поединщик еще на ногах али нет. Затем другой разок меж глаз двинет и смотрит: упал или как. И вот таким, понимаешь, — образом... пока все не кончится.

Я даже головой не повел, когда нога этого кузнечика достигла цели. А потом врезал, метя ему прямо в нос. Наемник, наверное решив показать, что тоже не из хлипких, уворачиваться не стал, а просто выставил навстречу ладони, принимая удар. Слыхивал я о таком. Говорят, бывает, что нападавший даже руки себе ломает. Да вот только не сегодня!

Резака унесло до ближайших кустов, а я, переступив сваленное бревнышко, на котором он когда-то сидел, отправился выяснять, как прошел полет. Наемники, кроме Вакары и Зуниги, разом кинулись мне на плечи, упрашивая не калечить недомерка. Я только пожал плечами, стряхнул этих муравьев и шагнул вперед. Навстречу, мотая головой и шевеля губами, порванный и недобитый, но с пеной на губах и решимостью в глазах двигался Резак.

В два прыжка он буквально взбежал на меня, лупя одним копытом в грудь и другим в лоб. (Как только себе ступни не отбил?!) Даже и не собираясь падать, я лишь ускорил шаг. Он как-то нелепо застрял на моей груди и рухнул вниз мне под ноги. Да еще и спиной. Я не удержался от искушения и поддал ему под зад с прицелом в ближайшее дерево. Сосна выдержала.

А я подскочил к этому так называемому бойцу и, шустро намотав на кулак его косу, ухватился другой рукой за портки и двинул его растатуированным лбом по стволу. Дерево закачалось, заскрипело, застонало, засыпая нас остатками хвои.

— Лукка, прекрати, пожалуйста, — упала мне на плечо женская рука. Я перестал размахивать окровавленной черепушкой, так и недораздолбав ее, чтобы посмотреть, есть там что или нет.

— Оставь его... — настойчиво сжали мне локоть. Я кое-как оглянулся. Марга смотрела мне в глаза, и там я прочитал все: сострадание, понимание и... предупреждение: если я сейчас его не брошу, то шансы мои на взаимность резко уменьшатся.

А что мне еще оставалось делать? Я его бросил... Вакара взяла меня за руку и повела за собой. Мы шли звериной тропой среди вековых деревьев, пока не очутились на маленькой опушке. Под вечернее пение птичек на землю опускалась ночь. Старшая Сестра, выглянув из-за облака, спряталась, наверное решив не мешать нам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты действительно... написал мне стихи? — скрестив руки, Вакара смотрела в сторону.

Я молча кивнул, вода языком по зубам — все ли на месте?

— Почитай...

— Нет, — прислушался я к болевшей груди: ребра, кажется, целы.

— Почему? — повернулась она ко мне.

— Я... я... — язык прилип к гортани. Мне стало как-то не по себе, что ли...

— Ты что, стесняешься? — Она попыталась развернуть меня к себе. Безрезультатно, конечно.

— Лукка, ну-ка посмотри на меня. — Кажется, она улыбалась. Я воротил морду в сторону, чувствуя, что щеки запылали, захотелось спрятаться под кусточек... под листочек...

— Так! Стихи мне писал?!

— Ну...

— Так читай... мне!

— Не буду...

— Почему?

— Они... это... — как там Куп сказал? — их это... добить, в смысле доделать надо.

Поверх татуировки на лбу у Резака наутро выросла здоровенная шишка. Я еле удержался, чтобы не сказать ему, что если дело так пойдет и дальше, то он легко сможет посоперничать с единорогами по величине и красоте надбровных украшений. Все бы ничего,

только в нашей ватаге царило какое-то напряженное затишье. Шли молча, не переговариваясь, не перешучиваясь... скучно шли. И так до самого полудня.

И привал был тоже молчаливым и тягостным. Ели молча, лишь украдкой поглядывая друг на друга, словно играя в детскую игру «кто скажет первым, тот...». Я попытался было переброситься парой слов с Купом, но эльф, лишь согласно покивав, продолжал наяривать жратву, только выразительно зыркнув глазами: «потом».

Когда следы стоянки тщательно уничтожили, меня отозвал в сторону учитель Айдо.

— Что ж, Лукка, вчера ты у нас отличился.

Я гордо отвернулся, всем своим видом показывая, что это только мое дело и другим в это вмешиваться не стоит.

— Меня одно только интересует: собираешься ли ты проводить второй раунд и что у тебя к Рыси?

— Учитель, я не совсем понимаю слово «раунд», но спешу вас уверить, что, если этот урод еще раз только заикнется, я сдерживаться больше не буду.

— Так я и думал. А что насчет девушки?

— А что насчет девушки? — пожал я плечами. — Ничего. Она мне очень нравится, и я собираюсь сделать все возможное, чтобы после этого похода ввести Вакару женой в свой дом.

— А она об этом знает? — прищурился наставник.

— Узнает... потом. — Я решил действовать в лучших традициях нашей семьи.

— И как же ты собираешься добиться своего?

— Честно говоря, еще не представляю, — поскреб я затылок, — у нас в Долине все делается просто. Жених приносит под окно избранницы праздничное дерево. От обычного оно отличается всякими там ленточками, погремушками и другими украшениями на ветках. Если парень люб, девица забирает принесенное, а если нет, вешает на одну из ветвей крученую веревку с петлей на конце. Я точно не знаю зачем, но мамуля говорит, что это означает: мол, хоть повесься, а толку не будет!

— О чем-то подобном я слышал на Южных островах, — улыбнулся бор-От. — Но согласись, в данных условиях это просто не подойдет.

— Увы, — с сожалением вздохнул я, — Где у нее здесь окно, в кибитке, что ли? — Хорошенько посмеявшись на пару с Айдо, я продолжил: — Знаете, учитель, я прекрасно понимаю, что такую девушку, как Марга, будет нелегко стреножить и поставить в семейное стойло. Поначалу я хотел показать, какой самостоятельный, умелый и домовитый мальчик, в смысле будущий муж. И все бы хорошо, если бы ту ночь она возьми и не выложи напрямую, что видит во мне только парня, прославившегося резней монастыре, о которой, кстати говоря, я сам ничегошеньки и не помню! А теперь этот гад, подслушав мои вирши, принародно посмеялся надо мной, тем самым опозорив меня перед ней. И какого же она теперь обо мне мнения? Могу только представить: сумасшедший повар с руками по локоть в крови, извергающий из себя любовные стишки! Вы бы на ее месте на меня клюнули? Вам смешно... а она... а она... — Я оглянулся, не слышит ли кто, и быстро-быстро прошептал: — А она меня вчера за руку держала. Вот!

— Да ну? Это уже прогресс!

— Про кого? — прищурился я.

— Я сказал, что твои дела пошли лучше. Только одним словом.

— Ясно, — тяжело вздохнул я. — Учитель, вразумили бы вы меня, а? Вы натаскали

меня драться и прилично стрелять. Вы нашептали мне, как вытерпеть боль и объяснили, где и как надо пережать, чтобы остановить кровь из раны. Но вы так и не открыли мне секрета, как выдержать насмешки людей и как овладеть сердцем женщины.

Заложив руки за спину, Айдо с улыбкой долго смотрел на меня.

— Рано тогда забрал тебя Скорпо. А ведь я мог бы вылепить из тебя не только настоящего воина, но и человека.

— Я — тролль, — гордо поднял я голову. — Им был, есть и им умру!

— Я знаю. Но поверь мне на слово: я видел много львов с сердцем зайца, и столько же зайцев с сердцем дракона. Ты веришь мне?

— Верю! — прижал я руку к груди. Полулошадь-получеловека я видел, а вот помесь дракона с серым и пушистым?! Наверное, это что-то...

К сожалению, вечерний урок по осаде и штурму женщины не состоялся. Почему? Да орки, будь они неладны! Прав был папаша, говоря, что «гоблины, орки, соседи и родственники всегда приходят не вовремя».

Мы только сбросили пожитки на радующем сердце склоне да еще и с бьющим из-под земли ручьем, как первая же черная стрела впилась прямо в задницу Резаку.

Открыв пасть и выкатив глаза, он резво развернулся ко мне со сжатыми кулаками.

— Это не я! — Честно признавшись, я сиганул за ближайшее дерево. Остальные, не теряя времени, шустро распрыгались в разные стороны, а там, где они стояли, взрыли землю черные толстые стрелы. Освободив ахаст, я осторожно выглянул из-за ствола. И тут же крошки коры осыпали мне лицо из-под задрожавшего в дереве болта. Еще одна чернушка [\[14\]](#) глухо стукнула с другой стороны ствола. «Вот дела. Окружили, свинтусы!» Наверное, в первый раз в жизни я пожалел, что не пользовался щитом. В наших краях их презирали, считая оружием труса. Так оно, конечно, так, но именно сегодня, когда эти ребята взяли нас в кольцо и спокойно постреливают, хорошая защита не помешала бы!

Не став дожидаться, пока из меня сделают утыканного болтами ежика, я ломанулся вперед, уходя с дороги стрелы. Над кустом взвилась фигура орка. Резво подняв лук, он, почти не целясь, выстрелил. У него был явно не баргаут, а то бы я уже с предками обнимался! Увернувшись, я прибавил ходу и устремился к вражине. Орк, свирепо хрюкнув, отбросил лук и шагнул навстречу, яростно размахивая мечом. Да еще и по пути стягивая со спины круглый щит. Не дожидаясь, пока свинорылый будет полностью во всеоружии, я сорвал с пояса боевой штоск и чуть ли не с чехлом метнул в него. Отточенное лезвие рассекло орку лоб, на мгновение охладив его пыл. Наконец он огородился щитом и, истерично повизгивая, пошел на меня.

Руки у меня, не в пример некоторым, длинные. Этим я и воспользовался. Махнув ахастом как дубиной, я заставил орка сделать шаг назад, затем второй и, войдя во вкус, весело погнал его к тем кустам, откуда он отважился вылезти.

Хрюшка даже и напасть не смел. А когда? Лезвие топорища мелькало у его залитого кровью пяточка на угрожающем расстоянии. Вот он споткнулся, падая на спину. Я, победно взревев, подлетел к нему и первым же ударом разнес его щит вдребезги. Орк, жалобно завизжав, попытался просунуть мне свою железку между ребер. Только почему-то меч до меня даже не дотронулся, а вместо этого охваченный чужой кистью руки отлетел в траву.

Докончив этого, я с нескрываемым удивлением обнаружил торчащее у себя в плече древко стрелы. Слава Небу, острие прошло насквозь, не задев кость. Нехорошо рыкнув, я

начал оглядываться в поисках стрелка.

Оказалось: стрелков! Свинорылые высыпали целой толпой, не то возжелав растерзать меня собственноручно, не то у них просто стрелы закончились. Задрав ахаст высоко над головой, я кинулся им навстречу. И началось!

Оказавшись в кольце, я рубил, прыгал, уворачивался, топтал неповоротливых. Мне распороли руку, сделали несколько незначительных дырок в боку, даже умудрились садануть по зубам. Но мне было плевать на это! Мной овладело нечто такое, что невозможно описать словами. Какая-то разухабистая веселость, густо замешенная на азарте и злобе!

Развернувшись на месте, ближайший орка упал на землю. Надрывно заверещав, он пытался вытащить из пробитого нагрудника стрелу. Оставшиеся свинорылые, разом отступив, ощерились щитами, выставили вперед клинки мечей. На полянку вышли Рака с Купом.

Эльф, встав рядом, окинул трупы взглядом.

— Неплохо поработал. — И, уже обращаясь к наемнику: — Поможем?

— Это можно, — прищурившись, как от боли, Цепь перехватил щит поудобней и встал слева. — Слышь, тролль, ты Резака с Заикой не видел?

— Не-а, только этих, — рассматривал я щербатое лезвие ахаста. — Погудим, значит?

Чего ждали орки, я не знаю! Видят же, сейчас их просто порубят на кусочки, а потом скажут, что так все и было! Сколько их там осталось, голов семь? Совсем разум по лесам растеряли!

— Ну, поехали потихоньку... — двинулся первым эльф.

— Матовар, благослови нас! — шепнул Рака. — И да пребудет благословение твое на наших клинках!

— Ты чего, мужик? — я было одернул его. — Их всего-то ничего, а ты уже...

— Ты знаешь, «чем кончится ночь, когда наступит день»?

Как меня достали эти заумные слова и поучения!

Это было удивительно, но под лопаткой у Само почти не болело. Конечно, если начинал двигать правой рукой, то боль немилосердно давала о себе знать, отдаваясь во всем боку. Лежа за занавеской, вор вслушивался в свое тело, пытаясь понять, сколько ему еще здесь валяться и насколько рана в будущем испоганит ему жизнь.

В наступающих сумерках чуть слышно хлопнула дверь хижины. Само, отвернувшись к стене и прикрыв глаза, наострил слух.

— Вечер добрый, хозяин, — проскрипел старушечий голос.

— И вам тоже, — ответил Калина, — по делу али ноги мимо несут?

— Ой, да и не знаю, как сказать-то...

— Так присядь да скажи. Чего молчать, если языку нейметя.

— Тут это... Дед мой поутру с мужиками на рыблю ходил. — Само внутренне напрягся. — Так домой пришел, усю медовуху попожрал, кровопийца. Даже на праздник не оставил!

— Бывает... Замерзли али что еще?

— Э, Калина, думай, что говоришь. Замерзли! Если бы! Вместо рыб они людей половили.

— Каких людей?

— Мертвяков. Аж целых четыре. Все ножами поистыканы да к шеям камнями

попривязаны. Ужас сплошной! А один-то вообще и без носа, и без ушей, и без глаз, поди! Все поотрезали, лиходеи! Наизгалялись над сердешным да утопили потом!

— А я вам что? Как нашли, так и закопайте. Если родные отыщутся — поблагодарят. Власти тоже ругать не будут.

— Ты бы посмотрел на них, а? Мож, не просто так их усех потопили, мож, нечистые какие, а мы их на своей земле положим. А как встанут на шестую седмицу! Что тогда делать? Ты б сходил, а? А мы тебе вот яичек принесли да молока, да медку и мясца кусочек. Пойди глянь, успокой народ. Все одно бобылем сидишь, паутину считаешь, а люди спасибо скажут.

Скрипнули половицы: видно, старый ведун, поднявшись, начал собираться.

— За такое, матушка, спасибо не говорят. Ты корзину-то у порога поставь да сама выходи потихоньку. Я счас соберусь...

Утихомирив этих семерых, мы быстро вернулись на место побоища. Первым навстречу кое-как поднялся братец Дуди.

— Живой?! — еле разжал он половинки забрала. — Хорошо! Я думал, ты сбежать хотел. Думал, тебя искать идти надо.

— И тебе не болей, — устало буркнул в ответ.

— Лукка, ты Резака не видел? — подошел Куп.

— Спрашивали уже, — уселся я на камень, с наслаждением вытягивая ноги. — А Заика нашелся?

— Да... Все здесь, кроме Резака с Вакарой.

— ЧТО?! — подскочил я. — ТРЕВОГА! ПОДЪЕМ! Рота в копье!!! Пленные есть! Допросить немедля! Костер и железо сюда. Они у меня быстро скажут, кто где, и вообще!

— Много, — зажмурив глазик, констатировал эльф. — У тебя в последней фразе двусмысленное местоимение «они».

— Чего? — честно опешил я. — Куп, ты чего несешь? Разговариваю я так и по-другому не умею. И пока не хочу!

— Ладно. Я вижу, ты остыл. Никого пытать не надо, потому что некого. Или ты умеешь с мертвыми говорить?

Я молчал, тяжело дыша.

— Вы же не хотите бросить наших товарищей?

— Ты чего, Лукка, по голове получил? — подошел Жгут. — Сейчас Заика следы разберет, и мы двинемся. Только боюсь, по темноте мы много не найдем.

— Что, утра ждать прикажешь?

— Отчего же, — учитель Айдо, как всегда, заложив руки за спину, рассматривал закат, — некоторое время у нас есть. Полагаю, если наши друзья в плену, то они смогут оставить знак, где их искать. А если они просто... затерялись, то к утру сами объявятся.

Вместо ответа я уселся обратно на место и, достав из котомки точильный камень, принялся с некоторым остервенением выравнивать лезвия ахаста. Меня больше всего раздражало не то, что Рысь с Резаком пропали без вести или попали в плен, а то, что они сейчас находились вдвоем и я не знал, чем это может закончиться для меня... Слева истошно заныло, и я начал присматривать, на чем бы сорвать злость.

— Делимся, — поднял народ Айдо. — Рака, Ильд-Ми идут по южной стороне склона. Синекура вместе с братьями — на запад. Барон Зунига, Лукка, Куп — на восток. Жгут идет

со мной осматривать северную сторону.

— А я? — обиженно выкинул руку Дуди.

— А ты остаешься здесь.

— Вы там воевать будете, — пустил слезу братец троллик, — а меня тут... одного... на погибель оставляете!..

Наемники переглянулись.

— Остаешься на связи. Будешь держать оборону лагеря, — сухо отрезал бор-От.

— Ну тогда лады, — вытер нос Дуди. — Только вы там это... только недолго... угу?

Время от времени Куп низко пригибался к земле, изучая следы. Я топтался следом за бароном, напряженно всматриваясь в сумерки. Нам с эльфом еще повезло — в отличие от Зуниги, мы более-менее прилично видели в темноте. Именно поэтому, а не из-за своей нетерпеливости я то и дело наступал на пятки медленно идущего Кристофа.

Мы вышли к небольшой горной гряде — вроде той, какой был истыкан Заблудший Лес. Здесь мы остановились немного посоветоваться и перевести дух.

— Скоро Младшая Сестра покажется, — кивнул на небо наемник, — да и звезд сегодня много.

— Значит, продолжаем поиски? — с надеждой спросил я.

— Конечно, — кивнул Куп. — Господин барон, если наших друзей действительно захватили орки, то как далеко они могли уйти?

— Если это действительно так, сударь, то уверен, что недалеко. Вряд ли Вакара и Резак дали бы себя просто нести. Это уже отнимет у орков время. Полагаю, они где-то здесь... Если мы, конечно, правильно угадали направление. Может, другим повезло больше.

— Был бы сигнал, — Синекура оставил в лагере босораг — специально приготовленную смесь. Если ее поджечь, то столб пламени на короткое время будет виден даже отсюда.

— Это все здорово, мужики, — вмешался я, — мож, поторопимся, а то уже мочи нет!

— Эх, молодость, молодость... — усмехнулся Зунига. — Куда же вы все так торопитесь?

— Жить, барон, жить! — прорычал я в ответ и первым начал подъем.

Миновав первый склон, я лег на холодные камни и осторожно заглянул за хребет. И вот она, удача! Есть, боги на Небесах! И сегодня они смотрят на меня. Там, внизу, у пещерки, чуть дымил мелкий костерок, у которого сидело вплотную штук двадцать орков. А недалеко от них неподвижно лежали две фигурки. И в одной из них (сердце забилося так, что, наверное, где-то в горах рухнул камнепад!) я узнал милые очертания.

— Семнадцать... — процедил Куп. — Кристоф, а лука то у вас нет...

— Есть кое-что другое, так что четверых беру на себя.

— У меня всего три стрелы, — траурно сообщил я, пересчитав содержимое колчана.

— И у меня две... — сплюнув в сердцах, изрек эльф. — Вот, спрашивается, есть у нас что-нибудь в голове или нет?! Ладно, какие будут предложения?

— Не сочтите меня трусом, но не будет ли умнее вернуться в лагерь, собрать всех наших, заодно наполнить колчаны и, ударив вместе, освободить пленных? — начал первым Зунига.

— Пока туда, пока обратно. А запалив эту... как там смесь называется?

— Босораг.

— Во-во! Эту самую хреновину мы зажжем, и будет она видна не только нашим, но и свинойрылым. Знаете, но на месте наших дружков я бы дал деру!

— Что ты предлагаешь? — спросил Куп.

— Говоришь, их семнадцать? С первого залпа мы убиваем троих.

— Четверых, — поправил Кристоф, — я одинаково хорошо орудуя двумя руками.

— Еще лучше! Пока эти очухаются, не будет еще четверых. Сколько останется, девять?

И что, мы втроем не разгоним эту шелупонь по кустам?

— Если повезет, их будет меньше еще на две головы, — согласно кивнул барон, — но есть одна маленькая загвоздка. Не кинутся ли орки первым делом перерезать горло пленным, и...

— И сколько их еще в пещере, — закончил за него эльф.

— Именно это я и хотел сказать.

— Тогда что? — чуть ли не взревел я. — Сидеть тут и ждать помощи с Неба?

— Я предпочитаю что-то более материальное, — хищно улыбнулся Зунига. — Кто остается здесь, кто идет в лагерь?

— Никуда не пойду, тут буду, — насупился я.

— Значит, я, — объявил эльф, — одному здесь оставаться нельзя, мало ли что. Вдруг они сейчас поднимутся и уйдут. Опять их искать? Да и в темноте я вижу лучше вас, барон.

— Согласен, — кивнул Зунига, — удачи!

Через минуту Куп растворился в ночи.

— Как скоротаем время? — плотней завернулся в плащ Кристоф.

— Может, подберемся поближе? Лично мне так будет спокойней да и, если повезет, сможем пересчитать тех, кто в пещере.

— М-да... А я уж было понадеялся соснуть часочек. Пока эльф сбегает туда, соберет наших, плюс, дорога обратно.

— Уломал... — не скрывая злобы, согласился я, стараясь скрыть за ней мелькнувшую идею, — храни на здоровье, только негромко.

— Искренне благодарю вас, — с некоторой иронией ответил Зунига.

Человечек накинул на голову капюшон и вскоре действительно захрапел.

«Спи, спи, только все пиво не проспип!» — к месту вспомнил я трольскую мудрость и, перекинувшись за скалу, пополз вперед.

Ободрав в кровь ладони и протерев штаны на коленях, я умудрился добраться до Вакары незамеченным. Разумеется, там был еще и этот остряк-самоучка Жгут, но его задница меня как-то мало интересовала. В отличие от Маргиной.

Короче, жизнь этого хохмача меня интересовала меньше, чем жизнь любимой. Опля!!! Я и не заметил, когда начал называть Рысь таким ласковым словечком — любимая! Я внутренне растекся, как сметана по полу, и еле сдержался, чтобы вприпрыжку не оказаться рядом с милой. Мне хотелось подхватить ее на руки и, закружив, отнести на край света, где в светлом тереме с видом на море, среди лапчатых елей, сохнущей черемухи и опадающей сирени бросить свою любовь на устланную выделанными шкурами широкую кровать и, устроившись у нее под крылышком, забыться детским глубоким сном.

Разогнав мерцающий туман мечты, я решил действовать. Какого Отродья! Мне просто не терпелось воплотить в жизнь свое видение!

Нас разделяло шагов десять, может, чуть больше. Сняв с одного конца лука тетиву, я привязал к ней отцепленную от колчана перевязь и, соединив ее с ремнем ножен, получил этакую удочку на большую рыбину... точнее, рыбку... рыбочку... рыбоньку... На Рысь, короче.

Я прицелился и как можно незаметнее для греющихся сторожей подкинул конец веревки к связанным за спиной рукам лежащей пленницы. Вакара осторожно повернула голову, и при свете звезд я увидел ее лицо. Злоба стиснула мне сердце, но я удержался, чтобы не броситься к свинорылым и не повыдергивать им копыта: рот Марги был окровавлен.

Рысь, кивнув, «поняла» и перевернулась на спину. Слегка дернув «удочку», я удостоверился, что рыбка попалась. Быстренько призвав Небо на помощь, я чуть-чуть подтащил пленницу. Вакара переместилась ко мне буквально ладони на две, может, немножко больше. Я зыркнул в сторону орков: те сидели, продолжая переговариваться между собой, словно ничего у них под боком и не происходило. Это и хорошо. По крайней мере, для нас двоих! Я повторил попытку, приблизив девушку к себе еще на некоторое расстояние.

Вот так, потихоньку, не торопясь, обливаясь потом и дрожа, я вытаскивал Маргу на свободу. Больше всею меня тревожила одна мысль: прямо сейчас обернется один из «сторожей» — и все! Придется либо драпать, либо их всех в ряд укладывать. Насильно. А так как бегать от орков я пока не собирался, то от всего сердца пожалел, что все мое вооружение состояло из ахаста, засапожного шпоска и трех стрел, которых можно и не считать — лук-то ведь распущен!

До моего пригорочка оставалось всего ничего, как вдруг орки взлетели на ноги. Поддавшись всеобщему порыву, я последний раз изо всех сил дернул на себя пленницу, и Марга перестала ею быть. Взмах ножа — и руки и ноги свободны. Пока Рысь торопливо развязывала кляп, я закинул удочку за Резаком. Конец веревки по задуманному упал у него за спиной. Наемник, мгновенно перевернувшись на спину, зацепился за нее, но я и не думал тащить пленника.

В ногах Резака с вытянутыми от изумления мордами стояла почти вся орава свинорылых с... человеком во главе. По крайней мере, мне показалось, что это был человек. В отличие от них, фигура, закутанная в длинный плащ с капюшоном, была на целую голову выше окружающих. Да и сама голова была не такой широкой, как у орков.

— Все обыскать, быстро! — вдруг прокаркал он. Орки, похватав горящие сучья, рассыпались вокруг, и часть из них пошла прямо на нас.

— Мотай отсюда! — рывком поднял я Рысь и буквально швырнул ее в сторону гребня, где, ничего не ведая, похрапывал Зунига.

Вакара даже слова сказать не успела, как оказалась на полпути к хребту. А я, выпрямившись во весь рост, ринулся к подходившему врагу, размахивая топором. Застыв от неожиданности на месте, орки позволили мне уложить с ходу двоих и уже после этого кинулись обратно к пещере.

Что мне стоило самому развернуться и убежать в спасительную темноту? Ничего! Вместо этого я длинными прыжками подлетел к связанному Резаку и наотмашь рубанул по стоящему над ним человечку в капюшоне...

Удар ногой выбил из моей груди воздух. И, пока я карасем на берегу открывал и закрывал рот, второй подлый удар угодил мне прямо между ног.

Почему-то стало нехорошо... Очень нехорошо... Но не это свалило меня с ног. Я так и не понял, куда именно угодила его нога. Удар не был особо сильным, так, легкое прикосновение между грудью и горлом.

Тело стало вялым и чужим. Земля завертелась и враз оказалась у самых моих ноздрей. Я не мог даже шевельнуть языком, чтобы сказать этому парню все, что я обо всем этом думаю.

Тяжелая усталость, окутав остатки разума, шепнула: «спи», и я, заведя глаза под лоб, забыл, где я... кто я... что...

Сколько раз мне приходилось возвращать разных пьянчужек к жизни посредством ледяной воды! И окатывал ею, и опускал бесчувственные тела в бочки... Все было! Но чтобы меня самого?!!

Я был мокр до самой последней шерстинки на спине. Когда глаза открылись настолько, что можно было отличить день от ночи, а гоблина от орка, я узрел уставившегося на меня типа в блестящей черной не то мантии, не то длиннополом халате.

Это был довольно молодой смуглый малый с зачесанными назад русыми волосами и, кстати, довольно... миловидный, что ли? Что-то такое нежное, девичье было в его наружности.

— Знакомое лицо, — оповестил я его, потому как этого молодца я действительно где-то видел.

— Вряд ли мы с тобой знакомы, — кивнул этот в капюшоне, — хотя... Чего только на свете не бывает.

— Это точно, — попробовал я на прочность путы на руках. Хорошая веревка, умелый узел.

— Не жмет? — Молодчик слегка улыбнулся.

— Пойдет, — состроил я недовольную рожицу. — Было бы лучше без этого, но если тебе так спокойней...

— Честно говоря, не очень. Что-то нет у меня веры в то, что несколько мотков бечевки смогут остановить тролля. — Он указал на мою родовую татуировку.

— Всякое бывает, — поспешил я успокоить его. Тем не менее сей разговор начал мне надоедать. — Тебе что-то нужно от меня?

— Сущя безделица. Просто перечисли всех, кто входит в ваш отряд, и все. Видишь, я не спрашиваю тебя, ни куда вы идете, ни зачем. Я не заставляю тебя предавать своих товарищей. Просто назови их имена и все.

— И что, после этого я буду свободен? — недоверчиво уставился я на него.

— В каком-то смысле да.

— Меня развяжут, вернут оружие, и я смогу отправиться куда захочу, так?

Парень, задумавшись, долго смотрел мне в глаза, словно пытаюсь там найти что-то вроде подсказки, как ему правильно ответить. «Честно, — мысленно посоветовал я ему. — Только честно. Если что, потом себе дороже будет».

Наконец он, повернув голову, бросил через плечо:

— Приведите второго.

Принесли, именно принесли скрученного Резака. Свинорылые поставили пленника у деревца, для верности подвязав его к стволу. Наемник поднял измазанное засохшей кровью лицо и тут же опустил его, завесившись распущенными волосами.

— Есть ли в вашем отряде эльф? И если да, то как его имя? — ровным голосом задал вопрос человечек.

— У тебя что, проблемы с инородцами и эльфами в частности? Если ты думаешь, что тебе стоит... — начал было рассуждать я вслух.

Парень коротко кивнул, и ближайший орк наотмашь вlepил длинной палкой Резаку между ног.

Наемник заорал так, что птицы сорвались с веток деревьев. От такого перехода я только рот открыл.

— Есть ли у вас в отряде эльф? И если да, то как его имя? — словно ничего особенного не произошло, повторил свой вопрос вражина.

— Да я тебя!!! — попытался вскочить я с места, но сразу же несколько копий уперлись мне в грудь и в плечи.

Новый кивок, и пленный, заорав еще громче, дернулся раз, другой и замолчал, обвиснув на веревках.

В глазах у меня помутилось, дышать стало тяжело, руки рвались оторвать этому недоноску голову и все на свете.

— Тебе его не жалко? А ведь это только начало. Конечно, я мог бы поставить тебя на его место, но боюсь, ты ничего не скажешь. — Мучители принесли огромную охапку хвои, свалив ее под ноги пленника. — Итак, есть ли среди вас эльф? Как его имя? У тебя времени только до того момента, когда этот тип очнется.

Натужившись, я почувствовал, как путы немилосердно врезались в кожу. По запястьям потекло что-то теплое и липкое. Задыхаясь, я уже примерился броситься на этого новоявленного палача, дабы зубами вцепиться ему в глотку.

Когда Резак, возвращаясь в этот мир, замотал головой, орк поджег хвою. Клубы едкого дыма повалили вверх, душа наемника.

— Троль, а ведь он сейчас задохнется, — подсел ко мне человечиска. Вместо ответа я боднул его своей головой прямо в лоб.

Светлоголовый отреагировал моментально, но все же немного опоздал. И я таки достал его! Малый завалился на спину, мотая башкой и поминая кого-то или что-то на незнакомом мне языке.

Пока свинорылые моргали от удивления, я, разрывал шкуру на руках, с ревом обиженного быка поднялся во весь рост. И покудова народец, отшатнувшись, думал, что со мной делать дальше, я, дотянувшись до человечка, еще раз врезал ему между глаз и двумя рывками разорвал стягивающие ноги бечевки.

Завидев меня полностью на свободе, орки очнулись, и кто дал стрекача, а кто, видно совсем потеряв голову и выхватив железо, ринулся вперед.

Первый же нападавший, очень неосторожно приблизившись ко мне, оказался в кустах со свернутой набок челюстью, оставив свой тесак мне на память.

Взбодренный первым успехом, я разогнал оцетинившийся оружием полукруг. Причем один из «бойцов» был отправлен под ноги дымящегося Резака со сбритой щетиной на горле.

Только в сказках и пьяных разговорах враги, поджимая хвосты, пускаются наутек от грозного воителя. У меня был только один шанс остаться в живых, ибо слишком много гадов собралось вокруг. Что я сделал? Вздернул за шкурку этого недоростка из числа друзей свинорылых и, нежно прижавшись к нему всем телом, пережал ему левой лапой кадык, а правую, вооруженную остро отточенным лезвием, подвел прямиком к самому заветному, по ходу распоров полы рясы или что там у него было.

— Ты по жизни детей иметь собираешься? — шепнул я, ласково прикасаясь губами к розовому ушку. — Не молчи, милый, скажи чего-нибудь... Да не мне, а этим... Пока неисправимого не заставили натворить.

Парень, я так думаю, зашелся в пене и ненависти, но, надо отдать ему должное, виду не показал.

— Что ты хочешь? — прошипел он, косясь вниз.

— Прикажи своим полудуркам сложить железо и связать друг друга, — повысил я голос.

— Они меня не слушают.

— Жаль... — искренне вздохнул я и чуть-чуть повернул мечом. Малый дернулся, даже хотел было что-то этакое предпринять, но я вплотную прижал острие лезвия к его петушку.

— Кровью истечешь, — прозрачно намекнул я.

— Делайте, что он сказал. — Хрюшки только ослабились в ответ. — Иначе Лесной Камень и Уча Игон не простят вам моей смерти.

Не знаю, кто там были эти вышеназванные парни, но свинорылые, смахнув с рылец улыбки и кинув железо наземь, начали связывать друг друга. Последнего орка, естественно, по моей просьбе вязал сам человек.

— Что дальше? — испросил он, когда дело было сделано.

— Даже и не знаю... — Честно признался я, вмазывая ему лбом в затылок.

Когда тело рухнуло, а пленники со страшным скрежетом зубов стали пытаться освободить себя, я перерезал путы, удерживающие Резака. Заливаясь кровью и слезами, наемник упал мне на руки.

— Спасибо... не дал... — что я там кому не дал и чего, разбираться было некогда. Я подхватил товарища и что есть прыти отправился бегом подальше от этого места.

— Помолчи, паря, — шептал я, закинув его на плечо, — уходим отсюда, пока ежики не взбунтовались.

Обидно было, что, удрав от орков, я даже не прикинул, а куда, собственно говоря, бежать. Спустившись с каменного хребта, почти ничего не разбирая, я мчался сломя голову до тех пор, пока не выскочил на лесную дорогу. Оказавшись на противоположной стороне леса, я снял с плеча охающий груз и решил отдышаться под ветвями здорового кустарника.

Резак выглядел плохо. Надеюсь, парень выживет, а через несколько дней даже сможет передвигаться, не особенно хромя. Конечно, сейчас он явно не ходок и даже не достойный собеседник — единственное, что от него можно четко услышать, так это хриплый кашель в перерывах между стонами.

Слизывая кровь с изодранных запястий, я думал, как поступить дальше. Схорониться в укромном месте до более-менее приличного выздоровления наемника или опять же, спрятав раненого, отправиться на поиски наших. А уж потом всей ватагой идти дальше. Можно было двинуться на розыски и с грузом на плечах, но мне казалось, что парню нужен покой и уход, потому как... А бросить человека на произвол Небес не позволяло сердце, ведь... Короче, я заблудился в собственных мыслях и загрустил: совета ждать было неоткуда, а делать что-то надо было.

Я растерялся до такой степени, что даже решил посоветоваться с Резаком, но тот, уткнувшись лицом в траву, не то спал, не то ушел погулять в иной, более спокойный и тихий мир.

Сколько бы я так сидел, любуясь на спящего, не знаю, но треск сучьев и гневные выкрики заставили меня выглянуть из-под куста. По нашим следам, особо не прячась, кто-то шел. И вряд ли ради того, чтобы обнять, напоить и накормить.

Из оружия у меня был только легкий оркский меч с длинным искривленным клинком. Больше ничего. Ни стрел, ни ножей, не говоря уже о любимом ахасте, не раз выручавшем

мою шкуру. Я уже начал было присматривать себе дубинку посимпатичней или просто увесистую палку, когда из стены деревьев выскочил взмыленный... МалЙавиЭУиал-младший собственной персоной с Саймоном Синекурой на пару!

— Эгей, мужики, — устало вышел я навстречу, вскинув руку, — здесь мы!

— Тролль! Слава Небесам, нашлись! — обнял меня Куп. — А где Резак?

— В кустах погляди, — кое-как отцепился я от объятий, — вы что, всей компанией сюда прибежали?

Синекура буквально прыгнул в указанное место.

— Нет, нас только трое. Дуди сзади топчется, — кивнул себе за спину эльф.

— А остальные где?

— С орками разбираются.

— Тоже дело... И что теперь?

— Жить будет, — показался следопыт, — надо соорудить носилки и двигать отсюда.

— Согласен. — Куп вытащил из ножен меч. — Дуди, пойдём, поможешь мне.

Немного порыскав, братец с эльфом притащили две здоровенные не то палки, не то оглобли. Смастерив носилки и взгромоздив на них раненого наемника, мы двинулись обратно. Весь обратный путь Дуди трещал сорокой, откровенно забивая голову.

— Мы вас сразу нашли. Только тебя там почему-то не было. Только хрюшки да тетя Рысь в кустах. Вся такая помятая, грязная, просто ужас какой-то. Кстати, зачем ты дяденьке барону переднюю лапку отдал? Он тебя остановить хотел, а ты его сшиб да еще сверху потоптался. Обиделся человек — ему же больно было.

— Не заметил, — понуро признался я. Мне там и недосуг было разбирать, с чего это вдруг и кому вздумалось разлечься на моем пути. — Лучше скажи, чего особо не торопились. Если бы вы двигались побыстрее, то мне не пришлось бы так долго гулять по окрестностям.

— Что значит «особо не торопились»? — оступился Куп. — Пока до лагеря добежал, пока всех собрали, потом обратно, а тебя уже след простыл. Только орки матерятся, себя развязывая.

— А этот в капюшоне?

— Ушел...

— Жаль... Я бы с ним еще разок поговорил. И с большим удовольствием.

— Спишь, бродягша? — Калина не спеша накрывал на стол. — Поднимайся, паря, хорош брюхо валять, жрахмать будем.

Открыв глаза, Само потянулся, словно проснувшийся на печке кот. И только потом осознал, что рана под лопаткой лишь нудно тянет, а не отдается резкой болью, как еще день-два назад.

Очень осторожно он привстал, опустив ноги на пол. Слегка кружилась голова, но вор понял, что может передвигаться без посторонней помощи.

Само встал во весь рост и неуверенно, как годовалый младенец, сделал первый шаг... второй... третий. Сев за стол, ощутил себя полностью обессиленным, ему захотелось спать.

— Так, не дрыхнуть! — шутливо рыкнул ведун. — На, подьешь, тебе сейчас силы нужны. Вот, попробуй, — пододвинул он широкое деревянное блюдо с аппетитно пахнущей вареной говядиной.

Крепкие зубы вцепились в мясо. Несколько дней бездействовавший желудок застонал, отвергая пищу.

— Через силу, паря, через силу. — Калина налил в кружку немного красной тягучей жидкости: — На, выпей. Это не просто винишко.

Чуть дрожащей рукой Само опрокинул в себя зелье. Жаркая волна, ошпарив горло, устремилась вниз, подавив судороги взбунтовавшегося чрева.

— Ну как? — с улыбкой спросил старик, медленно отколупливая скорлупу вареного яичка. — Ожил? Коли так, кушай, а то стынет.

— Благодарствую, — вытер губы рукой Само.

— Увидели бы сейчас тебя лекари, насмерть бы меня поубивали. — Калина налил себе белого как снег молока. — Вроде как не след больного мясушком потчевать. Мож, они и правы. А я тебе, парень, так скажу — лошадь рождена лошадью, курица курицей, рыба рыбой, а человек рожден человеком, хищником, зверем. И все эти кашки из сена годятся только для малышей и крольчат. А человек, мужик в особенности, силу в мясе черпает.

— А сами-то чего? — Вор, жуя, указал на молоко с яйцами.

— Э, сынок! — в полный голос рассмеялся дед. — Ну, какой из меня ныне мужик? Так, пень трухлявый. Эта я еще по старинке дергаюсь.

Некоторое время они ели молча.

— Я это, — зажевывая стрелку лука посоленным хлебом, прошамкал Калина, — давеча в деревне был. Тамошние звали. Ихние мужики на рыбалю ходили. Так заместо рыбех целые сети мертвяков понатаסקали.

Само напрягся, перестав жевать.

— Что с баб взять, думали на викодров, живых мертвецов, напоролись. Ну, вроде тех, что в прошлом годе на Уилтаван напали. Небось слышал об этом?

Бор молча кивнул.

— Так вот, нормальные мертвяки были. Простые, в смысле. Правда, изувеченные, что те уродцы. Зазря лишь ноги топтал. Еды вот только набрал, там еще чего по мелочи...

Он снова замолчал, щуря на солнце подслеповатые глаза.

— Ты ведь, паря, знал убиенных? — Ведун даже не смотрел на гостя. — Я так думаю, какие они при жизни были, всем уже все равно. Смерть-то, она нас всех равняет. И малых и старых, и нищих и богатеев. Главное другое... Что прах их не по ветру развеян, а земле предан, как того душам надобно. Похоронили чинно, место хорошее, тихое. Если хочешь, я потом тебе покажу. А вот вещи кой-какие забрал. Глядишь, рано или поздно родня аль друзья объявятся, возвернут себе на память. А хошь, сам глянь, может, кого знакомого памятку найдешь. Показать?

На убранном от крошек столе Калина развернул большой кусок мешковины. Перед глазами Само оказались вещи сотоварищей: кожаный кисет Кирки, мешочек с игральными костями Алена-Здоровяка, деревянная трубка Сохи.

Во рту ночного ремесленника пересохло. Что-то давно позабытое, тяжелое, горькое и непонятное теснилось в его груди. Глаза затянуло поволокой, он вцепился в край стола, чтобы не упасть. Калина, вовремя поддержав вора за локоть, посадил его на место, пододвигая заранее налитое вино.

Отставив недопитую кружку в сторону, Само положил ладони на вещи, словно ожидая, что они заговорят с ним, обнимут его живым теплом...

Пальцы зацепили продолговатую, длиной с локоть деревянную трубочку, плотно заткнутую с обоих концов.

«Череп...» — Само вспомнил, как перед самым отплытием вожак прятал ее подальше за

пазуху.

Отковырнув пробку ножом, он вытряхнул из футляра лист бумаги. Вода не тронула хрупкую материю. Само, развернув лист, в растерянности взглянул на Калину.

— Грамоте ты не обучен... — утвердительно сказал ведун. — Ведь ты хочешь узнать, что здесь? — И сам взял в руки письмо.

— Значит... — вглядываясь в ровные строки, проговорил старик, — м-да, хороший почерк. Умеют же буквы красиво царапать. Ладно, читаем. — И дальше где бегло, где по слогам продолжил: — «Начальнику городской тюрьмы Гольлора... По договору меж королевством Бревтон и княжеством Гольлор... Предъявителю сего выдать узника Шестой Башни, по имени Чара, сына Бартауза из Тери-Гранга...»

В груди Само екнуло — мало кто знал настоящее имя Черепа. И тем более то, что у старого вора, вора с большой буквы! на этом свете есть сын.

Многое становилось понятно. Например, зачем Череп, связавшись с тайниками, взялся за эту грязную работу, которая... Ночной ремесленник до боли зажмурился, словно эта темнота могла вернуть все назад, воскресить братьев, вернуть ему друзей, сыну отца. И не будет свиста выпущенных стрел, воплей боли и муторного шептания воды, в которой, захлебываясь, кричали раненые люди.

— «И, отпустив оного на все стороны ветра, не преследовать его и не чинить препятствий ни ему, ни подателю сего письма», — закончил читать Калина. — Печать интересная. Я таких раньше и не видывал.

— Это печать тайной службы Бревтона, — наконец открыл глаза Само.

— Ух ты! — качнул головой старик. — В мое время я о таком даже и не слыхивал! И на кой она нужна?

— Кто знает... — отвернулся ночной ремесленник.

— А там, в письме, что-то о Шестой Башне говорилось, это что за место такое?

— Там узников из других королевств держат. Тех, кого по договору.

— А эти-то кто такие? — искренне удивился Калина.

— Бывают узники, которых не рискуют держать по месту приговора. Боятся бунтов в тюрьмах и в городах.

— Бона оно как... — Старик, взяв футляр в руки, с нескрываемым любопытством рассматривал его.

— Отец, я пойду прилягу, — поднялся Само, опираясь руками о стол. — Что-то мне нехорошо.

— Понимаю, паря. Иди отдыхай: силы тебе пригодятся, — напутствовал гостя Калина.

Когда вор наконец задремал, старец придвинул к себе его миску с недоеденной говядиной. Вылив остывший бульон прямо на усыпанный соломой дощатый пол, он поставил блюдо перед собой, внимательно вглядываясь в обглоданную лопатку с кусочками мяса. Всматриваясь, старый ведун то улыбался, то хмурил лоб. Вскоре он взял отпускное письмо и положил его около тарелки, а с другой стороны футляр покойного Черепа. Возложив на них руки, он по новой уставился на кость.

Немного позже уставший Калина вышел на улицу. Сев на траву, он откинулся на локти, любуясь закатом. Солнце клонилось к далекому горизонту, разрешая Старшей Сестре выйти на еженощную прогулку. Легкий ветерок, обдувая морщинистый лик, шевелил седые волосы.

Калина усмехнулся и подставил лицо уходящему светилу.

— Ну что, Вига, дашь еще немного старику, а? — Он вытянулся во весь рост на траве,

разбросав руки в стороны. — Знаешь, действительно интересно, так ли это все закончится или я наконец ошибся.

Когда увалень тролль, снося все на своем пути ринулся прочь из лагеря, Яра решил, что пора и самому уходить отсюда. Каким-то шестым чувством, не раз выручавшим его, молодой человек понял, что промедление смерти подобно.

Освободив себя от неумело, но крепко затянутых узлов, он перерезал веревки первого же попавшегося орка и, подхватив с земли свой Акай-ан-Лагу^[15], кинулся прочь от этого места.

Спустившись со скал и миновав поносящего кого-то человека, Яра припустился на север, в сторону лагеря Лесного Камня.

В надвигающихся сумерках двигаться становилось все труднее, и уже который раз Регард де Ходер мысленно позавидовал нелюдям — оркам и эльфам, прекрасно видящим в темноте.

Облюбовав для ночлега более-менее подходящий кустарник, Яра забился подальше под ветки и, плотно завернувшись в плащ, прислушался к засыпающему лесу: было тихо, спокойно, никаких подозрительных, несвойственных ночи шорохов и звуков. Удовлетворенно кивнув, словно соглашаясь с самим собой, человек завернулся еще плотнее, чувствуя, как железо ножен прижимается к боку.

Это была не первая ночь, проведенная в одиночестве, прямо на траве, среди молчаливых деревьев. Прикрыв глаза, де Ходер мысленно перенесся на полдня назад.

«Сегодня, мой король, вы соизволили допустить ошибку. И не вздумайте искать себе оправданий. Виноваты только вы и более никто. Не стоило доводить этого тролля до бешенства, как не стоило с пренебрежением относиться к рассказам о его похождениях в Голубых Горах и под стенами Уилтавана. Как, впрочем, и о том, что он совершил на территории вашего королевства. Надо было расспрашивать не его, а наемника, уже сломленного пленом и болью. Но что сделано, то сделано.

И что же получается в итоге? Из рассказов орков их отряд состоит из десяти, максимум двенадцати человек. Выходит, моя сводная сестричка оказалась умнее и предусмотрительней, чем мы могли предположить. Скорей всего, я бы так же поступил на ее месте: оставил бы основной обоз в какой-нибудь всеми забытой деревушке, а сам немногочисленным, но более мобильным и опытным отрядом, проникнув в Уилтаван, сделал бы все свои дела, а уже потом, усилив отряд за счет наемников, продвигался к оставленному послу. Или даже шел прямо на столицу. Сейчас для них главное доставить документы, согласовывающие действия армий Вильсхолла и Бревтона. А ведь если такое случится и Винетта сумеет разгромить силы оппозиции, то «вашим величеством» никто больше никогда вас не назовет.

Допустим, этот наемник, и тролль из числа так называемых послов. Сейчас, верно, они уже соединились со своими и держат путь дальше. Куда?»

Яра мысленно представил себе карту, и следующая мысль настолько обрадовала его, что он едва не вскочил, дабы как можно скорее отправиться к лагерю ждущих его орков.

«Болота! Начинаются сплошные болота! Им нужно будет или сворачивать на юг, во владения Алассии, что граничит с самоубийством, или продвигаться на север вдоль Келебсира, а потом, в зависимости от того, каковы их дальнейшие планы, либо выходить на Западную дорогу, либо дальше, к горам Халлатетра. Допустим, несмотря ни на что, я сумею

убедить послов идти до самых гор. Тогда я им не завидую! Идти по пустынной местности, рискуя быть подвергнутым нападению горных троллей! А ведь там перевес будет на моей стороне. Остался только один вопрос. Как вынудить послов пойти на север? Как? И еще раз как?»

Усталость брала свое, и уже в полудреме в голове Регарда родилась очень заманчивая идея.

Ранней холодной весной 9239 года от создания миров в пригороде Вильсхолла в своем родовом поместье собственной смертью умирал старый король Гиер Десятый Неумолимый.

У ложа умирающего не было ни лекаря, ни священника. Только сын и один из близких слуг были там. Подглядывающие придворные так и не расслышали, что говорил отходивший Гиер. Видели только, как старый король шептал что-то близким своим, не то исповедуясь, не то прося о последнем желании.

Ближе к полуночи предстал Неумолимый пред Создателем. За час до кончины преданный слуга вышел из спальни с обеспокоенным бледным лицом и, удалясь в отведенную комнату, не вышел оттуда, даже извещенный о смерти сюзерена.

Шептались приближенные, и раз за разом в освещенных высокими свечами залах то тут, то там раздавалось зловещее: «предсказание», «проклятие», «судьба»...

В прощальное утро шел снег с дождем, и погребальный костер не желал заниматься. Только с шестого раза тело умершего было предано священному огню.

На глазах у тысяч собравшихся горожан языки пламени обняли намокшее тело. И случилось невиданное! Вылетели драгоценные камни из панциря парадного нагрудника. Стал он багровым, словно кровь, и черным, как зола, раздуваясь набухающим тестом. В мгновение ока грязный дым с печальным воем брошенного пса закрутился над внимавшей толпой, скрывая тело короля от глаз людских. И показалось, что камни вымощенной площади вздрогнули под ногами, когда в столпившихся вокруг людей полетели горящие дрова, куски плоти и железа.

Разогнал восточный ветер дым над разбросанным кострищем, и отступил зароптавший народ, передавая друг другу подробности устрашающего знамения...

С тяжелым сердцем молодой Гиер водрузил корону Вильсхолла на свое чело. Не давали покоя последние слова отца и знак Небес.

Смуга и страх охватили подданных королевства, когда Кровавый Властелин взошел на трон.

Многое случилось за прошедшие годы. Голод и мор сменялись нашествием варваров из-за Хрустального моря. На смену войне новая война пришла. Сам король объявил ее своему народу.

Вновь запыхали пожары по уже обобраным селениям и городам. Мрачные ряды виселиц с неугодными украшали путь в столицу. Не знал Кровавый пощады для тех, кто смел утаить хоть колосок, хотя крупинку одну в домах своих, пряча от сборщиков непомерных податей. Огнем и мечом строил Гиер новое королевство. И каждый раз, как в последний, пировал он на костях ослушников, причащаясь их жизнями, словно это могло воскресить отца из могилы, отодвинув час расплаты для рода его.

К концу четвертого года правления остепенился король, боясь издевок и оговоров соседей своих. Вернулись мир и спокойствие в царство его. Оправился народ, и начала возрождаться страна. И казалось, ничего не потревожит более сердца подданных, и будет

мудр и справедлив правитель его.

В один из дней представили королю мужчину и женщину знатного дворянского рода, дабы благословил помазанник Небес их брак. Узрев новобрачную, потерял Гиер покой в сердце своем, сраженный ее красотой. И, не пересилив желания похоти, надсмеявшись над обычаями, силой взял невесту вассала, благословя семенем своим сей брак.

Скрываясь от позора, молодая чета скрытно покинула Вильсхолл, и до самой смерти своей не узнал Гиер, что родился у него сын.

Только преданный слуга его проследил путь обесчещенных. Но не сказал о том владыке.

Как забывают о минувшем сне, позабыл Кровавый о минуте слабости. Он женился, выбрав себе в жены настоящую красавицу из далекой страны. Супруга родила ему дочь, прекрасную, как заря. Но, не вынеся мук родов, молодая королева умерла, даже не увидев своего ребенка.

Страшно излил свое горе король. Но мало кто знал, что не любовь к ушедшей супруге была причиной тому. Одно за другим исполнялись слова древнего проклятия, из уст в уста передаваемые в роду Гиеров.

Несмотря на пророчество, словно бросив вызов судьбе, обрушил король дождь из слез и крови на подданных своих, как дикий варвар, что восстал против богов, дразня их и издеваясь над ними в свой последний день.

Шли годы. Гиер не женился вторично. Принцессу Винетту в сопровождении старого верного слуги отправили в монастырь Королевы-Мученицы, дабы смогла она стать достойной своих предков. А в это время вдалеке от Вильсхолла подрастал ее сводный брат, нареченный в честь одного из предков Регар-Дом.

Сбежав из страны, молодая чета обосновалась у своего деда. Супруг простил своей жене грех, ибо знал правду, и растил мальчика как собственного сына, скрывая ото всех истинное его происхождение.

Но горе находит везде, где бы от него ни скрывались. Однажды, после набега северных дикарей погибла вся семья Регарда. Один лишь он спасся в тот день. Может, чудо спасло мальчика, а может, злой рок сохранил ему жизнь, уготовив иной путь.

Только один близкий человек остался у Регарда — граф Ходер, родной брат матери его. Но он был далеко и не знал о случившемся.

Оставшись один на улице, без дома, без средств, Регард познал и позор бродяжничества, и страх унижения, и боль отчаяния.

Один из ночных работников приметил мальчика и решил обучить его своему ремеслу. Способный ученик делал успехи, и вскоре его приняли в ватагу Делльи, где служил он приманкой для доверчивых купцов.

Но фортуна отвернулась от удачливых ватажников, и однажды они попали в засаду расчетливых солдат, уже давно охотившихся за Делльялом и его людьми.

Спасая свою жизнь, Регард очутился в лесу. Там далеко за полночь раненого и обессиленного и нашел его бор-От, звавшийся Рат-Йэвом. Он был ханг фахтром, сыном разных народов. Его мать была наполовину эльфийкой, наполовину человеком, а отец — и вовсе неизвестно. Великий боец, каких, мало осталось на этой грани Кристалла, удалился от мирской суеты в непроходимую чащобу Эрготовых лесов.

Бор-От выходил мальчика и, как того и следовало ожидать, начал обучать Регарда тайному искусству боя.

Что толкнуло его к этому? Боязнь, что его умение умрет вместе с ним? Никто так и не

сможет сказать.

Ответ умер вместе с Рат-Йэвом среди далеких восточных лесов.

В 9268 году, ровно за две зимы до битвы под Уилтаваном, преданный слуга, служивший еще Гиеру Неумолимому, отправился на поиски незаконнорожденного сына Кровавого Властелина в леса Эргота.

Не сердце тоскующего отца заставило вельможу пуститься в далекое путешествие. Как ни молод был еще король, но уже пришла пора задуматься о передаче наследства. Да и день свершения становился все ближе и ближе...

По древнему закону Винетта Гиер не могла претендовать на трон, потому как была женщиной. Кровавый, представив себе, что может начаться в королевстве после его смерти, повелел открывшемуся слуге найти Регарда де Ходера, задумав сделать его наследником трона.

Много лиг исколесил вельможа, разыскивая сына короля. Немало золота и сил был затрачено, но посланник короля таки нашел Регарда.

Разговор был недолгим. Изопренный в придворных интригах вельможа знал, как уговорить внебрачного сына Гиера принять предложение.

С учителем своим Регард расстался легко и без боли в сердце.

Доставив в родное королевство наследника престола, поселили его у ближайшего родственника по матери графа Ходера, скрыв, правда, истинную цель возвращения. Казалось, все идет по задуманному плану, но... Во время объезда владений своих гибнет король Гиер Одиннадцатый. И убивает его, как предсказано было, не человек, а нелюдь, какими мир полон. Не напрасно еще основатель рода гиеровского указом строжайшим запретил житие оных в королевстве своем.

Умер Кровавый Властелин... и не указал наследника своего, оставив страну, веками воздвигаемую, на растерзание вассалам, возжелавшим престола опустевшего. И политься бы крови в разброде великом, кабы не явились в день судьбоносный великие волшебники этого мира и не представили правителя нового по праву крови — дочь короля покойного Винетту Гиер, а ныне Вильсхолльскую.

Не всем по нраву пришлось это. Кто явно, а кто в сердце своем мысли непокорные затаил. Был среди последних и вельможа, Регарда возвративший.

Старых устоев и обычаев придерживался он. Не смогла душа и гордыня его смириться с взошедшей на трон женщиной. И замыслил он своими руками возвести на место ее Регарда.

Но не стал он сразу же претворять свои замыслы, ибо юг и восток Вильсхолла объаты были пожаром восстаний. Да и не было сил у него для скорейшего свершения задуманного. Ждал он того мига, когда сойдутся на поле бранном соперники с королевой Винеттой да переведут друг друга в сече последней, не оставив никого более, кто мог бы владыкой державы стать.

Помянув о способностях боевых Регарда, предложил он ему самому потрудиться для царствования своего. Но даже он не ведал, кого призовет к себе в помощь сын Гиера, пользуясь знаниями, что бор-От из Эргота ему передал.

Крепко пожалел слуга Гиера о содеянном, но не перевязать обратно Нити Судьбы, сотканые богами. В одном лишь убедился он: Регард не только по крови сын Кровавого Властелина, но и по духу его.

— Сэр, мы потеряли их, — доложил капитан.

— М-да, — разочарованно хмыкнул граф Алассия, — и ничего не сделаешь. Вот скажите, капитан, почему, когда стараешься поступать более-менее благородно, все получается через ж...

— Не так, как хотелось бы? — участливо подсказал рыцарь.

— Да, именно что не так... — кивнул потомок древнего рода, — как хотелось бы... — И замолчал.

Возникла неловкая пауза. Недолго помолчав, Алассия поднял голову и, встретившись глазами с рыцарем, не выдержал и громко расхохотался.

— Что предлагаете, капитан? — отсмеявшись, вытер выступившие слезы граф. Видя замешательство солдата, он покровительственно улыбнулся: — Все в порядке, говорите.

— Сэр, ваши люди пойдут за вами хоть на край света, если на то будет ваша воля. Но здесь мы можем нарваться на патрули «золотых»...

— Продолжайте.

— Если опустить этот риск, то я бы предложил выйти на Западную дорогу. Другого пути к столице просто нет.

— Болота... — удовлетворенно кивнул граф. — Что ж, можно и рискнуть. Полагаю, если наши друзья еще и не вышли на орков, то рандеву должно вот-вот состояться. Так что мы будем как нельзя вовремя.

— Простите, сэр... — закашлялся солдат.

— Что? — недоуменно нахмурился Алассия.

— Наш отряд, сэр. Половина наших солдат без лошадей...

— Знаю, — поморщился граф, — попробуем найти их в первом же ближайшем поселении. Или лучше вот что! Сколько до той деревни? День пути или больше?

— Где-то так. Вы хотите отправиться туда за лошадьми? Вряд ли у крестьян будет такое количество.

— А что делать! Хоть сколько. Отправьте пятерых конных, они нагонят нас позже.

— Осмелюсь предложить, сэр. — Получив молчаливое разрешение, капитан продолжил: — Насколько я помню, здесь недалеко есть деревушка. Одна из так называемых лесных. Можно заглянуть туда. Это недалеко.

Вакарочка подошла ко мне первой. Я было аж запел при этом, но вовремя сдержался, умудрившись принять умный вид. Как мамуля учила — усталый и равнодушный. Дескать, «муж полон дум и забот, и с вами, дурами, только время терять». Мамочка говорила, что такой тип морды лица обычно привлекает простушек из деревенско-городских местностей и даже породистых дамочек из дворцов и замков.

— Хочу спасибо сказать... — начала она, покусывая рассеченную губу.

— Хочешь — скажи, — пожал я плечами.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Вот и поговорили. Мы стояли и смотрели друг на друга, прямо как тогда Ватгиль на Йавиэвэн в далеком прошлом в Талат-Галене. Точнее, глазел я, а наемница слегка покачивалась, держась за бок.

— Ну... я пойду? — наконец решилась она.

— Иди... — не то равнодушно, не то с сожалением кивнул я в ответ.

Когда Рысь, развернувшись, сделала первые два шага, я, не выдержав, мысленно послал

подальше все мамулины поучения и наказания и стремглав бросился за ней вслед.

— Марга! Подожди, пожалуйста! — Она обернулась. Я подлетел, чуть не сбив ее наземь. — Это... это... — язык предательски запнулся, замер, и готовые слететь слова зависли над поляной стоянки.

— Что? — На меня смотрели усталые девичьи глаза. — Ты хочешь мне что-то сказать, Лукка?

— Да... — Я, замывшись, начал по своему обыкновению носком сапога ковырять в земле ямку. — Понимаешь, Марга. Я здесь подумал и решил, что... Короче, какие у тебя планы на ближайшее будущее? — начал я издалека.

— Планы? Ты имеешь в виду после этого дела? Вернуться в Фэн-Гиау, отдохнуть и, если повезет, наняться для следующего задания. Вот, например, ходят слухи, что через пару-тройку недель королева Улаи собирается нанять отчаянных молодцов для внеочередной заварушки. Если оплата будет подходящей, то наймусь с большим удовольствием. А что ты спрашиваешь? Есть какое-либо предложение? С интересом выслушаю.

— А тебе никогда не приходило в голову, — я маленько опешил от такого ответа, — попробовать более спокойной жизни?

— Это что-то вроде как выйти замуж, обзавестись детьми, курами и пузаном-мужем? А заодно самой заплывать жиром?

— Ты еще пару телят забыла... — в полном ступоре теперь уже из-за вышеуслышанного проямлил я.

— Каких еще телят? — непонимающе тряхнула головой воительница.

— Телочку и бычка. Для начала.

— Лукка, милый, ну что ты несешь?! Какие бычки и телочки! Ты только представь меня в каком-нибудь облезлом разваленном сарае...

— Неправда, я неплохо строю... — попытался я было возразить, но Марга, похоже, уже не слушала.

— ... вся в навозе, дергающая дойки паршивой, еле передвигающей ноги коровы...

— Никакие они у нас не голодные, а тем более паршивые. И вообще: все от хозяйки зависит.

— ... корячащаяся с необструганной, вечно разваливающейся мотыгой на кое-как взошедших грядках...

— В наших краях делают хороший инструмент, дед Архи научил.

— ... колющая дрова на пронизывающем насквозь ветру, чтобы не околеть зимой от холода...

— Согласен, зимы у нас и вправду холодноваты, но кто сказал, что я не смогу заготовить топливо для зимовки?

— ... и каждый раз прятаться от пьяного мужа, когда нелегкая, наконец, занесет его домой...

— Я решил бросить пить.

— ... дрожать над своими детьми, одеты ли они, сыты и здоровы, и будет ли что поесть им завтра...

— Я буду хорошим отцом.

— Кого? — вдруг остановилась она.

— А? Что? — вроде как ничего не понимая, остановился и я. — Марга, а почему ты в наемники подалась? — С таким жизненным опытом она просто рождена быть женой тролля

из Вечной Долины.

Только один вопрос еще тревожил меня: она ринулась в наемнический омут себе подходящего мужичка (то есть меня!) сыскать или на то были совсем другие причины?

— Таких, как я, — со злостью сказала она, — на дорогу войны привела ее родная семья! Все мое детство состояло из вечно пьяного отца и неразгибающейся в поле матери. И все годы мне твердили, что и я буду жить так же, ибо другой судьбы у меня просто не может быть. И однажды я сказала себе: лучше рискнуть погибнуть от меча или стрелы в бою и добыть себе лучшую долю, чем сдохнуть от побоев страдающего похмельем мужа!

— Я так и думал! — искренне согласился я. — «Да, милая, не повезло тебе уродиться не в нашей деревне».

— Лукка, а почему ты спрашиваешь обо всем этом? — вдруг нахмурилась Марга.

Я решил пока не говорить о своих истинных намерениях. Пока...

— Пожалуйста, не обижайся, но на какое-то мгновение мне показалось... Я повторяю: показалось! что ты будешь великолепно смотреться у детской кроватки с маленьким на руках.

И с чего Рысь только хмыкнула?

Вот и не случилось того, что в миру называют непонятным для меня, но таким таинственным и волнующим душу словом «любовь». И, оказавшись на грани полного краха своих сердечных мучений, я поспешил обратиться за советом и состраданием к бор-Оту.

— Учитель Айдо, — вежливо ткнулся я в него, — жизни научить обещали.

— Обещал, значит, научу, — не то обреченно, не то с готовностью подтвердил мастер.

Для занятий мы выбрали маленькую опушку недалеко от лагеря, и на закате, под щебетание пташек я и получил свой первый урок.

Из всего того, что наболтал мне Айдо, я уяснил только одно: парень я темный, женщины по своей природе еще темнее, и понять их можно, только если они сами того захотят. Да и то не всегда.

Однако не все так плохо, как может показаться на первый взгляд! Все еще хуже...

Как выяснилось, есть целый ряд специальных знаков, с помощью которых мужчины за пределами Вечной Долины добиваются расположения женщин. Особенно меня добила эта шутка с дарением цветов. Право слово, глупее я ничего раньше не слыхивал! Обрывать чужую, даже и маленькую жизнь для того, чтобы потом этот переставший радовать глаза веник был выброшен в лучшем случае на прокорм скоту. В худшем — просто как мусор.

И все это якобы для того, чтобы «милой было приятно и чувствовала она себя единственной и незабываемой». Или незабытой? Точно не помню. Тем более где здравый смысл? Чтобы я почувствовал себя незабытым, не надо вручать, например, мне охапку цветиков полевых. Лучше кусок хорошо прожаренного мяса. И холоденького пивка кувшин побольше в придачу.

На мои доводы Айдо только вздохнул.

— Я буду стараться, учитель, — поклонился я в ответ. Ну не показывать же почтенному старцу, что его наука и труд прошли сегодня мимо меня.

— Надеюсь... — кивнул бор-От и, собираясь добавить что-то еще, был невежливо прерван прибежавшим Купом.

— Мастер, у нас проблемы! — с ходу заявил он в свое оправдание.

— Орки?

— Хуже — граф Алассия!

Головорезы графа только что на нашу полянку не выехали! Все происходило недалеко от так называемого Западного перекрестка. По-моему, его правильно было бы назвать Восточным, но это, как говорится, дело не мое.

С самого начала мы ждали ночи, чтобы, под прикрытием темноты проскочив эту развилку, к утру оказаться у гор Халлатетра. А затем, пройдя вдоль них, выйти к столице Вильсхолла с севера.

Хорошая, наверное, была затея. Вот только теперь нам придется либо повременить с выходом, или, ничего не меняя, всего-навсего походя прищемить вездесущий дворянский нос.

— Предлагаю бой, — заявил Зунига. — Сейчас этот тип в ожидании устроится прямо у нас на пути и будет торчать там, пока это ему самому не надоест! А если нам двигаться в обход, то потеряем в худшем случае день.

— Или два, — заложил руки за спину бор-От. — Слишком прямолинейно, господин барон. У нас, если вы не забыли, один боец практически выведен из строя. А каковы будут потери после этого сражения?

— Лично я умирать не собираюсь, — отвернувшись, буркнул наемник.

— Мы можем себе позволить потерять пару дней? — выступила вперед Рысь.

— В принципе — да, — взглянул, я бы сказал, с некоторой печалью на темнеющее небо Айдо.

— А без принципа? — вклинился в разговор Рака.

— Время дорого.

— Мастер! — буквально вылетел из-за деревьев Синекура. — У нас проблема!

— Где-то я это уже сегодня слышал? — надоело мне стоять молча.

— На Перекрестке орки! — метнул эльф на меня порицающий взгляд. — Они на той стороне леса выстроились вдоль дороги.

— Что, прямо так построились и ждут? — обалдел я от наглости свинорылых.

— За кусточками попрятались! — огрызнулся следопыт.

— Народ может не морочить себе головы да пройти сторонкой? — осторожно предложил я. — А эти пусть разбираются между собой на здоровье! — Лучше б я это не предлагал...

Не прошло и четверти часа, как мы были готовы для дела.

Меня, Купа, братьев Храу и Асама-Заику в придачу Айдо отрядил вперед, снабдив якобы ценными указаниями. Остальные рассыпались по окрестностям, готовые во всеоружии постоять за чужую родину и наши шкуры заодно. Когда все встали, прицелились, приготовились — короче, были готовы, мы впятером, изображая беззаботных путников (и это бряцая доспехами и другим железом!), не торопясь и чуть ли не посвистывая, пошагали через этот Перекресток вроде как в сторону столицы.

Не прошли мы еще и десяти шагов, как за нашими спинами зашевелились кусты в радостном восторге солдатиков мятежного графа.

Держа что-то вроде строя и стараясь не оглядываться, мы плечом к плечу шли прямо на едва уловимый запах притаившихся свинорылых. Мое чуткое ухо улавливало нетерпеливый хрюк орка, шершавый шелест оружия, скрип натягиваемой тетивы. Нас ждали... И даже были готовы к торжественному приему.

Мне стало маленько не по себе. Не то чтобы я там перетрусил, просто я знал, что в

любой момент из-за ветвей может обрушиться целый град чернушек... сердце сжалось, а на спине выступил холодный пот.

За полполета стрелы первым остановился Куп.

— Эй, вы! — проорал он в зелень кустов. — Выходи все на свет — разговор есть!

В ответ недоуменная тишина.

— Не выйдут они, — шепнул я стоящему рядом Заике, заодно прикидывая, смогут ли орки выстрелить прицельно. — Если они не понимают, что происходит, то хрен выйдут.

— Воины вы или нет?! — продолжал тем временем надрываться Куп. — Не прячьтесь, покажите свои задницы, дабы мы могли всыпать по ним!

— Он все правильно говорит? — икнул я, второпях нащупывая топориче ахаста. — Айдо разве именно это приказал говорить?!

— Даже если и нет, то уже поздно... — промямлил Асама, в свою очередь как бы невзначай перемещая круглый щит на грудь и тут же вытряхивая из рукава метательный ножичек.

А этот... отца его в печень, парламентар как ни в чем не бывало продолжал горланить, доводя засадников до белого каления.

— Я к кому обращаюсь, дети грязи и вони! — Мда, вот уж завернул парень так завернул! Но орки вроде поняли: вон один пяточок показал.

— А ну выходи на честный бой, пока мы еще здесь! — Похоже, парня понесло окончательно. — Слышите меня, сесболдоус?!

— Кажется, зря он так... — охнул Заика, делая шаг назад.

Дружный негодующий рев только подтвердил опасение наемника. Вслед за воплем наружу вылетели орки. Все, как один: глаза горят, руки трясутся, с губ пена слетает.

— Гала ка ханг фахтр тара! А китау аш тэндх иву ораз Устах!^[16] — брызгая слюной, завопил крупный самец с кривым мечом в руках.

Яра только за голову схватился. Все пошло наперекосяк. Вместо того чтобы просто, подпустив поближе, перестрелять разведчиков «посла», а затем, прочесав окрестный лес, найти остальных, вся орда в едином порыве кинулась на раздразивших их людей. Да еще и с Лесным Камнем во главе. Лихорадочно соображая, чем все это может закончиться и как образумить обезумевшую толпу, Яра застыл, видя, как, увлекая орков за собой, люди устремились к дальней стене леса.

— Из луков бейте, идиоты! — крикнул было Регард, но осекся, пытаясь рассмотреть что-то сквозь деревья. Что-то там было не так...

— Милорд, они все бегут сюда! Прикажете отступить?!

— Поздно... — кусал губы Алассия, — они врежутся нам в спины. К бою! — громко скомандовал он, прекрасно понимая, что попался в ловушку: боя с орками ему не избежать.

— Солдаты, вперед! — прогорланил капитан.

— Отставить! — выхватил меч граф. — Все на месте. Спешиться. Стоять до последнего! Укрыться за щитами! Ждать!

«И ни одного лучника, как назло!» — в сердцах выругался граф, видя, как неумолимо сокращается расстояние между его людьми и ордой, загоняющей свою дичь.

«Сейчас они войдут в лес и оставят нас один на один с орками, а сами спокойно растворятся среди деревьев. Небо! как это бесчестно с их стороны...»

«Дичь» действительно, ворвавшись за деревья, кинулась в разные стороны, причем двое исхитрились пробиться сквозь ровный строй его солдат.

Пролетая мимо него, увалень с огромным топором в руках чуть сбавил свой бег.

— Графу наш привет! — вскинул он руку и, протаранив головой строй, прибавил ходу.

«Они еще и издеваются! — вздохнул Алассия. — Боги, какое бесстыдство. Куда мы катимся?»

Оказавшись за спасительными деревьями, я еще раз убедился в воинской мудрости Айдо. Недаром он послал самых быстроногих. Разобидевшиеся орки клюнули на нас, как тот сом на лягушку! Ничего не соображая, они устремились следом, даже не догадавшись стрельнуть нам в спины из луков и самострелов.

Наверное, солдатики вместе со своим графом только зубами скрипнули, когда до них дошло, чем сейчас все закончится. А уж когда Алассия попался мне чуть ли не под ноги, я был просто обязан если и не извиниться за наше поведение, то хотя бы просто поприветствовать высокопородистого человечка.

По-моему, этот хам даже не кивнул в ответ, когда я, поздоровавшись, расшвырял стоявших по струнке молодцев и ринулся дальше.

В условленном месте нас ждал учитель Айдо с парнями.

— Отлично! — приветствовал он. — Теперь не расслабляемся. Как только отдышитесь, сходим посмотреть, чем все закончилось.

Над лесом неслись вопли орков и людей под аккомпанемент бряцающих мечей.

— Лично я ставлю на графа, — высказался Зунига.

— Не знаю, не знаю, — прислушался к музыке боя Рака, — мне приходилось сталкиваться со свинорылыми. Бойцы они средние, но, доведенные до отчаяния или безумия, способны на многое.

— Ладно, сейчас сходим посмотрим, — вытер я пот с лица. — Пить есть?

Ильд-Ми сунул мне в руки деревянную флягу.

— Ну а ты, тролль, на кого ставишь?

— На боевую ничью, — смахнул я с подбородка кисло-сладкие капли вина. — У солдатиков щиты, тяжелые доспехи, а у орков только ярость. Но их больше.

— Парни, а там только орки были? — задумчиво спросил Айдо.

— Учитель, вы хотите спросить, был ли там человек? — выступил вперед один из Храу.

— Мы его не видели, — поддержал его брательник, — но не исключено, что он просто остался в засаде.

— Ага, тоже ждет, чем все кончится! — хмыкнул Резак.

— Правильно, посидит, подождет, а потом тоже пойдет глянуть, кто выиграл! — поддержал игру в догадки Эйн Рака.

Мы переглянулись, лихорадочно соображая.

— Подъем! — вскакивая, чуть ли не проорал бор-От. — У нас есть шанс все закончить еще до захода солнца!

Когда вдалеке зазвенела сталь, Регард, тяжело вздохнув, потихоньку начал выбираться из укрытия.

«Я так полагаю, ваше величество, что ваши доблестные воины имели честь сойтись с самим графом Алассией! Если, конечно, вы правильно разглядели цвета вымпела. Что же,

давайте поздравим нашего врага с успешным проведением этой несложной, но весьма красиво разыгранной операции». — Яра пристально всматривался в далекие деревья, за которыми скрылись орки.

«Конечно, есть огромный соблазн посмотреть, чем все кончилось. Так сказать, в чью пользу». «И что же, вы поддадитесь искушению?»

Из тридцати воинов Алассии осталось только пятеро. Против семерых орков. Все еле стояли на ногах, но, яростно пожирая друг друга глазами, были готовы драться до последнего.

Отбросив в сторону обломок меча, граф поднял с земли клинок одного из своих павших бойцов.

— Предлагаю сложить оружие, и тогда вы сможете сохранить свои никчемные жизни, — прохрипел дворянин, быстрым взглядом осматривая подобранный меч. — Итак, ваше решение?

Вместо ответа орки плотней сдвинулись друг к другу.

— Мы вам не помешаем? — раздался сзади насмешливый голос.

Граф резко повернулся на звук, уже зная, кого он увидит.

— Сударь, прошу вас успокоиться. — В окружении десятка отъявленных головорезов, скрестив руки перед собой, стоял маленький старичок в широком черном балахоне. — Вы, я вижу, узнали нас, — слегка поклонился мастер боя.

— Я узнал тебя тоже, бор-От! — неожиданно подав голос, вышел вперед один из орков. — Ты убил моих братьев. Мое имя Лесной Камень, и я хочу отмщения, тэндх.

— Хорошая речь, — кивнул старичок, — но только не сегодня, извини. Как-нибудь в другой раз.

— Ханг фахтр! — Взревев, орк кинулся вперед, высоко занеся меч.

В мгновение ока Айдо что-то метнул в вождя. Лесной Камень, застыв на месте, зашатался и, выронив меч, упал на колени и замер, что тот истукан.

— Парни, — неожиданно поникшим голосом изрек учитель Айдо, — эти... орки да и солдаты графа нам мешают... Мне очень неприятно это говорить, но я уверен, что вы знаете, что делать в таких случаях.

Коротко пропели изготовленные стрелы.

Двух дружных залпов оказалось достаточно. В живых остались только смертельно бледный Алассия и лежащий в беспомощности Лесной Камень.

— Надеюсь, ваша светлость не осуждает меня? — Подойдя вплотную к графу, бор-От вынул из его руки меч. — Не правда ли, вы на моем месте поступили бы так же?

— Вы прямо здесь убьете меня?

— Ни в коем случае. Вашу судьбу будет решать королева Винетта.

— Теперь с тобой, дружок. — Учитель Айдо, подсев к орку, ткнул его пальцем куда-то под дых. Свинорылый, дернувшись, жадно задышал.

— У меня к тебе только один вопрос: где сейчас человек, который привел вас сюда? Где вы должны с ним встретиться?

Орк только яростно хрюкнул, якобы гордо отворачиваясь.

— Я могу заставить тебя говорить... — прошелестел над поляной голос мастера боя.

Вождь орды вжал голову в плечи. На широком лбу выступили ягодки пота, неспешно сбегаая на отведенные в сторону глаза.

— Они за тем малым пошли, — объяснил Рака. — А нас этого сторожить оставили, — кивнул он на графа.

— Храу с Резаком умерли, — внимательно осматривая перевязь, буднично сообщил барон. — А как твой братец, жить будет?

— У него свадьба скоро, — зло брякнул я, поднимаясь с колен, — так что жить будет, никуда он не денется!

Зря я про это дело помянул... Сразу же вспомнилось, что помимо Дудиной гулянки должна быть и моя свадьба. А ведь я... Я с тоской взглянул на Вакарочку, и до меня дошло, что даже еще предложения по уму не сделал! Мамуля будет расстроена этим фактом. Причем «расстроена» — это не то слово! Мне сделалось очень нехорошо! Совсем...

— Лукка, с тобой все в порядке? — отпрянул от меня Зунига следом за Вакарой. — Побледнел ты вдруг чего-то.

— Куда они ушли? — прохрипел я не в силах больше сдерживать охватившую меня ярость. Мне захотелось как можно быстрее покончить с этим дрянным делом и спокойно заняться своим во благо себя и спокойствия всего населения Вечной Долины. И если при этом я немного отведу душу, оторвав пару свиных голов, то это только для всеобщей пользы и успокоения собственного нутра.

— Что ты задумал? — это Жгут вставил слово.

— Ничего особенного, — погладил я любимый баргаут, — немного поохотиться и больше ничего. Так, кто со мной?

Не то Айдо и компания не особо спешили, не то я их просто догнал. Со мной только Вакарочка увязалась, остальные решили позаботиться о мертвых.

Мы наткнулись на мужиков в тот момент, когда они судачили, кто с кем и куда пойдет. Не говоря ни слова, на пару с наемницей я устремился вперед. По тому, как она молча отправилась вслед за мной, я понял, что шансы на завоевание непокорного сердца ощутимо возросли.

Стараясь быть незамеченными, с луками на изготовку мы брели сквозь лес, во все глаза высматривая негодяя. Почти не переговариваясь, осторожно ступая по траве, усеянной опавшими шишками и ветками, мы углублялись в чащу. Где-то в глубине души я был готов плюнуть на все это, прекрасно понимая, что противник не станет дожидаться, пока мы придем и наспируем его стрелами, а уже давным-давно засел в своей уютной норе и со злорадством отвалил на боковую. Но упрямство и злость делали свою гнусную работу, и я только крепче сжимал баргаут и еще сильнее напрягал глаза, всматриваясь сквозь листву и хвою.

У нас говорят: «Терпение и труд даже камень перегрызут». Абсолютно с этим согласен! Чуткое ухо поймало шумный вздох не то облегчения, не то разочарования. Вакара молча указала рукой направление. Я пригляделся...

Как Регард ни старался, но, истратив весь запас «стрелок», он так и не смог даже задеть бор-Ота. Конечно, искушение было просто огромным: в первую очередь уложить старого мастера, а не этого вонючего орка, но Яра не мог рисковать — Лесной Камень мог успеть сболтнуть лишнего.

«Ваше величество, не кажется ли вам, что сегодня вы были явно не на высоте? Вы соизволите искать себе оправдание? Бросьте заниматься никому не нужным самоистязанием, лучше уносите ноги, пока ваши „друзья“ полностью не очнулись и не сели

вам на хвост!»

Сзади чуть слышно хрустнула ветка. Молодой бор-От остановился, внимательно прислушиваясь.

«Неужели все-таки выследили? — Оглянувшись, Яра нащупал под складками плаща Акай-ан-Лагу. — Надо отдать должное — довольно быстро».

Среди деревьев мелькнула пятнистая шкура оленя. С видимым облегчением Регард отнял руку от оружия и, отвернувшись от лесного красавца, собрался продолжить путь.

Каким-то внутренним чутьем внезапно он ощутил надвигающуюся опасность. Молниеносный прыжок в спасительную листву — и тут же над головой хищно просвистела длинная стрела. Сбивая на своем пути ветки и листья, она пронеслась мимо, с жадным чавканьем впившись в ствол столетнего дуба.

«А ведь из баргаута били! Глядите-ка все сюда: тролль промахнулся!»

Новый знакомец был действительно мастером! Конечно, может, и не таким, как Айдо, но, едва полторушка ушла с тетивы, как этот гад просто упорхнул с места в кусты, оставив меня ни с чем.

— Будь здесь, — шепнул я Вакаре, устремляясь вперед с топором наперевес.

— Эй, ты! — проорал я во все горло, выскочив на полянку, — Палач-самоучка, выходи, поговорим один на один, как мужчина с мужчиной. Или ты только со связанными и ранеными герой?!!

В ответ, не разбирая дороги, сквозь низкие ветки рванул красавец олень.

«Жакхе! Ужин уходит!» — с досады выругался я про себя.

— Ты звал меня, тролль? — раздалось сзади.

Спине вдруг стало холодно и деревянно. Я мог поклясться чем угодно, что этот малый стоит на расстоянии вытянутой руки, и, скорей всего, руки вооруженной!

Кувырок вперед, и, как только оказываюсь на ногах, не глядя, с разворота описываю вокруг себя ахастом широкий круг. Слава богам, паренек подскочил довольно близко, да не очень быстро. Правда, пригнуться успел и сразу же с земли метнулся ко мне, размахивая длинным, с широченным изрисованным лезвием у самой гарды мечом.

Теперь пришла моя очередь уворачиваться. Что я и сделал в лучших своих традициях: отпрыгнул в сторону, пропуская человечка и, конечно, сразу же пытаюсь достать его топором.

А он опять не дал себя подранить! Развернулся и замер в стойке, занеся в сторону меч, выжидая, когда я снова пойду в атаку.

Я и пошел!.. Натуженно рыча, пуская пену и тыча перед собой отточенным железом, как последний деревенщина. Малый только ухмыльнулся и, выписывая клинком в воздухе причудливые узоры, устремился навстречу.

Жах! Искры!.. Потное ненавистное чужое лицо... Мельтешение рук и свист стали... Тяжелое дыхание, вырывающееся из моей груди и ехидный смешок то сбоку, то сзади, то... даже непонятно, откуда именно...

Резануло плечо, и по руке заструилась кровь, я заревел еще сильнее и надбавил прыти. Кажется, раз попал, потому как новоявленный бор-От стал менее прытким. А может, просто устал?..

Теперь не было бестолкового мельтешения рук и оружия. Человек не пропадал с глаз. Стало значительно легче. Я смог отдышаться. Паренек выглядел не так лихо, как перед

началом боя. Лицо мокрое, волосы спутались на лбу, мешая глазам. Да и, судя по дрожащему кончику острия клинка, он действительно замаялся со мной.

Хотя, наверное, я выглядел не лучше. Спина взмокла, ноги дрожат, руки тяжелые, словно весь месяц без перерыва на обед дрова колот.

Сбоку свистнула стрела, и малый еле успел пригнуться.

Примирительно выставив ладонь, я сделал шаг назад и заорал во все горло, правда не сводя с человека глаз:

— Женщина! Что ты себе позволяешь?! — Я постарался вложить в голос побольше негодования и праведной злости. — Никогда не смей вмешиваться в разговор мужчин, если не желаешь хорошей порки!

— Чего-чего?.. — с вытянутой физиономией вышла Рысь из укрытия. — Ты сказал «порки»? Я не ослышалась?

— Лично я поддерживаю слова тролля, — вклинился в почти семейную разборку малый. — Женщина должна знать, где...

— ЗАТКНИСЬ И НЕ ЛЕЗЬ НЕ В СВОЕ ДЕЛО!!! — Это мы с Вакарой хором.

— Так кому ты, дорогой, обещал устроить хорошую порку, а? — уперла руки в бока наемница. — Ты, милый, случайно страх не потерял?!

Что-то жутко знакомое мелькнуло в памяти. Где все это я уже мог видеть? У себя в родимом доме или по соседству, когда Маленький Ирус объяснял своей женушке, Ляле Тердере, мамочке Тулипы, зачем нужны на белом свете жабы и другие комары. Но это так... все к слову. Слава Небу, я знал, как ставить на место зарвавшихся детей и жен.

— Ты спрашиваешь, кому я обещал устроить хорошую порку? — небрежно сгоняя намокшие волосы назад, повернулся я к Марге. — Тебе. А что?

Покрасневшая наемница, казалось, хотела прожечь во мне взглядом пару дырок. Так и не найдя, что ответить, она обратилась к моему противнику:

— Слышь, малый! Да, тебе говорю! Быстренько даешь себя убить, а потом я научу этого деревенского увальня правилам хорошего тона!

— Что вы, сударыня! я могу и уступить. Прошу вас, не стесняйтесь. Я подожду своей очереди... если, конечно, она наступит.

Вот такого хамства от них обоих я никак не ожидал! Внутри все по новой закипело, и я, уже совсем опустив ахает, ткнул пальцем в Маргу:

— Ты хорошо подумала о том, что сказала?! А раз так, держись! — Я уже было сделал первый шаг, как вспомнил о новоявленном бор-Оте. Может, он, конечно, и мастер боя, даже где-то и воитель, в смысле человек чести и все такое, но... я сомневался, что он будет бесстрастно наблюдать за нами. Скорей всего, гадость какую-нибудь выкинет! А раз так!..

— Теперь ты! — обратился я к нему, походя резко вплевав обухом ахаста малому между глаз. — Стоишь здесь и никуда не уходишь!

Паренек свел глаза на переносице, обиженно икнул и в конце концов завалился на спину.

Бросив топор и сжав кулаки, я пошел на нахалку, на ходу выплевывая сквозь зубы клич семейных перепалок:

— Волосья выдеру, глазищи выцарапаю, зубы вышибу, уши пооткусываю!

— Ах так! — Отбросив лук и отцепив пояс с ножнами, Вакара сжала кулачки и достойно поддержала словесный ритуал: — Дурак неотесанный, пьянь деревенская, скотина безрогая! Если ты считаешь, что я позволю тебе...

Что она там мне собралась позволить или нет, я так никогда и не узнал. Слова кончились, и в ход пошли кулаки. Мы от души мутузили друг друга, таскали за волосы, действительно пытались отгрызть уши и носы. Пару раз, сцепившись в нелюбовных объятиях, мы прокатились по лежащему без сознания малому, отчего он стал немного плоским и даже придавленным.

Все закончилось не моей победой. И не Рыси. Явился Айдо с ребятами и, быстро оценив происходящее, изрек:

— Не знаю, чем и когда все это закончится, но эти ребята просто идеально подходят друг другу.

Яре (так, оказывается, звали молодого негодяя) и графу Алассии крепко повязали руки и, поставив в середину нашей ватаги, неспешно повели до Вильсхолла.

Мужики особо не роптали и не возмущались, а, спокойно приняв свою участь, маршировали рядом. Хотя временами и поглядывали в сторону, не иначе как собираясь дать деру. Будь я на их месте, уже давно разбросал бы всю охрану и подался в чащобу.

К сожалению, за Дуди мне посчитаться не дали. Впрочем, как и товарищам за Резака. «Ну, ничего, — шептал я про себя, вышагивая рядом с охающим всю дорогу братцем, — уверен, королева воздаст тебе по заслугам, дружок свинорылых».

Рана маленького Дуди выглядела так, как может выглядеть рана любимого и близкого родственника — ужасно и начинала опухать. Чем, надо заметить, и пользовался больной не то на голову, не то все же на плечо тролль. Всю дорогу он откровенно капризничал, требуя всякие глупости. Например, чтобы я шел только рядом и далеко не уходил, в другой раз ему, кровь из носа, возжелалось маминых пирожков да еще и прямо сейчас — вынь да положь! Я и вынул... из своего заплечного мешка завалившийся, черствый, начавший плесневеть кусок оного. Вместо благодарности Дуди выдал длинную, в самых лучших семейных традициях отповедь на тему жадности, сострадания и братства.

Под занудное бормотание Дуди прошел день... следом другой. К концу второго дня неспешного пути на лесной дороге за клубилась пыль, и в вечерних сумерках блеснули желто-золотые одежды торопящихся навстречу всадников.

— «Золотые» королевы, — облегченно вздохнул Жгут.

— Значит, скоро получим денежки, — довольно, но все же устало усмехнулся Зунига, — а там до дому... до хаты... так сказать...

— Поживем — посмотрим, — как-то напряженно и сквозь зубы молвил Куп. — Что-то здесь не так... Может, я на воду дую, но что-то у этих ребят слишком рожи довольные... Даже — чересчур!

— А чего бы им быть недовольными? — возникла Рысь. — Дело закончено, живые при своих, можно и порадоваться!

— Посмотрим... — закончил разговор Айдо. — Лично мне все это не по сердцу: уж слишком вовремя... они появились.

Кавалькада подкатила ближе, и я смог рассмотреть этих парней. На вид такие же «золотые», с которыми я сталкивался полтора года назад. Думаю, если что... подышают они так же.

— Именем королевы, кто вы такие и что здесь делаете?! — вскинул в приветствии руку ближайший к нам всадник.

— Мы — посланники королевы Винетты в славном королевстве Бревтон, — вышел вперед Куп. — С кем имею честь?

— Капитан Ромтангет к вашим услугам, господин посол, — моментально спешившись, чуть не до земли поклонился служивый. — Нам поручено встретить вас, сударь. Встретить и в безопасности проводить вас до столицы.

— Вы сказали «в безопасности»? — поинтересовался мастер боя. — Нам что-то угрожает?

— Господин Айдо, если не ошибаюсь? — снова поклонился «золотой». — Эти леса просто кишат орками. Да и в пригороде нынче неспокойно.

— И поэтому королева Винетта послала вас, не так ли?

— Нас направил господин Измони.

— Старый перестраховщик, — кивнул Куп, — искренне благодарю вас, господа.

— Это наш долг, сударь.

— Говорю сразу, — продолжил Куп, кивая на Алассию с Ярой, — беречь как зеницу ока. Они нужны нашей королеве живыми.

— Вас понял, — отсалютовал капитан, внимательно вглядываясь в пленных. — Если не ошибаюсь, это не кто иной, как мятежный граф? А кто этот молодой человек? Его лицо мне весьма знакомо...

— Кстати, мне тоже, — шепнул я Купу. — Дружище, а ты случайно не узнаешь его?

— Второй день мучаюсь, а все без толку, — сквозь зубы ответил он. — Прибудем в Вильсхолл, разберемся.

Так как было уже довольно темно, а до города еще далеко, то единогласно было решено заночевать прямо здесь. Конечно, не прямо на дороге, а на ближайшей симпатичной полянке.

Как я обрадовался, что ночной караул взяли на себя «золотые». Да и не только караул, а еще и готовку ужина! Это было так любезно с их стороны...

Солдатики шустро поставили походные шатры и разбежались — кто сторожить покой, а кто помогать по хозяйству: дрова рубить, костер жечь, кашу мешать, поляну накрывать.

За раскинутым прямо на траве столом-скатертью, Ромтангет поднял стакан красного:

— Я пью за вас, господа. Нет смысла говорить, что вы сделали для блага нашего королевства и победы истинной королевы. Я пью за будущее, которое вот-вот станет явью. За королеву и вас, господа! — И первым опрокинул в себя вино.

Все, исключая, правда, тех, кто на посту, и Айдо, который во всеуслышание поклялся ничего крепче воды и молока не употреблять, последовали примеру Ромтангета. После второго тоста на полянке стало заметно веселее, и я уже начал помышлять о том, чтобы, рискнув, по новой подкатиться к Вакаре. Но то ли после долгого воздержания и неспокойных дней и ночей, то ли вино было слишком крепким... короче, я захмелел и, улучив момент, выбрался из-за «стола» и завалился спать, обнимая заплечный мешок, как самую мягкую в мире подушку.

Все началось, когда Две Сестры, встретившись на звездном лугу, рука об руку побрели в ночь. Я проснулся от такой рези в животе, что хотелось выть. А еще...

После недолгого анализа ощущений до меня дошло, что я... первый раз в жизни по-настоящему отравился!

Сжав руками живот, словно это могло утихомирить боль, я, осторожно ступая, направился к ближайшим кустикам. Каково же было мое удивление, когда там я встретил... брата Дуди!

— Животик болит, — пожаловался он, — а дядю графа и того, другого бьяку, увезли.

— Бывает, — начал торопливо развязывать я ремень.

— А еще, они все куда-то собрались. И без нас... — печально добавил троллик.

Только потом до меня начало доходить, что он сказал! Сквозь листву я видел, как «золотые», собрав пожитки, выстраивались полукругом вокруг НАШЕГО шатра, торопливо натягивали луки с явным намерением пострелять.

— Эй, эй! — подхватив спадающие штаны, ринулся я сквозь заросли. — Мужики, вы что делаете, а?!!

У обернувшихся были такие лица, точно само Отродье перед ними явилось. «Золотые» начали было разворачиваться, но тут Ромтангет подал голос:

— Он не угроза! Солдаты, делайте свое дело!!!

Недружно полетели стрелы, вспарывая полотнища шатра.

Заорав, как ошпаренный, я ринулся вперед, яростно размахивая кулаками. Трое, что поближе, моментально вскинув луки, выпустили навстречу стрелы. И беседовать мне сейчас с Небесным Троллем, если бы не запутался я в собственных штанах. Позорно растянувшись на траве, я слышал, как над головой очень нехорошо просвистело.

— Так нечестно! Так не играют! — появился Дуди, — Вы же за нас! Мы же за вас! А ВЫ?!!

— Первый-второй-третий — шатер! Четвертые — тролли! — пролаял Ромтангет, выхватывая меч.

В руках у меня, в смысле оружия, лишь изрядный пучок травы, а у Дуди та веревочка, что служила поясом.

Когда Айдо учил меня по уму, то есть правильно, махать кулаками, я не очень прислушивался к нудению старого мастера, справедливо полагаясь на свою силу, сноровку и бычью выносливость. Сказать, что я сейчас об этом пожалел? Чуть-чуть... Не помню я точно, куда как ногу ставить, рукой опереться, в себя вдохнуть, из себя выдохнуть. Именно поэтому вместо задуманного прыжка я и пропахал по земле голой задницей, основательно перемешав траву с хвоей. В очередной раз запутавшись в собственных штанах, я в сердцах быстренько стянул с себя нижнее тряпье и немедля заехал этим оружием по морде ближайшего солдата. Таким образом бьют надоедливую муху на стене, не вовремя вылезшего на свет таракана и любимого супруга, протянувшего свои руки-крюки к чужой юбке. Малый опрокинулся на спину, не забыв при этом завопить и схватиться за глаза. Его товарищи на мгновение замешкались, за что тоже получили по мордам.

Пока стояли крик да ругань, я подобрал с земли оброненный меч и, завывая стаей оголодавших волков, на пару с последовавшим моему примеру Дуди ринулся на расстреливающих палатку солдат.

Надо было видеть лицо предателя-капитана, когда он, обернувшись, узрел нас — полуголых, но вооруженных, мчащихся на подмогу товарищам.

— А... э... оп-с... — только и смог он сказать, прежде чем клинок поздоровался с его шеей.

Оставшиеся без командира «золотые» растерялись и, наверное, с испугу перенесли стрельбу на меня с братцем. Дуди плюнул на семейную гордость и подался обратно в кусты, прихватив по дороге что-то еще из железа. В то время как я, опешив от такой гнусности, не нашел ничего умнее, как поднять первый же заваливающий труп и закрыться им как щитом. Нет, а что стоять и ждать, пока меня обильно настигают стрелами?

Пока «золотые» упражнялись в меткости по уже мертвому сотоварищу, из изрядно продырявленного шатра вылезли Айдо с Купом и Заикой в придачу. Не говоря ни слова, мужики стали разить «золотых» направо и налево, словно духи смерти, вышедшие из своих нор на полуночную кормежку.

«Золотые», как говорится, попали между кулаком и мордой. Сбившись в кучу, как блудные овечки, они пытались дорого продать свои никчемные жизни. Повторяю: пытались!

Уцелело только двое... и то только затем, чтобы, дергаясь в веревках, — под угрожающее шипение поджаривающихся пяток поведать нам о подлой судьбе, что вывела их на путь предательства под чутким предводительством капитана Ромтангета.

Но это потом... А сейчас, когда пот и кровь были смыты, мы выносили из палатки тела... наших товарищей.

Храу... Рака Цепь... барон Зунига... Жгут... Саймон Синекура — все они были мертвы. Выжили только Ильд-Ми и Марга Вакара. Корчась от боли, они не могли даже говорить, не то что ходить, а тем более сражаться.

— Скорей всего, яд действует только на людей, — буднично разъяснил Айдо, разглядывая спокойное лицо покойного ученика. — Куп и Заика — они же эльфы, поэтому отравы на них не подействовала. Я вообще не пил, а девушка и Ильд-Ми только пригубили. Если к утру не умрут, то жить будут.

Глядя на муки любимой, почувствовал себя мучительно.

Я отодвинул в сторону эльфов... ухватил за шиворот пленных... и, дотасив их до еще не затухшего костра, устроил так, чтобы их ноги...

— Клянусь, мы не знали, что нам прикажут вас убивать! Мы не знали о яде! — Ароматный дымок свежешареного мяса щекотал ноздри.

— Это все капитан! Честное слово, это все капитан! — надрывно хрипел другой. — Он велел нам принять перед едой порошок, сказав, чтобы мы не задавали лишних вопросов.

— Первый раз в жизни слышу такую брехню... — я подкинул немного хвороста в огонь, — расскажите лучше что-нибудь более интересное. И желательно правдивое.

— Мы говорим правду! — это они на два голоса.

— Где наши пленники? — присоединился к разговору Куп.

— Их передали другому отряду. Там, в двух лигах отсюда. — «Золотой» обливался потом. — Да погасите же огонь! ЗАКЛИНАЮ ВАС!

— Какому еще отряду?

— Лукка, погаси огонь, — раздался сзади печальный голос мастера Айдо. — Я уверен, теперь они скажут все...

Я с тоской и ненавистью смотрел на тела парней. Корчившуюся Маргу.

— Они скажут все сами, — положил мне на плечо руку учитель.

— Как знаете... — прошипел я, сбивая ногой огонь.

— Нас подняли два дня назад. Сказали, что надо провести одно дельце. Отобрали только ветеранов: тех, кто служил еще покойному королю, — временами жмурясь от боли, перебивая друг дружку, каялись «золотые». — Вышло человек пятьдесят. Главным был назначен Ромтангет. Он сам принес приказ и сам отобрал людей. По дороге сюда мы подобрали мужика. Шага (это один из наших) узнал его — он раньше в личной гвардии Гиера в сержантах ходил.

— Михаэль! — переглянулись мы с Купом.

— Вроде так его зовут, — кивнул подкопченный. — Так вот. Этот самый мужик о чем-

то долго с Ромтангетом говорил. Капитан приказал выдать ему лошадь, оружие и взял с собой. А за день до того, как вас встретить, отдал ему под начало тридцать наших и велел слушаться как самого себя.

— Когда вы пошло с отравой сожрали, — продолжал второй, — Ромтангет отправил того, молодого, с графом в сопровождении пятерых к оставшемуся отряду, а мы... вот... — и замолчал, потупив глаза.

— Прибьете, поди? — жалобно спросил солдат.

— А зачем? — жестом остановил меня бор-От. — Бойцы вы уже никакие: даже ходить нормально не сможете. А лишний раз кровь лить... — Он посмотрел на укрытые полотнищем тела. — Сделаем так. Мы сейчас уходим. Вы остаетесь здесь. Своих похороните, наших тоже. А потом: хотите в казармы — хотите по домам. Дело ваше. Но предупреждаю: в следующий раз попадетесь под руку... Я сам, лично... и не с ног начну. Все ясно?

— Учитель, — обратился я к старому наставнику, — а может, все же надо было этих?.. — Я провел большим пальцем по горлу.

— Не уподобляйся зверям лесным, если себя к ним не причисляешь, — зло отмахнулся он.

— Ну-ну... — пролистал я в голове картинки последних дней, тем временем рассматривая лошадей, на которых нам предстояло ехать.

Ильд-Ми и Вакару попросту привязали к седлам, впрочем, как и Дуди, который залез на лошадь первый раз в жизни.

Как я ни упирался, но меня таки водрузили на лошадь. Ни я, ни вороной мерин от этого счастья не испытали. Коняга хрипел и зачем-то все время пытался цапнуть меня за ляжку. После повторного, точнее, четвертого знакомства с моим кулаком животинка оставила свои замашки, хотя я и чувствовал, что наступит момент, и она меня либо живьем съест, либо об землю расшибет.

— На ель корова взгромоздись... — печально изрек Асама-Заика, наблюдая за моей нелегкой борьбой за выживание.

«Ель? Корова? Что он плетет?!» — Мысленно махнув рукой, я только сильнее сжал коленями бока лошаденки. Жеребец обреченно вздохнул и с трудом сделал первый шаг.

— Слушай сюда, — громко объявил Айдо, когда все были готовы. Я натянул поводья, по привычке сделав это так же, как если бы сидел на телеге.

— Лукка, не увечь коня. Резвиться дома будешь, — недовольно пробурчал бор-От.

— Да. Конечно. Сейчас, — обливаясь потом, я старался и в седле удержаться, и коня на копыта вернуть.

— Дружище, ослабь поводья, — посоветовал Куп, — ты что, первый раз на коня сел?

— Нет... — животину повело вбок, но она еще не падала, — второй!

— Лукка, осторожней, пожалуйста! — подал испуганный голос братец. — Не сломай шейку лошадке: она еще может в хозяйстве сгодиться!

— Постараюсь, — пробормотал я, пролетая сквозь колючки кустов.

Когда я, ругаясь и отряхиваясь, вернулся к ухмыляющейся во всю морду коняге, Айдо уже закончил давать указания.

— В двух словах, Висельник, — Заика с любопытством разглядывал мой костюм, — едем вперед. Кто против нас — того меж глаз, по команде «шухер!» уходим огородами. Понял?

Молча кивнув, я чуть ли не с разгона взобрался в седло — невесть с чего лошадь присела на задние ноги.

— Э-э-э! — замахал ручонками над головой братик. — А как ею управлять?!

— Добром это не кончится... — мотнул головой Куп и, тронув свою лошадку, неизвестно к чему еле слышно добавил: — И никуда я не полечу... и никаких тор... — И чего там еще я не расслышал: вороной, вместо того чтобы пойти вперед, начал, шустро переступая копытами, вращаться вокруг себя. Когда я наконец приловчился управлять этой непослушной скотинкой, насладиться конной прогулкой мне не удалось — в начале дороги самым настоящим галопом на нас кто-то скакал.

— А, Отродье и все, кто сверху! — выругался Куп. — Не успели уйти! Их раз в пять больше, а у нас двое раненых...

— И двое столбов, — закончил Асама, глядя, как я с братцем проезжаю дальше мимо.

— Лукка! Дуди! — забесновался учитель. — Что ж вы, сукины сыны, делаете?!

Я беспомощно переглянулся с троллем.

Бывают дни, часы, моменты, когда все понимаешь с полуслова. Особенно родное существо... в смысле брата...

Я сполз с коня. Дуди, шустро перерезав веревки, кое-как опустился на землю и встал рядом, трепетно вытаскивая на свет свой незабываемый двуручный бат-мат-ляп или как он там по-другому называется.

Расчехлив ахаст, я заодно ослабил ремешки, удерживающие ножи и меч Яры, торжественно всунутый мне как военный трофей.

— Валите отсюда, — приготовив лук к бою, я встал рядом с братцем. Дуди одобрительно кивнул, воткнул свою оглоблю в землю и также достал баргаут.

— Уводите раненых, а мы тут с братцем немного пошумим. Все равно у нас пешком лучше получается.

— Не дури, Лукка! — Куп нагнулся ко мне. — У нас еще есть шанс спастись вместе!

— Мой братик сказал «валите»? Значит, «валите»! — недовольно выговорил тролль и хлопнул по заду ближайшую лошадь.

— Эх, сюда бы сейчас да «эльфийский веер»! — накинул я на тетиву стрелу. — Что, братик, повеселимся?

— Да разве это ж веселье? — насупился троллик. — Вот домой вернемся и на свадьбе действительно повеселимся! Сначала на твоей... потом на моей... наверное...

— Почему «наверное»? — Выпущенная мной стрела сшибла всадника под копыта несущейся следом кавалькады. — Или ты жениться раздумал?

— Точно еще не решил... — полторушка Дуди угодила в лошадь. Бедная зверюшка споткнулась и завалилась на землю. Об нее другая, следующая...

— Добрая запруда получилась, — похвалился братик, заряжая следующую стрелу. — Ты только мамуле не говори, ладно? Вот женюсь я, и что дальше будет? Сидеть на привязи у дома да телят гонять? Скучно...

— Тогда чего ты хочешь? — подстрелил я до кучи еще одну невинную лошадку. Под ржание и вопли курган рос прямо на глазах.

— А ты смеяться не будешь? — Дуди раз за разом выпустил четыре стрелы туда, за горку из тел.

— Обещаю! — торжественно кивнул я, повторяя удачный ход братца.

— Я вот на тебя смотрел. На дедушку Айдо и ребят из деревни. Хорошие, веселые. Чтс

ни день, то с ними что-то новенькое происходит.

— А семейные дела тебя больше не трогают? — высмотрел я одного умного «золотого», додумавшегося кинуться в лес не иначе как в обход. Со злорадным жужжанием полторушка угодила в его мужественный зад.

— Скучно... — грустно повторил тролль, с сожалением рассматривая опустевшие колчаны.

— Как думаешь, а не пора ли и нам отсюда? — засунув баргаут за спину, я достал топор. — Пока они завал разгребут, пока то да се...

— Пошли... — бесстрастно пожал плечами Дуди. — А куда?

— В смысле? — сошел я с дороги в лес.

— Куда нам идти?

— А? Ну... — и замолчал, беспомощно разведя руками. — А вот где с ребятами встречаемся, мы-то и не договорились...

«Провал! Полный провал! Вот что я Винетте скажу?! — В сердцах эльф ударил себя кулаком по бедру. — Если, конечно, в живых еще останусь!»

— Да не переживай ты так! — попытался успокоить мерно покачивающийся в седле Асама. — Ну, не сложилось, ну, не получилось, сам-то ведь жив!

Вместо ответа Куп только с досадой посмотрел на земляка.

— Все! Молчу... — отвернулся наемник.

— Куп, подойди сюда, — поднял руку Айдо, остановившись у перекрестка. — Тебе это ничего не напоминает?

Взору подъехавшего эльфа предстали останки давно сторевшего дома.

— «Берлога Вурдалака», — ухмыльнулся эльф, — был здесь такой трактир. Мы его с Дио по пьяни спалили. И здесь же с Луккой и Дырявым Мешком познакомились.

— Тоже по пьяни? — поддел Асама-Заика.

— Они тогда за Винеттой отправились, — не обращая внимания, продолжал эльф, — здесь недалеко монастырь Королевы-Мученицы.

— Женский? — мечтательно прищурился Заика.

— Это не монастырь, а тюрьма какая-то! — пустился в воспоминания Куп. — Широкий ров, стенам замок может позавидовать, мать-настоятельница — настоящий генерал.

— Эй, подожди! — подскочил наемник. — Это тот самый монастырь, что вы разгромили?

— Говоришь, стены практически неприступны? — Бор-От внимательно взглянул на привязанных к седлам Вакару и Ильд-Ми. — И далеко до него?

— Тогда, а это было зимой, мы добрались до него пару дней.

— Долго...

— Так мы же на повозке ехали. Несколько раз в сугробах завязли. Сейчас, если хорошей рысью, то за день и доберемся. А что такое, мастер?

— Сколько убитых? — отвлекся Яра от созерцания следов троллей, терявшихся в лесу.

— Двое убитых, четверо раненых, — поклонился Михаэль, — и еще мы потеряли двух лошадей, господин.

— А еще время... — прищурился Регард на полуденное солнце, — и веру...

— Простите? — недоуменно переспросил бывший сержант.

— Раненых только четверо? — недоверчиво улыбнулся молодой бор-От.

— Серьезно — четверо. Ушибы и вывихи не в счет. Какие будут указания? Прочесать лес?

— Ни в коем случае. — Яра ощерился. — Даже если мы и найдем троллей, то ничего этим не добьемся. Я так понимаю, что мастер Айдо бросил этих молодцов не столько на прикрытие, сколько для того, чтобы запутать свои следы.

«Что ж, ваше величество, давайте рассуждать логично. — Сын короля, заложив руки за спину, отвернулся от слуги. — У них двое раненых. Необходимо несколько дней, чтобы они встали на ноги. В столицу они не пойдут: игра еще не закончена. Отсидеться в какой-нибудь деревне? Опасно: селяне могут выдать в обмен на свои жизни и спокойствие. В лесу? Также небезопасно и нет подходящих условий. Что остается? Горы Халлатетра... Где-то там монастырь, в котором воспитывалась моя сводная сестричка. А это должный уход... относительная безопасность...»

— Михаэль, к северу от столицы есть монастырь Королевы-Мученицы, ты знаешь до него кратчайший путь?

— Да, господин. Вы полагаете, они там?

— Или там, или уже в столице. Полагаю, стоит сходить... посмотреть...

— Господин, позвольте задать вопрос, — склонил голову сержант. Получив разрешающий кивок, он продолжил: — Что делать с графом Алассией?

— Великолепный Ловар де Сус? Отпустите его на все четыре стороны. Мне он неинтересен. Пока...

— Мне казалось, он ваш враг...

— И что же? Хотя... — Регард де Ходер задумался. — Хотя, может, вы и правы. Приведите графа ко мне.

Хотя де Сус и был внутренне спокоен, но, когда его привели к Яре, граф внутренне затрепетал. Он уже догадался, кем был этот молодой человек... чьим сыном.

— Сударь, вы знаете, кто я? — Алассия кивнул. — Хорошо, мне говорили, что вы человек чести, и поэтому я спрашиваю вас, надеясь услышать откровенный, правдивый ответ. Итак, если я дам вам свободу и вы вернетесь домой живым, каковы будут ваши дальнейшие действия?

— Честно говоря, еще не знаю... — расправил плечи де Сус. Он понял, что от его слов и их правдивости зависит не только его жизнь, а возможно, и судьба. — Отправляясь в этот поход, я ожидал узнать, кто вы, и, уже исходя из этого, планировать свои действия.

— И каковы же они теперь?

— Я в растерянности. События последних дней полностью изменили мои планы. Но теперь я знаю одно: если вы призовете меня под свои знамена, то я готов прямо сейчас принести клятву вассальной верности. И эта клятва будет дана от чистого сердца, а не из-за страха за свою жизнь.

— Отлично! Я принимаю ее. И первое, что я потребую от вас, — это молчание. Никто: ни ваши друзья, ни кто другой не должны знать о моем появлении и тем более о нашем союзе. Живите, как жили... и ждите моего приказа. Вы все поняли?

— Да... мой король!

Обогнув Вильсхолл с севера, Айдо с эльфами и ранеными вышли на равнину перед горами Халлатетра. В вечерних сумерках взору изможденных всадников предстали зловещие стены знаменитого монастыря

— Вот он — монастырь Королевы-Мученицы, — объявил Куп, щуря красные от усталости глаза.

— Прямо замок какой-то, — восхищенно покачал головой Асама-Заика.

— Изначально сооружение действительно возводилось как замок, — в первый раз за прошедшие сутки разомкнул губы бор-От. — Как загородная резиденция Гиеров. Но в один прекрасный день по никому не известным причинам был совершенно безвозмездно передан Единой Церкви, которая и превратила его в монастырь.

— Интересно, что это был за приступ невиданной щедрости? — ухмыльнулся Куп. — Насколько я знаю это семейство, они за обрезанную монетку нищему глотку перегрызут. А здесь — аж целый замок...

— И земли, с которых монастырь не платит ни одного из многочисленных налогов! — продолжал Айдо. — До меня доходили слухи, что это плата за молчание...

— Все это, конечно, весьма интересно, — попытожил наемник, — но у меня один животрепещущий вопрос: мы стучимся или зря сюда приехали?

Вместо ответа Айдо слегка тронул лошадь, направляя ее к стенам монастыря.

— Куп, а где здесь ворота? Что-то я их вообще не вижу! — нарушил тягостное молчание Асама.

— По-моему, вон там! — вскинул руку эльф, указывая на выделяющуюся из серой стены свежую кладку камней. — Мы же тогда взорвали ворота и часть стены. Кажется, это они и есть.

— Шустро отстроили! — восхитился Заика. — Видать, с деньгами и рабочей силой у сестер проблем нет.

— Замолчали оба! — резко прикрикнул мастер боя. — Подъезжаем.

Лошади встали у самого края рва. Всадники спешили, оставив раненых Ильд-Ми и Маргу Вакару привязанными к седлам.

— И долго мы так будем стоять? — шепнув, толкнул Купа наемник, когда ожидание затянулось. — Может, посигналить надо?

— Стой и молчи, — раздраженно отмахнулся эльф, — нас заметили, еще когда мы выбрались из леса. В тот раз мы полдня под стенами проторчали, пока они не соизволили обратить на нас внимание.

— Дурь, однако... — сплюнул сквозь зубы Асама. Загремели цепи опускаемого моста. Айдо, тихо приказав ждать, взошел на него, отправившись к воротам..

— Кто вы, и что вам здесь надо? — прошипел женский голос из смотрового окошка.

— Я бы хотел видеть мать Элизабет, — вежливо поклонился бор-От.

— Для чего? — явно нервничала монашка по ту сторону окна.

— Попросить помощи и ночлега, — снова поклонился Айдо, — у нас двое раненых, и все мы нуждаемся в отдыхе.

— Ступайте с миром отсюда. Мы помолимся за вас Богу Единому и Матери Его, — монашка осенила себя знаком креста в круге. — Здесь рядом город, там вас и приютят.

— До Вильсхолла все же далековато, а мы можем заплатить за постой. — Айдо вынул из-за пазухи кошелек. — Как насчет золота, сестра? Или мать Элизабет предпочитает плату землями короля Гиера?

Послушница, чуть ли не подпрыгнув на месте, унеслась прочь с удивительной для ее фигуры проворностью. Бор-От только усмехнулся ей вслед, пряча обратно пустой кошелек. Скоро послышались быстрые шаги, и в окне появилось сухое морщинистое лицо

настоятельница.

Женщина долго рассматривала просителя, явно в растерянности, что с ним делать.

— Ваше имя, сударь? — наконец просипела мать-настоятельница, стукнув посохом о деревянный настил.

— Мое имя Айдо. Если угодно, мастер Айдо. Думаю, вы обо мне слышали.

— Новости редко посещают эти стены, — уклончиво ответила мать Элизабет. — Что вы хотите от смиренных слуг Господа нашего?

— Двоих моих друзей пытались убить с помощью яда. Насколько я разбираюсь в этом, они должны были встать на ноги еще сегодня утром, но, увы, их состояние не улучшилось. А нам предстоит еще долгая дорога.

— Кто еще с вами?

— Два эльфа. Они из числа послов ее величества королевы Винетты Вильсхолльской в Бревтоне.

— Троллей случайно нет? — У старого мастера от такого вопроса буквально отвисла челюсть.

— Нет... — наконец выдавил он из себя.

— Выходит, вы послы Винетты. Я правильно все поняла? Тогда почему вы не идете к своей королеве? Здесь ехать-то всего ночь да день.

— На это есть причины, сударыня, о которых я не могу говорить, — уклончиво ответил бор-От.

— Политика... интриги... суета... — недовольно проворчала старуха. — Ладно, обождите немного. — И, повернувшись к мастеру спиной, проковыляла в темноту монастырского двора.

Чуть-чуть погода снова натужно заскрипели цепи, и широкие ворота плавно поползли вверх.

Около тридцати «золотых» въехало в заснувшую деревню. Стучали копыта, гремела железная упряжь, скрипели кожаные седла под тяжестью седоков. То в одном, то в другом доме зажигался осторожный свет лучин, и настороженные крестьяне с испугом и надеждой вглядывались в мутные стекла окон: кого пригнала к ночи судьба, чего ждать... Или, как и два года назад, пряча баб и детей по погребам, в тайные лесные места хвататься за немудреное оружие, выходя против супостата?

На площади, около крытого колодца, двое всадников сошли на землю.

— Это было здесь, господин, — тихо проговорил один, — на этом самом месте.

Второй, закутанный в длинный черный плащ с капюшоном, кивнул и, не торопясь, устроился на *поговорной скамье*.

Немного посидев, молча созерцая вытопанную вокруг землю, он встал, опираясь о начинающее гнить дерево сруба. Осторожно, словно боясь разбудить духов, таящихся на самом дне, опустил ведро в горло колодца. Набрал воды, долго пил. А когда наконец оторвался, чуть слышно прохрипел:

— Холодная... и соленая... — Он повернулся к склонившемуся Михаэлю: — Может, это кровь?

— Здесь много подземных ключей, господин. Возможно, из-за этого?

— Может быть... может быть...

— Пусть милостивейшие господа простят меня за неучтивость... — по-собачьи нагнув

голову, из темноты появился староста, — но...

— Что тебе нужно, старик? — резко развернулся к нему Регард де Ходер, сын Гиера.

Отставленное ведро соскользнуло вниз и, с грохотом ударяясь о стены колодца, полетело на дно. И звук этот, как тревожный набат, разлился над сжавшейся в страхе деревушкой, где встретил свой последний час Проклятый Король — Гиер Одиннадцатый Кровавый.

— Господи милосердный... — увидев лицо Яры, осенил себя священным знаком отшатнувшийся крестьянин, — Господи Милосердный! Король восстал!

И бросился прочь, чувствуя, как в животном страхе сжимается у горла сердце и, слыша, как нагоняет его восставший дух, чтобы утащить за собой на самое дно пылающего царства Отродья.

— Теперь по королевству пойдет слух, что король Гиер вернулся, — ухмыльнулся Михаэль вслед удирающему селянину. — А новый-то староста не в пример прежнему — пошустрей будет.

Яра посмотрел на говорившего так, будто бы увидел в первый раз в жизни.

— «Король вернулся»? — сел Регард на коня. — Что ж... — он повернулся к солдатам, — сжечь здесь все!

Ближе к рассвету в келью, отданную эльфам, настойчиво постучали. Еще в полусне Заика моментально просунул руку под циновку, нащупывая рукоять меча.

— И кто-й-то там? — отозвался на стук сонным голосом Куп. Оглянувшись на него, Асама успокоился — земляк полусидел на кровати с изготовленным для броска ножом.

Дверь открылась, и в пустом проеме появилась фигура Айдо.

— Доброй ночи, мастер, — опустил было поднятую руку Куп.

— Скорее утро... — Бор-От вошел в низкую комнату. — Надеюсь, выспались?

— Что-то случилось? — поднялся навстречу наемник.

— Думаю, вам стоит на это взглянуть. Втроем они вышли на южную стену монастыря.

Далеко, на самом горизонте еле видно пылал маленький огонек.

— Это ж Вильсхолл, что ли? — завертел головой Асама.

— Вильсхолл дальше и в стороне — всматриваясь вдаль, ответил Куп. — Если я не ошибаюсь, то через эту деревушку мы шли, возвращаясь в Заблудший Лес.

— И именно там Лукка и убил отца Винетты. Ведь так? — нахмурился бор-От. — Сколько отсюда?

— По времени? Ночь пути. Если, конечно, не заблудятся. Мастер, — Куп повернулся к Айдо, — вы считаете, что это...

— Я уверен! — мрачно отрезал старый учитель.

— Так что, мужики, тикаем? — вмешался наемник. — Если да, то знайте, я Маргу не брошу, даже не просите! — Под ледяными взглядами товарищей он осекся.

— Мать-настоятельница утверждает, что яд уже практически перестал действовать, и завтра к обеду наши друзья будут на ногах, — прервал молчание Куп.

— Значит, к обеду все будет ясно, — подвел черту Айдо. — Идите к себе и постарайтесь уснуть — завтра мне будут нужны свежие, полные сил бойцы.

Когда эльфы удалились, бор-От не спеша отправился на прогулку по крепостной стене. Опытный глаз примечал слабые места в каменной кладке, определял, куда будет лучше встать лучникам, разместить горящую смолу...

«Размечтался, старый дурак! — в какой-то момент остановил он себя. — И где ж ты столько людей возьмешь?! Из монашек, что ли? Скажи спасибо, если мать-настоятельница тебя прямо на копья сверху не скинет. А так сиди здесь сколько хочешь — стены практически неприступны».

Мастер боя оказался на северной стороне монастыря. Сквозь легкую туманную дымку утра выступали серые уступы гор Халлатетра. «А ведь не так уж и далеко, — отметил бор-От про себя, — при желании можно за полчаса-час добраться». Но тут же все внутри старого мастера взбунтовалось — даже он не рискнул бы связываться с горными троллями.

«И как только не боятся? — восхитился про себя Айдо, мельком глянув на окна келий-казарм. — Здесь же еще и орков полным-полно!»

Проснувшись, Марга боялась пошевелить головой — она просто раскалывалась. Но, к немалому удивлению, уже через час боль ушла, уступив место поистине звериному голоду. Наемница поняла, что сейчас готова сожрать целиком зажаренного кабана. До самой последней косточки. И то, скорей всего, будет мало.

Опустив ноги на холодные камни пола, Рысь только сейчас сообразила, что находится не то в тюрьме, не то в каком-то монастыре.

«Скорей всего, монастырь, — решила она, рассматривая красующийся на стене деревянный крест в круге. — Да и решеток на окнах нет. Значит, все-таки монастырь... Ну, хорошо... И что же я здесь делаю?»

Взгляд девушки остановился на столе, покрытом большой черной скатертью, под которой что-то топорщилось. Осторожно ступая, чтобы не возникло лишнего шума (мало ли что!), Вакара подошла к нему и сдернула скатерть.

Рот моментально наполнился слюной, голова закружилась, Марга закрыла глаза. Немного постояв, она потихоньку открыла сначала один глаз... затем второй... — видение не пропадало.

В центре стола гордо возвышалось широкое блюдо с аппетитно пахнущей жареной курицей. Вино, сыр, зелень, каравай свежего хлеба, незнакомые закуски, мелко нарезанные ломтики вяленой рыбы, миска соленых грибов, фрукты и что-то еще, отчего изголодавшийся желудок требовательно застонал, заурчал, толкая девушку вперед, заставляя ее схватить первое, что попало под руку, разорвать это крепкими зубками и, даже как следует не прожевав, проглотить, утоляя голод.

Остановилась Вакара, только когда еда уже не лезла в горло.

— Да, девочка, за стол в приличном обществе тебя лучше не сажать!.. — раздался от двери насмешливый голос мастера боя.

— Ик! — поперхнувшись, сыто рыгнула наемница.

— Таз с водой и всем, что нужно, в углу (если ты не заметила). Приведи себя в порядок. — Айдо неторопливо взял в руки яблоко.

Пока Рысь, разбрызгивая воду, шумно плескалась, бор-От, поигрывая яблоком, смотрел сквозь окно на высящиеся пики гор. Был уже полдень, и, как это бывает в последние недели лета, неистово пекло солнце. Айдо, закрыв глаза, представил, как в полях колосится пшеница, над садами парит аромат спелых фруктов, а неугомонные детишки, урывая последние жаркие дни, с визгом ныряют с невысокого обрыва в зеленые волны Келебсира и, выныривая, выглядывают на берегу строгих отцов, спешащих вернуть родное чадо к нудной домашней повинности.

Айдо повернулся к вытирающей лицо воительнице, с грустью вздохнул. Молода, красива... Живи она где-нибудь среди нормальных людей, отбоя бы от женихов не было. Глядишь, нашла бы себе хорошего парня, вышла замуж, родила кучу прелестных черноволосых ребятишек, чтобы через годы, глядя на внуков, радуясь, наслаждаться заслуженным покоем старости с еще крепким, но до сих пор любящим мужем-стариком.

Да... жизнь... И вместо свадебного вышивания в ладонях рукоять тяжелого меча, а кувшин с вечерним парным молоком корявая судьба подменила на другой, с крепким, обжигающим нутро вином, так быстро прячущим в подпол памяти минуты боли и собственной жестокости, от которых на трезвую голову начинаешь сходить с ума...

— Я готова, мастер. — Веселый девичий голос выдернул бор-Ота из размышлений.

— Вижу... — сильная рука осторожно положила спелое яблоко на подоконник, — вижу, тебе намного лучше.

— Еще как! — радостно воскликнула Марга. — Чувствую себя словно на свет заново родилась. Полна жизни и сил! И готова даже без оружия, голыми руками разорвать первого, кто встанет на нашем пути!

Образ пожилой счастливой четы задрожал и начал таять, неожиданная слеза скатилась по глубокой морщине.

— Может, тебе, девка, родить? Так... для разнообразия. — Яблоко обиженно хрустнуло, готовое вот-вот превратиться в желто-зеленую кашу.

— Чего?.. — открыла ротик Вакара. — Мастер, с вами все в порядке?

— Идем. По дороге расскажу, как ты сюда попала и что нам сегодня предстоит, — сдержав себя, оторвал ладонь от раздавленного плода старый бор-От.

Во дворе их встретили эльфы с краснощеким и улыбающимся Ильд-Ми.

— Мастер, — не разжимая губ, проговорил Куп, — у нас две проблемы.

— Если ты о «золотых», что выстроились у рва, так это уже не новость и еще не проблема. А что еще стряслось?

— Кажется, меня узнали... — воровато зыркая по сторонам, признался эльф.

— Бойтесь, что его бабы побьют! — усмехнулся Заика. — Что, молодец, дел натворил и ни-ни под венец?!

Куп только скорбно посмотрел на земляка.

— Не признавайся до последнего, — успел шепнуть Айдо, заметив спешащую к ним монашку. — Нам нужна защита этих стен и помощь монастыря. Отпирайся...

— Вас мать Элизабет к себе зовет, — поклонилась женщина.

— По вашу душу пришли? — настоятельница кивнула на ставших лагерем солдат.

— Эти, что ли? — недоуменно протянул бор-От. — Понятия не имею! Может, просто мимо идут?

— Сударь, не морочьте мне голову, — устало вздохнула монашка. — Что вы такого натворили, если вынуждены скрываться от королевы, дорогие послы?

— Это они, а не мы... — поправил ее Куп.

— Да-да! — кивнул Заика. — Это все они, а мы — существа мирные, безобидные.

— Заткнись, — пнула его коленом в зад Вакара.

— Сударыня, прошу вас поверить на слово, но мы действительно послы Винетты Вильсхолльской. А эти люди не кто иные, как перебежчики на сторону врагов королевы. Заговорщиков то есть, — пустился в объяснения Айдо.

— И они стремятся уничтожить вас, потому как вы везете очень важные сведения и

документы. Ведь так? — закончил а за бор-Ота мать Элизабет. — Очень хорошая сказочка. Но могли бы сочинить что-нибудь и поинтересней.

— Это к автору, — вздохнул Ильд-Ми и в наступившей неловкой тишине добавил: — Забудьте!..

— Хотите верьте, хотите нет, — начал по новой мастер боя, — но все это правда. А по поводу этих, — он кивнул на солдат, — если они ворвутся сюда, то они здесь камня на камне не оставят.

— Верю... В это я верю охотно, — улыбнулась старая женщина. — Только здесь одна неувязочка: ворваться сюда невозможно. Эти стены неприступны. У меня сейчас другой вопрос. Ты! — ткнула она в Купа. — Полтора года назад ведь именно ты приезжал сюда за Винеттой якобы по поручению ее отца?

— Не я! — честно признался эльф.

— Не ты? — недоверчиво прищурилась старуха.

— Честное слово, клянусь! — прохрипел эльф. — Чтоб мне... мужчиной не быть!

— Ох, смотри, малой, — погрозила пальчиком настоятельница, — не будешь!..

— Матушка-настоятельница, — к собравшимся, запыхавшись, подбежала монашка, — солдаты вас требуют.

— Все сразу? — поднял бровь Заика.

— Нет, один только. Он у самых ворот стоит, вас ждет.

— Раз ждет, значит, пойдём, поговорим, — стуча посохом по каменным ступеням, начала спускаться мать Элизабет и, внезапно остановившись, повернулась к посыльной: — Эй, а как он через ров перебраться-то умудрился?

Изрядно натрудив ноги, мы с братцем очутились на окраине леса только к рассвету следующего дня.

— Кушать-жрать хочу, — надоедливо сообщил тролль в сто какой-то раз за прошедшую ночь и сегодняшнее утро.

— Травку пожуй, — устало посоветовал я.

— И пить! — капризно надул губищи братик.

— Из лужицы хлебани, — за ночь эта и предыдущая фразы были отшлифованы мной до блеска.

— А еще родственник... — это от Дуди я уже тоже слышал. — И не козел я, слышишь?!

— Слышу, слышу... — принялся я. В воздухе носилось что-то этакое аппетитное... но ужасно пережаренное.

— Еда!.. — подтвердил мою догадку троллик. — Завтрак готовят.

Переглянувшись, мы дружно ускорили шаг по направлению к цели. Осторожно ступая, мы выдвинулись из леса и растерянно замерли, глядя на...

— Завтрака не будет, да? — обиженно промямлил братец. — Все уже сгорело, да?

— Ага... — только и смог сказать я, рассматривая руины сожженной деревни.

Кое-где, хитро потрескивая и глядя нам вслед, еще горел огонь. Дымились обугленные бревна, выставляя напоказ закопченные печи. Было тихо... И именно так, как бывает, когда умирает стойбище, в смысле человечья деревня.

Мы шли по улице, что еще вчера была главной. Конечно, она и сейчас главная, только вот пуста, безлюдна и больше похожа на то, что обычно остается после разбойничьего набега.

— Гобло? — потянулся братец за своим двуручным резакон. Я лишь пожал плечами в ответ, вытаскивая из-за спины ахаст.

Если бы это были действительно гоблины или орки, то они увели бы скотину с собой. Ан нет — наверное, вся домашняя живность бродит вокруг пепелищ. Что-то здесь не так.

Мы вышли на площадь, и я вспомнил эту деревеньку: именно здесь, возвращаясь к Скорпо в Заблудший Лес, я походя и свернул шею королю Гиеру. За что он и оставил мне очаровательную памятку на ноге, которая время от времени заставляла меня хромать.

— Дуди, ты хотел пить? Вон колодец, — кивком головы указал я на водопой.

— А ты? — заспешил тролль.

— Пригляжу... а то мало ли что. — Пока братец набирал воду уцелевшим ведром, я внимательно оглядывался вокруг, высматривая хоть одну живую человеческую душу.

— Брр-грх-гхххх., — захлебнулся тролль, отбрасывая ведро в сторону.

— Ты чего?! — немедленно развернулся я к нему. Вместо ответа Дуди молча ткнул в расползавшуюся по земле... розовую лужу.

— Подожди! — Полный нехорошего предчувствия я подошел к ближайшему догорающему дому и, найдя нечто более-менее подходящее в качестве факела, вернулся обратно. Как можно осторожнее я свесился в колодец, освещая дно.

По осени у нас в стойбище битком набивают бочку с соленой водой свежими огурчиками, чтобы по зиме можно было полакомиться ими уже в малосольном виде. В этих краях вместо бочки используют колодцы, а вместо огурчиков — людей.

Заложив по обыкновению руки за спину, Яра терпеливо ждал настоятельницу, поглядывая на двор монастыря через смотровое окошко, оставленное открытым недотепами монашками.

В ожидании старшей монахини он с интересом обозрел ворота несостоявшегося «жилища» своих дедов.

Монастырь строился как неприступный замок, в котором можно было отсидеться от осаждающих врагов, имея малочисленный и даже необученный гарнизон. Яра был знаком с такими постройками: в свое время учитель Рат-Йэв хорошенько вбил в голову нерадивого подростка искусство постройки оборонительных сооружений.

Скорей всего, этот замок возводили науги, гномы далекого юго-востока, великие мастера на все руки. Именно в Науге придумали строить башни с опускающимся мостом, который в то же время служил и воротами. Сложная система блоков и водных резервуаров давала возможность управлять процессом спуска и подъема одному-единственному человеку. Регард знал, что дальше, за мостом, находятся тяжелые толстые ворота с решеткой, сломать которые никому не под силу. Конечно, сказывали, что был на днях один случай, когда именно эта хитроумно продуманная конструкция поддалась врагу. Но, как утверждают рассказчики, здесь не обошлось без сильнейшей магии и злого чародейства. Сын короля только улыбнулся этим рассказням: он прекрасно был осведомлен о своеобразном свойстве фэла — взрываться, уничтожая и сметая все вокруг. Одного только не мог понять Яра: каким образом эта дрянь почти два года назад смогла попасть за стены божьего дома. И сколько же ее было, если эти стены, не выдержав, рухнули?

Перестав размышлять о всех перипетиях строительства, Регард постарался сосредоточиться на предстоящем разговоре с настоятельницей: было необходимо уговорить ее выдать беглецов. Конечно, у молодого человека, как и у каждого хорошего игрока,

существовал свой козырь в запасе, но Яре не хотелось пускать его в ход именно сейчас. И не только потому, что последствия могли быть для него весьма плачевными, просто незачем раскрывать все карты раньше времени.

— Это ты хотел говорить со мной? — недовольный старческий голос вывел Регарда из размышлений.

— Добрый день, матушка Элизабет, — вежливо поклонился Яра. Капюшон еще скрывал его лицо.

— Кому добрый, а кому нет, — брезгливо поджав губы, ответствовала монахиня. — Что ты за гусь такой, не пойму я что-то. Ты бы тряпочку скинул, а? Рожу твою не могу рассмотреть.

— О, сударыня, конечно! — усмехнулся Яра, не спеша отбрасывая капюшон. — Вы уж простите меня, тетя Эли... совсем забыл о правилах хорошего тона.

Старуха впиалась глазами в знакомое лицо, еле сдерживаясь, чтобы не закричать.

— А я уж думала, что призраки являются только по ночам, — справившись с собой, она заговорила спокойным ровным голосом.

— Чего только в жизни не случается... — довольный произведенным эффектом снова улыбнулся Регард. — Предлагаю оставить вопросы на потом и сразу перейти к нашему делу. Чтобы вы не мучились догадками, скажу сразу: да, я сын короля Гиера и в скором будущем собираюсь сесть на трон вместо своей сводной сестрички.

— У тебя нет на это права. Хоть в тебе и кровь Гиеров, но все же ты незаконнорожденный. Попросту говоря, ублюдок.

— Ну зачем же так грубо, тетя Эли? Мне казалось, вам хотелось бы встретить смерть в уютной постели, а не на руинах выторгованного шантажом замка. У меня есть предложение: отдайте мне ваших гостей вместе с их жизнями, и я не буду сносить вашу богадельню до основания.

— Даже если тебе удастся совершить переворот, народ и дворяне не пойдут за ублюдком.

— Во-первых, королевским ублюдком. Во-вторых, народ подчинится кому угодно, лишь бы это была сильная мужская рука, а не пухлая женская ручка. И последнее: дворяне уже начали присягать мне на верность...

— Один трус не в счет. — И не обращая внимания на недоуменное лицо собеседника, продолжила: — Тебе не поднять королевство, дружок: кредиторы замучают. А ни денег, ни достаточной власти и связей у тебя пока нет. Да и в ближайшем будущем не предвидится...

— А как насчет винных подвалов королевского дворца, мать Элизабет? — Лицо Яры исказила злобная усмешка. — Что такое, сударыня? Что у вас с глазами? Или вы еще не оставили идею обогатиться за счет королей?

— Это не твои деньги... они принадлежат церкви... — прохрипела настоятельница.

— И именно поэтому вы и пытались заставить Винетту постричься в монахини? Чтобы после смерти нашего батюшки на законных основаниях завладеть королевством, дворцом и всем тем, что находится в его подвалах, ведь так? Не кажется ли вам, что это уже слишком: двести лет самого гнусного шантажа, которые довели Вильсхолл до нищеты, а затем еще и обобрать его до последней нитки!

— Если бы нам удалось задуманное, мы создали бы свое королевство, — мать Элизабет всю трясло, — страну, основанную на порядке и законе. Божьем законе!

— Сколько патетики, пафоса! И ведь все это ради блага народа Вильсхолла, не так ли?

Закончим пустые разговоры. Вот мои условия: вы отдаете старого козла и его друзей. Живыми или мертвыми — мне без разницы. Взамен я оставляю вас в покое сейчас и в будущем, когда стану Регардом Вильсхолльским. Представляя, что творится у вас в голове, прямо сейчас ответа не жду — хорошенько все взвесьте, подумайте, не торопясь. Если до заката устраивающего меня решения не будет, штурмую монастырь.

— И ты осмелишься поднять руку на жилище невест Господа нашего?

— Если вы полагаете, что эти стены неприступны, то глубоко заблуждаетесь. Даже имея всего тридцать солдат, я возьму ваш монастырь. А по поводу последнего... Что же это получается, нам, помазанникам божьим, на чужих невест уже и посмотреть нельзя? А там как получится... где смотрины проведем, где свадьбу сыграем...

Еще до экзекуции в деревне Яра путем нитей грани сумел отослать весточку Уча Игону — старому шаману северной орды. Как и было условлено заранее, резервная ватага орков ждала сигнала в северо-западных лесах королевства недалеко от подножия горной гряды. И сейчас, видя, как из-за деревьев нестройными рядами выходит сотня обещанных бойцов, молодой Гиер возликовал — теперь старому пню, еще носящему гордое звание «бор-От», пришел конец. Как и его дружкам.

— Раненый Вепрь приветствует друга великого шамана! — поднял левую не то руку, не то копыто орк. — Мы здесь, чтобы исполнить долг чести, тэндх.

Яра только мысленно помянул всех уродцев царства Отродья: однажды Рат-Йэв разъяснил значение «тэндх». Слово произошло от оркского «урод». Так что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что имели в виду свинорылые, говоря о людях.

До Вепря дошло, что сказал он что-то не так. Сердце орка вздрогнуло от страха: шаман предупредил его, что человечиска — великий воин, бор-От, а значит, шутки с ним плохи.

Регард все это понял по его глазам, заматавшимся из стороны в сторону.

— Вождь готов к бою? — пристально вглядываясь в морду орка, четко выговорил человек.

— Да, — чересчур усердно кивнул Вепрь, — где щал-тия? Где враг? Орхсс готов к смерти и победе.

— Отлично! Но нам нужна только победа. Сержант, — обратился он к стоящему рядом Михаэлю, — через какое-то время опустится мост, поднимутся ворота и решетка. Как только это произойдет, вы сразу же атакуете.

— Простите, господин, но мне казалось, что вы хотели дать им время на раздумье.

— Правда? Что ж, сдержим слово... Тем более что до заката не так уж и далеко. Но поверьте мне, мать Элизабет скорее совершит грех самоубийства или еще того хуже — кинется в язычество, чем пойдет на уступку. В этой игре у нее свои цели. И по сравнению с ними мои — так... детская шалость на ярмарочном празднике.

— Будь у меня сейчас добрый эльфийский лук, я бы снял этого ублюдка прямо отсюда, — громко посетовал Заика, наблюдая переговоры Яры с орками.

— Не стоит сожалеть о том, чего не можешь сделать, — нравоучительно посоветовал мастер Айдо, облокотившись на край крепостной стены, — лучше подумай о том, каким образом они могут проникнуть в замок.

— Мастер, уж не считаете ли вы, что «золотые» на пару с хрюшками действительно пойдут на штурм, — хрипло рассмеялась Вакара, — эти стены неприступны!

— В пору бурной молодости я одно время тоже был наемником, — начал рассказывать бор-От.

— Вы дрались за деньги? — не поверил Ильд-Ми.

— Это было давно и не в этих краях. Нашу ватагу нанял целиком местный князек. У него случилась ссора с другим таким же князем. Этакая соседская размолвка между друзьями, что иногда происходит на веселом пиру из-за кусочка посочнее. Ну да дело в другом. Замок врага был хорошо укреплен и практически неприступен. В какой-то момент мы даже хотели отказаться от контракта — настолько безнадежным казалось дело. И вот мы уже были готовы уходить из-под стен, как кто-то из наших совершенно случайно обнаружил, что одна из стен дала трещину — замок был старым.

— Совершенно случайно? — усмехнулся Асама.

— Так оно и было, — кивнул мастер боя, — близко к стенам не подойдешь, могли подстрелить, да и ров к тому же. Просто у парня был очень зоркий глаз, вот он и разглядел то, что другие не увидели. Дождавшись ночи, несколько отчаянных ребят смогли подняться по уступам этой трещины наверх. После короткой схватки (их просто никто не ждал), потеряв лишь одного бойца, засланные опустили мост и открыли ворота.

— Поучительная история, мастер Айдо. — Оказывается, во время всего рассказа настоятельница была рядом. — Вы полагаете, что у этого мальчишки есть шанс захватить монастырь?

— Шанс есть всегда, — поклонился Айдо.

— Он требовал ваши головы. — Монахиня, встав рядом с бор-Оттом, прищурившись, смотрела на вставшего лагерем врага. — Конечно, было искушение принять его условия, но...

— Вы не были уверены, что он сдержит обещание не трогать монастырь?

— А вы, сударь, не дипломат... — укоризненно покачав головой, мать Элизабет повернулась к собеседнику, — странно, что человека с таким несдержанным языком Винетта сделала своим послом. Хотя вы и правы... к сожалению. Я считаю, что, заполучив вас и ваших друзей, он не уйдет и попытается атаковать.

— Значит, в укреплении есть слабые места?

— Вроде нет. Но я прекрасно знаю его покойного батюшку, а мальчик характером, кажется, пошел в него. Так что он вывернется наизнанку и сделает все возможное и невозможное, чтобы захватить монастырь.

— А кто у нас батюшка? — влез в разговор Асама.

— Король Гиер, — просто сказала настоятельница, глядя на опускающееся солнце.

— Деревья Винг-Сая! — шумно выдохнул Куп. — А я еще ломаю себе голову, откуда я знаю этого малого!

— А говорил, не был здесь... — укоризненно покачала головой мать Элизабет. — Кто ж тебя, парень, за язык-то тянул, а? Всю жизнь себе поломал...

— В смысле? — оторопел эльф.

— Потом узнаешь, — махнула рукой старая женщина и снова повернулась к мастеру боя: — Если мы разобрались с родословной, то продолжим. Все не так просто, бор-От. Не знаю, поймете ли вы меня, но скажу так: веет от него... чем-то таким...

— Силой?

— Да... наверное. И еще... — Она так посмотрела на окруживших ее воинов, что те отступили назад, оставляя стариков один на один. — Я не ведуныя, не ясновидящая. Но

иногда и у меня случаются вещие сны...

— И что же вы увидели?

— Может, через год, а может, и через десять лет, но все здесь порастет травой, и, кроме тварей лесных, здесь не будет ни одной живой души. Монастырь падет, и холодный ветер будет гулять среди разрушенных стен и жилищ. Я не знаю, когда и из-за чего это случится. И мне очень хочется, чтобы сегодняшняя ночь не положила начало тому, что мне приснилось. Так что весь монастырь в вашем распоряжении, мастер. Сестры вооружены и собраны во дворе в ожидании ваших приказов. Спасите их жизни и тела, о душах побеспокоюсь я. И еще... — Настоятельница воровато оглянулась и зашептала на ухо бор-Оту: — Если ты, старый козел, спасешь их, убережешь монастырь и отправишь ублюдка следом за отцом, я открою тебе, как и ради чего молодой Гиер появился на сцене. И не думай, что все так просто — лично я не уверена, что сам он доживет до того дня, когда, сместив Винетту, сможет сесть на трон. Ты все хорошо понял?

Не столько от страха, сколько из опасения чтобы все это не приписали нам, мы с Дуди стрелой вылетели из деревни. Так что, не отдохнув, не поев и не утолив жажду, мы снова топтали ноги, забираясь все дальше к северу.

Немного подумав, я решил навестить тот самый монастырь. То, что там будут нам не рады... в этом сомневаться и не стоило. Просто была надежда: вдруг наши друзья заглянут к монашкам на огонек — вот и все! Ну уж если и там их не окажется, то тогда я направлюсь к Вильсхоллу, куда они рано или поздно придут.

Солнышко укатилось за макушки сосен, и мы вышли на равнину, над которой и высился монастырь какой-то там Мученицы. И здесь сердце мое возликовало, ибо я правильно выбрал путь для поиска друзей! Нет, ни Купа, ни Айдо, ни Вакары я не увидел. Зато около стен крепости-монастыря торчала целая армия орков, маленько приправленная мятежными гвардейцами «золотых». И вся эта орава сгрудилась возле той части рва, у которой, если мне не изменяла память, и были ворота гостеприимного монастыря.

— О! — протер глаза братец Дуди. — Орхсс! В смысле орки туточки, — быстро исправился он, перейдя с тролльского на общий. — Лукка, а это не те конники, что хотели нас, а вышло что мы их, а они все вот, а мы холодными, голодными и непившими оказались?

— Вроде того... — Я смутно понял, что имел в виду брат, но кивнул утверждающе, потому как был и голодным, и непившим.

— Многовато их для нас двоих, — теребя пух на розовых щеках, искренне посетовал тролль.

— А тебе сколько бы хотелось? — прикидывал я, с какой стороны лучше подойти к монастырю и, вообще, стоит ли туда идти.

— Ну, чтобы друг у друга под ногами не мешались! А то вот раз у меня было: стою и не знаю, кого и куда бить, так их было много, и перед глазами все так мелькало, так мелькало, что я даже растерялся, кого первым бить.

— Бывает... — согласно кивнул я, — Дуди, у тебя глаз позорче будет, ты нашего бяку-молодца там не видишь?

— Это которого ты в плен взял? Счас погляжу, — встав на цыпочки, чтоб повыше было, и растянув пальцами глаза, уставился он вдаль.

— Вижу! Вижу! — после долго кряхтения и сопения сообщил тролль. — Он сейчас на корточки уселся.

— Устал, наверное? Отдохнуть решил.

— А сейчас его солдатики окружили...

— Зачем? — не понял я.

— Не знаю... не видно его... — перестал таращить глаза Дуди. — Лукка, что дальше делать будем?

Где-то высоко над землей плыли облака. Войди в них — и сам станешь облаком... таким же легким и беззаботным, подгоняемым вдаль холодным ветром.

Над зеленью лесов, перекрещенных нитями дорог, над серыми скалами гор и далекой речной синевой парит что-то эфемерное, вырвавшееся из груди человека.

Раскинув прозрачные крылья, неспешно, боясь нарушить невидимую грань баланса, опускается оно вниз, туда, где мечутся в страхе души, прикованные к медленно гниющим телам. Все ниже и ниже, и эти души, видя его, покорно замирают, завидуя чужой свободе.

Рыхлый камень толстых стен расступается, пропуская сквозь себя чужака. Серая темнота на мгновение окутывает разум, но он упрямо движется дальше, не обращая внимания на нахлынувший мрак.

Маленькая комната башенки едва различима в расплывающихся очертаниях. Сидящее за столом грузное дряхлое тело даже не противится тому, что кто-то, войдя в него и наложив на уста души запрет, заставит его подняться и сделать первый шаг к рычагам, торчащим из пола...

Задремавший было Калина вздрогнул, почувствовав, как жалобно и тоскливо застонало его сердце. Старик опустил ноги на пол, прислушиваясь к звукам, идущим с улицы. Вроде все тихо, постоялец спит, отдавшись сну... что же тогда так взбудоражило ведуна?

Переплетя пальцы рук, Калина закрыл глаза, пытаясь вслушаться в иное.

И снова, как много лет назад, он поплыл меж мирами, осторожно оглядываясь вокруг, чтобы не нарушить, не порвать тонкую пленку граней. Что-то давно забытое, но в то же время знакомое парило рядом, но что именно?.. ведун так и не мог разобрать.

Глухой удар в груди вернул его в хижину. Калина сполз на землю, чувствуя, как из носа потекли теплые липкие струйки.

«Староват ты уже для таких дел... староват...» — вытирая рукавом кровь, запрокинул он голову назад.

«Твое время прошло... — услышал он злорадный шепот, — не мешай другим, старик... не мешай... проживешь дольше».

— А сам-то не надорвешься, сынок? — прошамкал Калина вслух, зная: кому надо, тот его слышит — хреновое дело затеял, непутевое...

«Тебе-то что?..» — прошелестело сквозняком над головой.

— Рано тебе еще, дурашка, в такие игры играть, — довольно улыбнулся ведун, — смотри, как бы еще попку не надрали.

«Ты, что ли?»

— Зачем? Сам себя обслужишь. Ты хоть у кого тренировался-то, неуч?

Но ответа не было... чужой разум покинул хижину, вернувшись туда, где его так неучтиво потревожили, оторвав от дела.

«Ох, и непотребные нынче дела творятся, — покачал головой старик, — что-то будет».

Сестра Оруна очнулась, когда она чуть было не нажала на рычаг, который включал

сложный механизм подъема-спуска моста.

— Что я делаю?! Всех чуть не поугробила! Ох, да прости ты меня, грешную, Господи, — перекрестилась она, — чтой-то я нынче совсем не такая... — отправилась она обратно к столу с незатейливым обедом — «стражам ворот» еду приносили прямо в башню.

Не без злорадства взглянув в окно, за которым на безопасном расстоянии толпились вражеские солдаты и орки, монахиня поудобнее примостилась на табурете, взявши с развернутого платка еще теплую печеную картофелину.

Не спеша очистив шкурку, она аккуратно разломилась, стараясь не ронять, драгоценные крошки, поднесла половинку ко рту.

Вкуса она не почувствовала... руки, как и все тело, стали ватными и чужими. «Встань и иди...» — снова скомандовал ей голос. Монахиня так и встала-с непрожеванным куском во рту.

«Опусти мост. Подними решетку», — настойчиво билось у нее в голове. На негнущихся ногах Оруна подошла к рычагам, неуверенно взявшись за один из них.

«Быстрее!»

Рычаг следовало приводить в действие не торопясь, плавно, чтобы старый, двести лет не отремонтированный механизм не дал сбоя, а еще того хуже, сломался.

Резкий рывок — и внизу, под стенами монастыря, из сосуда в сосуд хлынула вода, закрипели многочисленные цепи и блоки.

Безвольная женская рука нажала следом на другой рычаг, как и велел сделать голос невидимого повелителя.

Система механизмов не была предусмотрена для одновременного опускания моста и поднятия решетки. Это делалось последовательно, но ни в коем случае не сразу! Скрежет цепей смешался с хлопком разорвавшегося ведущего блока. Башня заходила ходуном, как это бывает при землетрясении.

Монашку сбило с ног, бросая на многочисленные рычаги. Кусок недоеденной картофелины целиком застрял в горле женщины, не давая дышать. Сестру Оруну выгнуло дугой, и, застилая свет факелов, из глаз брызнули слезы.

Чуть было не погибнув за компанию со «стражами ворот», обессиленный Яра завалился на траву, давясь кашлем, словно чужой кусок был в его горле.

— Господин, господин! — Чьи-то руки подхватили его.

— Вперед!.. — просипел Регард, выплевывая на землю кровь.

— Вперед, остолопы! — проорал Михаэль, не оставляя своего молодого господина.

— Орхсс! Грет хараг ау! — махнул секирой Вепрь.

— Солдаты, вперед!

— У меня получилось, да?.. получилось? — У Яры зуб на зуб не попадал, он дрожал, пытаясь хоть что-то рассмотреть в мгновенно нахлынувшей тьме.

— Да, господин. Мост упал, как вы и говорили. Правда, решетка застряла на половине, но наши уже ворвались в монастырь. Чем я могу вам помочь?

— Дай воды и... — Регард попытался привстать на локтях, — и не оставляй меня.

Башню ворот затрясло так, что из стен в разные стороны полетели камни.

— Кто-нибудь! В башню! — взвилась настоятельница.

— Поздно, — спокойно выдохнул Айдо и уже громко, на весь двор прокричал. — К бою!

— Как же это... — вытянулось у Вакары лицо при виде резко поползшей вверх решетки.

— Потом объясню, — Ильд-Ми обнажил мечи, — ты мне, главное, напомним.

Переглянувшись, Асама с Рысью одновременно вскинули луки.

— Если выберемся живыми, я напьюсь, — шепнул Заика на ухо наемнице.

— Ты же не пьешь, — Марга заметно волновалась.

— Но я еще и не выбрался!

Грохот упавшего моста, отразившись от стен, волной прошел по головам воинов и женщин.

— Господи! Да что ж это?! За что?! — заголосила одна.

— Призовем Господа на защиту нашу, — подхватила другая сестра, бросая новенькое копье и уверенно затягивая псалом. — Защиту просим у тебя, Отец Небесный, царь мира и...

— Оружие поднять! Молиться молча, про себя! Дуры, вам что, жить надоело?! — пинками поднимая молящихся с колен, командовала мать Элизабет. — Гнилой перец вам в...

Башня задрожала, теряя камни и черепицу с крыши.

— Ну, вы, матушка, даете... — с восхищением качнул головой Куп, в свою очередь вскидывая лук. — Что у вас там в башне такого? Не фэл случайно? Кладка выдержит?

— Только отремонтировали, должна... — вытаращила глаза монахиня, глядя, как у самой земли рассыпается цельный кусок стены. В том самом месте, где за огромными камнями прятались хитроумные сложные механизмы и резервуары, построенные гномами из далекого Науга. Раздался такой скрежет и грохот, что все, кто был рядом, отступили дальше во двор.

— ... твою мать! Ведь только отремонтировали! — чуть не плача, хлопнула себя по бокам настоятельница, видя, как рушится башня, разбрасывая в стороны огромные валуны.

В надвигающихся вечерних сумерках из клубов пыли с режущим душу визгом во двор врывались орки.

— Давай! — гаркнул Куп, и одновременно три стрелы слетели навстречу непрошеным гостям.

Какие из монашек солдаты?.. Не чета тем, кто всю жизнь колесил по дорогам Восьмой грани кристалла, зарабатывая себе на жизнь мечом и войной.

Люди и эльфы в одно мгновение оказались отрезанными от монашек. Орки, предвкушая легкую добычу, накинулись на женщин, сея вокруг себя смерть. Напор возрастал. Монахини, кто с проклятием, а кто с именем Господа на устах падали сраженными на камни монастырского двора.

Став спиной к спине, наемники и воины королевы сеяли смерть вокруг себя, шаг за шагом продвигаясь к обреченным женщинам.

Мастер Айдо бился, как никогда, выкладываясь, пуская в ход все свое умение и опыт. Но все же силы были неравны... План старого бор-Ота — заманить мятежников к стенам неприступного монастыря и захватить в плен человека, создавшего так много проблем возрождаемому королевству, — оборачивался полным крахом.

Впервые за много лет Айдо запаниковал, когда следом за свинорылыми во двор вошли гвардейцы, отрекшиеся от своей королевы. И не просто вошли, а, вернув мечи в ножны, вскинули арбалеты и луки. «Вот жакхе! Как щенят перебьют! И сделать ничего нельзя... Жаль.... Лукка со своей зазубой так и не объяснился». — Бор-От, отчаянно вращая мечом, под прикрытием верного ученика пошел, может быть, в последнюю свою атаку.

Мы с Дуди не стали долго морочить себе головы. Когда хрюшки, а следом и солдатики скрылись в дыре полуразрушенных ворот, мы, не суетясь, вышли из-за сосен напрямик к той парочке, что так противно обнималась.

Между нами оставалось шагов так десять-двадцать, когда Михаэль поднял башку и, узрев нас, отшвырнул в сторону своего хозяина и, всем видом показывая, что он здесь случайно, бросился наутек в сторону гор.

Дуди, почувствовав вкус эдакого, кинулся за ним, размахивая двуручной железкой, которую подарила ему мамуля. Судя по тому, что расстояние между ними не увеличивалось, но и не уменьшалось, я понял, что братец возжелал пошалить... Как на Празднике Весны.

Пока тролль соревновался в беге, я склонился к еле дышащему, но пока еще живому врагу.

— Кто здесь? — выпуская изрядную порцию крови и пены, спросил он.

— Я! — простенько и понятненько ответил я, присаживаясь рядышком.

— Кто... я? — честно говоря, мне показалось, что он придуривается, изображая из себя умирающего больного. Но вроде нет: парень, похоже, окончательно загонял себя и теперь был близок к тому, что в народе называют смертью.

— Лукка здесь, — пожалел я вражину.

— Тролль? Ты?.. — Кажется, он не поверил мне на слово.

— Он самый! А что, совсем не узнал? — положил я начало приятной беседе. — Как дела? Как жизнь? Не нужно ли чего? Извини за безтактность, но выглядишь ты хреново.

— Глупо... — после долго молчания просипел он, — как же все это глупо...

— Да ладно тебе! — Я еле удержался, чтобы не хлопнуть его по плечу. — Какие наши годы! Вот поправишься, и уж тогда точно я тебе шею намылю!

Вражина только промолчал в ответ.

— Знаешь что, — начал я развязывать пояс из бычьей кожи, — свяжу я тебя покамест. А то еще, не дай Небо, сбежишь. Мне же потом Айдо рыло начистит... в смысле, попытается. — Я бестеремонно перевернул его на живот. — Не сильно жмет? — закончил я вязать узлы. — Ну и ладушки. Какие наши годы, друган, — повторился я, — какие наши годы!

Не выдерживая темпа, Михаэль начал задыхаться. Спасительные горы, казалось, были уже рядом, рукой подать.

— Эй, придурок! — раздалось из-за спины. — Тебе что, жить надоело? Это же горы Халлатетра! Даже я туда не хожу!

Михаэль только мысленно отмахнулся в ответ, ныряя в первую же расщелину.

— Слышь, ты, как тебя там! — раздалось с равнины. — Если ты не вернешься, я тебе уже ничем помочь не смогу!

«Да пошел ты!» — Сержант, обдирая ладони, лез все дальше и дальше.

— Смотри, мужик, я предупредил! — пронесся над скалами далекий голос.

— Предупредил, предупредил... — эхом приговаривал Михаэль, переваливаясь через острые уступы. — А это ты видел?! — Встав на ноги, он показал преследователю локоть. — Еще увидимся! — Сержант направился к привлекшей его внимание расщелине. — Пока, дурила деревенский!

Перепрыгивая через камни, он уходил все дальше и дальше, забираясь в горы.

— Уг-гу-гру! — приветствовало его то, во что он уткнулся носом.

Михаэль поднял голову, пытаясь рассмотреть, в кого он вляпался.

Сказать, что урод — ничего не сказать. Сквозь пласты свальянного меха даже морды не было видно. Только куча шерсти, под которой инстинктивно угадывалось худое, но сильное тело.

— Гара-тука-так! — подхватило его под мышки и понесло в сторону другого уroda, радостно высунувшегося из-за ближайшей скалы.

«Горные тролли. Так близко от людей? Вот попал!» — успел подумать Михаэль, перед тем как ударом в висок его лишили жизни...

Я закончил вязать Яру, и тут же, весь запыхавшийся, прибежал братец Дуди.

— Лукка, а этот в горы убежал! — радостно объявил он. — Представляешь, он даже голову не повернул, когда я ему кричал «вернуться».

— Будем в монастыре, попрошу отходную спеть, — встал я с колен. — Кстати, не знаешь, кто он был по вере? Нет? Жаль, глядишь, еще бы и в мученики записали. У единоверцев это модно.

— А с этим что? — вопросительно пнул ногой тролль охающее тело.

— Приболел малость, — настойчиво отодвигая братца в сторону, заверил я, — кажись, даже чуток ослеп.

— Ух ты! — искренне восхитился братец. — Это он съел чего-то, я знаю!

— Молодец. — Прекратив пустые разговоры, я направился к гостеприимно поваленным воротам монастыря. — Дуди, ты со мной?

— А то как же! — подпрыгнул на ходу братец. — А куда мы идем?

— Гадов бить да давить, — взвесил я на ходу любимый ахаст.

— Это дело святое! — обрадовался троллик. — А их много?

— Придем — посчитаем...

Все-таки воины прорвались к монашкам и теперь, полностью окруженные врагами, через ухоженный сад отступали к противоположной стене монастыря.

— Сделай что-нибудь, — шептала мать Элизабет через плечо мастеру боя. — Ты же воин, в харю тебя жженой!.. Нас же всех здесь перебьют, на что ты надеешься, старый дурак? Делай что-нибудь!

Айдо только устало махнул длинным мечом, отбивая очередной удар.

— Бор-От! Мастер боя! Рыцарь чести! — продолжала гнусавить настоятельница, тыча куда попало длинным копьём. — Говно ср...! Нас сейчас припрут, а потом еще и ноги расставят, пока ты будешь яййй... — тело падающего орка опрокинуло ее на спину.

Айдо кинулся вперед, прикрывая настоятельница. Обессиленный Ильд-Ми поддержал его следом.

Радостно урча, орки жали со всех сторон.

«Вот и верь судьбе после этого!» — устало подумал бор-От, заталкивая мать Элизабет в глубь столпившихся женщин.

— А ведь сдохнем нынче! Вакара, как думаешь?! — раздался сбоку голос Заики.

Нас здесь никто и не ждал. Как сказал Дуди, «даже обидно стало». Все поголовно были заняты уничтожением наших и до такой степени увлеклись этим, что даже не повернулись в нашу сторону.

Не сговариваясь, мы с троллем совсем уж не по-благородному врезались им в спины.

Эти падали, даже не оборачиваясь.

Дуди, злобно-весело рыча, крошил всех на своем пути. Я тоже не собирался отставать. Мне так хотелось увидиться со своими, что я просто не замечал, как под моим топором орки и «золотые» ложились справа и слева.

Только когда мы успокоили с десятков, если не больше, вражин, на нас наконец обратили внимание. И началось!..

Все было так же, как в том мордобое под Уилтаваном. Только вместо мертвяков — орки и люди. Что, кто, где, кого и как — понять невозможно. Оскаленные свиные морды с налитыми кровью глазами, короткие солдатские шлемы... кто-то и без шлема вовсе. Кругом все мельтешит, орет, падает, встает, нападает и, снова падая, уже умирает, поминая всех и вся, кого только можно вспомнить на последнем издыхании.

Какое мастерство?! Какая там рассудительность?! В этой толчее не знаешь, куда кидаться и на кого... Я просто тупо отмахивался ахастом ото всех сразу, причем разок даже умудрился вклепить по брательнику. Не попал, правда, и слава Небу! Так что, когда в другой раз сам Дуди своей железкой огрел меня по заднице, я не стал держать на родственника зла хотя бы потому, что тролль угодил прямо по мечу, что я таскал на спине.

Напор противника немного ослаб, и я уже видел измазанных в крови и пыли своих друзей. Кажется, все были на месте, то есть живы и здоровы, хотя и немного пошатывались и спотыкались. Прикинув, что врагов стало гораздо меньше, я решил начать атаковать самостоятельно.

Бывает такое иногда: что-то вдруг как ударит в башку! И сделать с этим уже ничего нельзя. Так и сейчас...

Что я сделал? Взял трофейный меч в левую рученьку, топор соответственно оставил в правой, чуть согнул колени, наклонил взлохмаченную голову вперед и, оскалив зубы, громко сказал «ГРРР!».

Ближайший орк тихо икнул и, отступив на шаг назад, довольно внятно промямлил:

— Тролло!..

Ободренный произведенным впечатлением, я завыл, как тот гоблин, до которого тролль добрался, постепенно переходя к реву разбуженного посреди зимы медведя. Размахивая руками, я кинулся вперед.

— Псих! — благословил меня в спину братец, но вдруг, захохотав лошадьёю?!. ринулся следом.

И все началось по новой. Мелькание стали и тел, чавканье мяса, которое рубилось, протыкалось и падало в лужи крови, растекающейся на чуть проросших травой камнях. Все повторялось, только с той разницей, что уже защищался не я, а противник.

Наконец, кое-как пробившись к своим, я стал плечом к плечу с учителем Айдо.

— Где Яра? — прохрипел бор-От, спокойно орудуя мечом.

— Там, за стеной... на лужку отдыхает, — разрубив щит «золотого» ахастом, я подсек человечку ноги мечом.

— Живой?

— Да, только ослеп невесть с чего! — одновременно добивая упавшего, отразил я атаку орка.

— Тогда дело можно считать сделанным, — кинул мастер боя стрелку в наступающего хряка. — Заканчиваем здесь и домой! — И как-то расстроено добавил: — А я его жду и жду... а он не идет и не идет! — И, шустро завертев над головой мечом, бор-От из последних

сил вклинился в напирающую толпу.

Ноги и руки болели так, что даже с милой Вакарой не было никакого желания здороваться, а тем более объясняться.

Отложив оружие и вытянув копыта, я сидел на здоровом валуне, бестолково плясая на суету монашек.

— Мы что, правда их всех перебили? — присел рядом Куп.

Вместо ответа я только прикрыл глаза.

— Мы их победили... и сами живы... — недоверчиво продолжал размышлять вслух эльф. — Сто с лишним не самых последних бойцов против семерых воинов и трех-четырёх десятков набожных баб... И мы победили... Просто Хулливед^[17] какой-то!

— Что-то не так? — Я открыл глаза. Во двор, стараясь не наступить на черно-багровые лужи, отряженные монашки вносили связанного Яру.

— Да нет... просто... — задумчиво протянул Куп, — просто я уже с Винеттой попрощался, а здесь на тебе... такое...

— Не переживай, успеешь еще. — Я уже мысленно прикидывал, куда бы завалиться поспать. А перед этим еще и поесть.

— Ворота с мостом совсем поломали, — сообщила Вакара, присаживаясь с другой стороны. — Айдо говорит, что чинить бесполезно. — И здесь мы все замолчали.

Каждый думал о своем. Я, например, о том, что как сейчас было бы славно окунуться в теплую прозрачную реку и смыть с себя усталость и грязь. А потом все-таки свернуться калачиком и уснуть. Дней так на пять... а лучше и на все десять.

Ночные Сестры роняли свой свет на разбросанные трупы. Они кругом. Орки... люди... монахини... и все это среди обломков клинков и щитов, в запекшейся крови.

— Что, конец? — прервала молчание Марга.

— В смысле? — я даже голову не повернул.

— Куп сказал, что теперь вам только осталось отвезти пленного в столицу — и все.

— Говорил? — слегка толкнул я эльфа плечом.

— Говорил... — кивнул тот.

— Он говорил... — весомо подтвердил я, — значит, конец.

— И куда ты потом?

— Не знаю еще... Сначала в Уилтаван... — Еле передвигая ноги, по двору брел Дуди, волоча за собой двуручный меч. — А затем...

И тут до меня дошло, то есть я вспомнил, ради чего топчется здесь мой братец. Спать перехотелось.

— Нет, сначала в Вечную Долину, домой. Кстати, — оживился я, — а какие у тебя планы?

— Сначала проводить вас до Вильсхолла, а потом...

Что «потом», я так и не услышал — нас неучтиво прервали. Но главное! она собиралась ехать с нами и... Я очнулся по-настоящему, представив, как она говорит «согласна», а мамуля с улыбкой на устах благословляет нас.

— Поднимайтесь, ребята! — не то скомандовал, не то попросил учитель Айдо. — Мать-настоятельница нашла для вас пару коек, там же найдете, где умыться и перекусить. Завтра, точнее, сегодня утром мы выдвигаемся. Кстати, мать Элизабет идет с нами.

— А это еще зачем? — вытаращился Куп.

— У нее есть свои дела в столице, да и захотелось снова увидеть свою воспитанницу.

— Небось самую лучшую и любимую. Ведь так? — поднялся с камня эльф. — Ну-ну...

— Ничего не понимаю, — откровенно признался я, вставая следом. — В последний раз, когда они виделись, пришлось разнести полмонастыря, дабы настоятельница отпустила ее на все четыре стороны. Или это и есть то, что гордо «женской дружбой» зовется?

С первыми лучами солнца мы двинулись в путь. Мать Элизабет в сопровождении двух монашек действительно увязалась с нами. Верховых лошадей, на которых Айдо с друзьями прибыл в монастырь, запрягли в две крытые повозки. Так что те сладкие мгновения сна, из которых меня вырвали перед рассветом, я с удовольствием наверстывал в дороге.

Тряска, противный скрип телеги, недовольное оханье Яра... на все это мне было наплевать! До самого прибытия в Вильсхолл. Конечно, меня пытались несколько раз растолкать, когда мы проезжали главные ворота города, но я только отмахнулся в полусне, по-моему, даже особо никого и не повредив.

И таки меня подняли! И кто?! Кучка горожан и несколько сотен плоток «золотых» королевы, прорывающихся сквозь сладостный сон. Открыв глаза и утерев лишнее с морды лица, я выглянул наружу.

Улицы города бушевали вовсю, круглые цветные бумажки, лепестки роз и что-то еще пьяняще и приятно пахнущее падало на мостовую, прямо под копыта наших запряженных лошадей.

Вокруг все смеялись, кричали что-то радостное и, кажется, даже хорошее. Так что волей-неволей я высунулся наружу, тоже помахивая встречающим.

— Ну что, дружище?! — двинул меня эльф. — И каково оно?

— Здорово! — улыбаясь людям в ответ, кивнул я. — Только громко, аж уши закладывает!

— Тебе нравится?! — проорал на ухо Куп. — Теперь ты понимаешь, что чувствуют герои?

— Да! — и замахал еще приветливее.

— Лукка, ты все запомнил, что тебе Айдо говорил?

Не прекращая размахивать руками, я кивнул. Перед самым выездом учитель Айдо отозвал меня с братцем в сторону и под бдительным надзором матери Элизабет долго объяснял, как нам следует вести себя по приезде. Услышав такое, мы с братом недоуменно переглянулись, но пообещали сделать все точь-в-точь.

— А Дуди как, все понял?

— Нормально! — отмахнулся я.

Под оглушающий людской гомон, сквозь который пробивалось пение труб и вольнок, заправленное нестройной дробью барабанов, мы и достигли ворот дворца королевы. Винетта, вся такая пышная и розовая, с двумя перезрелыми парнями по бокам встречала нас на крыльце своего разноцветного дворца. Кстати, и сам город пестрел разными цветами. И дело не в том, что люди были одеты по-разному, в смысле котлера, просто чем ближе к дворцу, тем больше и больше стены домов излучали разнокрасочный свет.

Наши запыленные кибитки остановились напротив Винетты, и тут же две пары шустрых мальчишек, с раздутостями на штанах и перьями на тонких круглых шапках, раскатали прямо от нас до самой владычицы Вильсхолла красную, всю в затейливых узорах, длинную тряпку наподобие тех, что троллины и троллийки выстилают у себя дома, дабы босые ноги мужчин не царапали пол.

Мы все дружно сошли на землю, оставив в повозках лишь связанного Яру под бдительным присмотром Ильд-Ми и монашек, наотрез отказавшихся являться на глаза бывшей товарке по монастырю.

— Голову склонить... — змеей просвистел длинный, как жердь, старикан с изогнутой палкой в руках. Взглянув на него, я обомлел: как он был похож на того, что из дворца владычицы Улай. Того самого, которого я случайно примял, добиваясь *аутриненции* у королевы.

— Голову опустить и без приказа не двигаться!.. — опять зашипел он.

— А зачем? — набычился было я, напрочь позабыв обычаи хорошего поведения.

— Лукка, не ерепенься! — лягнул меня локтем в бок Куп. — Делай, что говорят!

Внутренне смирившись, я склонил башку перед старой доброй знакомой, которую лично сам вытягивал за уши на свободу из неприступного монастыря. Да, времена меняются: вчера на пару пиво пили, сегодня нужно аж на колени падать! Ну-ну...

— Приветствую вас, дорогие послы! И вас, спутники моих слуг! — открыла ротик Винетта. — Добро пожаловать домой, в славный Вильсхолл, город королей! С чем вернулись вы? Ответствуйте мне, вашей Повелительнице, и да будут ваши слова правдивыми и честными, как ваши дела и сердца.

— Склоняюсь перед вашим величием и мудростью, Повелительница! — выступив вперед, действительно опустился на колени МалЙавиэУиал-младший.

А я-то по наивности думал, что у них с Вини все на мази... одной семьей живут... а тут такие сюсюканья... поклоны...

— Привезли мы благую весть, королева! — продолжал заливаться соловьем эльф. — Королева славного Бревтона оказала нам великую честь, бескорыстно предоставив нам войска свои для усмирения мятежников.

— Воистину хорошие новости привезли вы нам! — удовлетворенно кивнула Винетта.

— Но есть еще одна весть, королева, — склонил голову Куп.

— Говори! — милостиво разрешила та.

— Удача улыбнулась нам, о Повелительница. Взяли в плен мы врага, тайные козни творившего против вас и народа вашего.

«Ага... вот так, невзначай, по пути, по случаю захватили...»

На всеобщее обозрение за шкуру вытащили связанного Яру. Винетта довольно долго молчала, пока наконец совсем не по-королевски кивнула в сторону:

— Уберите это. Полагаю, что с ним будет кому побеседовать.

Громыхая доспехами, из толпы выбежала четверка бравых парней из числа гвардейцев королевы.

— Э, нет! — встал я на пути и, бесстрастно глядя на их оторопелые рожи, как меня Айдо учил, добавил: — Показывай, куда вести. А то на вас никакой надежды нет. Еще не убережете болезного.

— Да! — поведя плечами, встал рядом братец Дуди. — Кажи, куда идти надо!

— Рада познакомиться с твоим родственником, Лукка, — встретила нас Винетта, когда мы, посадив Яру под замок, позволили привести себя в гостиный зал. Здесь уже собрались все наши, кроме пары монашек, которые остались караулить пленного с компанией местной солдатни.

— Позвольте, господа, представить вам великого бойца и моего старого знакомого

Лукку Окопиу по прозвищу Лукка-Висельник.

— Достойное имя для достойного человека... — пробурчал один из стариканов, тот, что в узорчатых доспехах и с длинным тонким мечом на боку.

— А мы тролли! — поджав губы, заступился за меня братец. — А вот вы... ты, кто такой?.. после этого.

— Мой военный министр и советник, сэр Измони, — поспешила заступиться королева, видя, как побагровел этот сэр, сжав рукоять своего костыля на перевязи.

— Будем звать его Змони, — громко шепнул мне братец, протягивая старцу руку.

— Лучше Моня! — тоже шепотом поправил я Дуди.

От лица старого вояки пошел пар.

— Герцог де Бонтон, — шустро шагнул к нам с распростертыми объятиями второй старикан. — Советник по внутренним и внешним делам. Можете звать меня де Бонтон.

— Договорились! — наотмашь шлепнул по протянутой ладони братец.

— Кстати, а для вас, мои дорогие тролли, у меня есть маленький сюрприз, — лукаво улыбнулась Повелительница Вильсхолла, по-простому взяв нас с Дуди под локотки.

— Что-то вкусненькое, да? — радостно осклабился братец, в то время как у меня самого вдруг отчаянно забилось сердце. Впрямь как при личной встрече с парочкой влюбленных медведей по весне. Тревожно так забилось... настороженно... С чего бы это?

— Не совсем так... — уклончиво ответила старая знакомая, меж тем собственноручно подталкивая нас к маленькой двери под недоуменными взглядами присутствующих.

В открытую дверь я вошел как на эшафот... И не ошибся!

— Мальчики! Как я рада видеть вас живыми, здоровыми, хотя и немного помятыми!!! Ну, да это ничего! Уверена, что ваши будущие жены сумеют привести вас в должный вид еще до свадьбы! — громогласно приветствовала нас мамуля. — Прижмитесь же ко мне, мои детки! Я вас так долго не видела, что успела истосковаться, и поэтому примчалась сюда на крыльях материнской любви. И только не надо говорить, что вы мне не рады! — С последними словами троллина сгребла нас в охапку, прижимая к своей огромной груди.

Сзади ехидно скрипнула закрывающаяся за Винеттой дверь.

— А... оп... ох... — это мы с братцем на пару.

— Мама! Откуда ты здесь? — кое-как выбрался я из крепких родительских объятий.

— Из дома, откуда же еще! — отпустила мамуля Дуди. Отойдя в сторону, тот жадно глотнул воздуха, а заодно и пот вытер.

— В тот знаменательный момент в истории нашего рода, когда решается его судьба и готовятся сразу два свадебных пиршества (а такого у нас в Долине еще не было: сразу две свадьбы в одной семье — да знакомые и соседи просто лопнут от зависти!), естественно, что я не смогла усидеть дома и примчалась сюда, дабы осмотреть и благословить невесту своего старшего сына и заверить своего младшенького, что все идет по намеченному! А если ты о том, каким образом я очутилась здесь, отвечаю: перебралась через горы Халлатетра. И не делайте такие круглые глаза: четверка придурковатых, вечно голодных горных троллей не помеха для женщины, спешащей к своим сыновьям! Итак, Лукка, где она?

— Она? Кто она? — мотнул я непонимающе головой.

— Как это «кто»?!! — уперла руки в бока мамуля. — Твоя любимая, милая, суженая, нареченная, мать моих внуков, хозяйка твоего дома. Кстати, папуля уже заложил его основание! Так где твоя девушка, сынок? Представь ее мне!

— Ну... — оттягивая непоправимое, глубокомысленно протянул я, — она...

— Да! Где она?! — шагнула навстречу мамуля, — Покажи мне ее!

— Она... она... — отведя глаза в сторону, я не знал, что и говорить.

— Кого ты стесняешься, дорогой? Или ты боишься, что мама не одобрит твой выбор? Не бойсь: я готова ко всему. И между нами — она мне уже понравилась!

— Но... Мама!.. Ты сказала «понравилась»? — захолонуло у меня все внутри. — Но... как? Где?

— Я видела с балкона, когда ваш табор подъехал к дворцу. И смею тебя заверить, что даже издалека она смотрится более чем ничего, хотя этот разбойничий наряд ей совершенно не идет! Ну да ничего — я ее самолично умою, подстригу, причешу, накрашу, переодену, построю, и будет она у нас, как праздничное дерево, которое ты поставишь у нее под окном. Кстати, как насчет приданого?

Пока я напряженно соображал, что к чему, мамуля намертво взяла вожжи в свои руки.

— Дуди, дорогой, будь так добр, приведи-ка сюда ту девицу, что вы притащили с собой. Да поторопись, милый, мамочка просто сгорает от нетерпения!

Пока я подбирал слова, пытался зашевелить языком, брательник привел Вакару. В смысле притащил.

— Здравствуй, дорогая невестушка! — приветствовала наемницу троллина. — Давай же наконец познакомимся! — И шагнула навстречу, широко раскинув руки. — Меня зовут Ундина. Но ты, моя милая, можешь звать меня просто: мама.

У Марги враз глаза очутились на лбу.

— Доченька, приди же в мои объятия, ибо твоя новая мамочка нестерпимо жаждет заключить тебя в них.

Закаленная в боях и других заварушках, Рысь робко отступила назад.

— Милая, не бойся меня. Приди ко мне, и твоя свекровь, твоя вторая (а может стать, что и единственная) мама откроет тебе, как обуздать этого необъезженного жеребца, — здесь мамуля ткнула в мою сторону, — неприрученного медведя, строптивного быка, вольное дитя Вечной Долины. Посвятит тебя в тайнства подготовки жаркого с медом на углях (это его любимое блюдо), поведает, как правильно чесать ему пятки перед сном (это у них в роду по мужской линии слабость такая), расскажет о других его слабостях и дурных привычках, но прежде... — госпожа Ундина словно бы невзначай, но настойчиво взяла девушку под локоток, — я хочу, чтобы ты открыла мне свои маленькие тайны... Я уверена, что ты понимаешь, о чем я говорю. — Мамуля потащила Рысь к загородке, стоявшей в углу зала. — Мальчики пока побудут здесь. Им еще рано видеть такое.

И Вакара действительно дала себя утащить за эту треклятую ширму! Три минуты молчания... Потом еще пара минут непонятных возгласов, и...

Мамочка вылетела на всеобщее обозрение. И это при ее-то весе и габаритах! Хряснувшись спиной об пол, троллина долго сверлила потолок глазами, а затем, резко встав на ноги, по новой пошла в атаку.

«Врешь — не уйдешь...» — услышал я из-за ширмы, а потом мамуля снова очутилась на полу с широко раскинутыми руками.

— Это и есть «девичьи секреты», да? — наивно поинтересовался Дуди.

— Не знаю... наверное... — обреченно поникло все внутри меня: судя по всему, ни до чего женщины так и не договорятся, а значит, быть мне битым... По-любому...

— Так, Лукка, нам нужно поговорить, — удостоила меня вниманием мамуля после четвертого вылета подряд.

— И о чем же, мама? — Неожиданно для самого себя я пожалел о том, что веревка на виселице полтора года назад не удосужилась выдержать мою тушу.

— Отбросив в сторону сложившуюся ситуацию и загодя предчувствуя злорадство соседей, я все же не утверждаю эту кандидатуру на роль твой супруги.

— А отчего так? — Меня таки задело за живое.

— Несмотря на то что она просто создана для жизни в Вечной Долине, — мамочка потрогала шатающийся зуб, — я не уверена, что эта девица может дать в будущем достойное потомство, а следовательно, быть твоей женой.

— С чего ты так решила? — просто опешил я.

— Видишь ли, сынок, — начала издаലെка мамуля, — есть вещи, о которых, вы, мужчины, только догадываетесь, но нам, женщинам, они видны невооруженным взглядом. Так вот. Если ты еще не забыл, то по нашим обычаям полная откровенность между будущей свекровью и невесткой обязательна. И это все не просто так! Мать должна знать, кого она берет в свою семью. Сюда включается не только родословная семьи жены: кто, с кем, когда и как. Я ДОЛЖНА ЗНАТЬ! Чем она болела, будет болеть и что у нее там!

— Там, это где?

— Лукка, именно это тебе еще рано знать. Итак, я постановляю! Сия девка не годится тебе в жены хотя бы потому, что она не дала себя осмотреть. А следовательно, ей есть что скрывать! А значит... А значит, ты женишься на Тулипе, дочери Маленького Ируса!!! — Мамуля захлопала в ладоши так, словно ей сейчас вручат главный приз за эту бойню, в смысле войну, то есть игру.

— Я всегда говорила, что выбор матери всегда правилен: то бишь плохого она не посоветует! — радостно потерла руки троллина, но вдруг ей наперекор встал... братец Дуди!

— Mam! — дернул троллик подол любимой матушки. — Я вот что тут подумал...

Наверное, именно последние два слова заставили мамулю немного онеметь, а значит, прислушаться к любимому чаду.

— Мамочка, я так понял, что ты гонишь Лукку жениться только из-за того, что жениться собрался я. Ведь так? А насколько я знаю братика, он не горит особым желанием брачеваться с кем бы ни было, кроме той девки, что сейчас, натягивая штаны, утирает сопли и слезы. А ее ты не одобрила... И вот еще что... я тут маленько пораскинул мозгами, — мамочку снова передернуло от неожиданности, — и решил не жениться. А значит, и Лукке не стоит себя впрягать в телегу семейного очага.

Хорошо сказал! Словно всю жизнь эти слова учил!

— Но почему?.. — только и смогла вымолвить мамуля.

— Скучно все это... — потупил взор братец, — у меня другие планы на жизнь...

После долгого молчания, во время которого Вакара исчезла из комнаты, одарив всех нас многообещающим взглядом, троллина наконец открыла рот.

— Это все твои проделки! — тычок пальцем мне в грудь. — Твое тлетворное влияние! Стоило оставить его с тобой, и вот результат: мой младший сын, гордость всего рода, готов, отказавшись от спокойного светлого будущего, пуститься в бродяжничество, обрекая свою семью на вечный позор и неустойки со стороны Аггаззы-Страшилы и ее семейства! Что вы оба скалитесь? Или вы таки умудрились за моей широкой спиной сговориться с папашей, а?! Признавайтесь! Старый дурень изначально был против этой затеи с женитьбой одного и другого! Так... где и когда вы в последний раз с ним виделись?!

Под напором матушки шаг за шагом я пятился к дверям, мысленно прикидывая ущерб

хозяйству по возвращении троллины домой. Хотя... счастье двух еще молодых троллей просто ничто по сравнению с тем погромом, что учинит мамуля по возвращении к папуле.

Ближе к вечеру, кое-как отделавшись от мамы, мы с братцем присоединились к друзьям, мирно беседовавшим с Винеттой и ее приближенными.

— Так, значит, мать Элизабет, вы не сможете заставить его говорить? — Моня-Измони попивал вино из высокого бокала синего стекла.

— Повторяю еще раз, — настоятельница теребила в руках четки, — парень не только ослеп, но еще и оглох, онемел и даже не способен двигаться.

— И все это якобы из-за того, что он попытался овладеть разумом другого человека? — Де Бонтон, заложив руки за спину, раскачивался с пятки на носок. — При всем моем уважении к вам, сударыня, поверить в это просто не могу. Это выше моего понимания.

— Так и не морочьте себе голову, — грубовато отрезал мастер Айдо, — просто примите это как факт. Вся наша операция практически пошла прахом. Да, мы договорились с королевой Улай о помощи, да, мы отыскивали этого малого, что вставлял палки в колеса не только нам, но и нашим противникам. И что дальше? Ну уничтожили мы два отряда орков и предателей из числа гвардейцев ее величества. Кстати, господин Измони, необходимо разобраться, как вышло, — что пятьдесят «золотых» встали на сторону врага. Как они вообще там оказались?

— Не знаю... пока еще выясняю... — прохрипел вояка.

— И вот после всего этого мы привозим так называемого Яру, а он, словно специально, молчит и говорить, похоже, не собирается, — вернулся в кресло раздосадованный бор-От.

— А что, совсем нет никакого способа его разговорить? — присел рядом с Айдо советник. — Хотя бы чуть-чуть. Так сказать, познакомиться...

— А что с ним знакомиться? — подала голос мать Элизабет. — Я его прекрасно знаю, это внебрачный сын покойного Гиера.

— Какого Гиера вы имеете в виду? — вытаращила глаза Винетта.

— Вашего батюшку, Царствие ему Небесное. И не надо так смотреть на меня, дорогая. Тот паренек, о котором мы весь день толкуем, не кто иной, как твой сводный брат. Он явился сюда за тронем, это даже им понятно, — монахиня кивнула в мою с Дуди сторону, — а вот кто его вытащил на белый свет, кто помогал...

— ... снабжал информацией и вообще, на чью поддержку он надеялся, — непонятно, — закончил Айдо.

— Так что, нет способа допросить его? — нарушил наступившую тишину Измони.

— Лично я не смогу вернуть его в прежнее состояние, — отвернулась настоятельница, — силы уже не те.

— А если?.. — кивнул бор-От куда-то за окно.

— Пробуйте, если хотите, но я не сторонница так называемых чудотворцев из глубинки, — вернулась к созерцанию мелькающих четок мать Элизабет.

— Вы о чем, господа? — оживился де Бонтон. — Если есть хоть какой-то шанс...

— Недалеко от Южного моста живет один старик. Ведун. Имя — Калина. Кстати, Лукка, в свое время он учил колдовским премудростям Скорпо.

— Серьезно? — в свою очередь опешил я. Как же тесен мир! Даже не смешно...

— Эгей, а сколько же тогда лет этому дедушке? Или он не человек? Эльф или гном?

— Человек... И лет ему много... Но разговор сейчас не об этом. Вот он может покопаться в голове нашего приятеля и ответить за него на все вопросы. Излечить сразу не

излечит, но хоть что-то, как говорится.

— Южный мост? — начал размышлять вслух Измони, — Граница с Бревтоном, территория, контролируемая графом Алассией.

— Беру все на себя, — вышел вперед Куп, — мне требуется двадцать хороших всадников и столько же человек для прикрытия.

— Возьмешь с собой Ильд-Ми, он эти места неплохо знает.

— Договорились, значит, завтра на рассвете. Вы одобряете наш план, ваше величество?

— Конечно. Через сколько дней вы вернетесь?

— К вечеру будем там, про запас полдня, обратно... Послезавтра к ужину ждите.

— Что-то ты чересчур шустро все рассчитал, друг, — не выдержал я, — то мы плелись по тем местам целую неделю, а то ты как на орлиных крыльях все собираешься успеть.

— Лукка, друг мой, тогда мы играли роль живца, а потому особо не торопились. А в этот раз мы, так сказать, рысью... туда и обратно.

— Измони, выделите все необходимое. Далее, моего... брата... перевести из камеры в малую опочивальню. Не дело отпрыску королевского рода, пусть даже и внебрачному, валяться среди крыс, как последнему вору. Можете отдыхать, господа...

Устало переступая копытами, конь Алассии вступил во двор родового замка де Сусов. Первое, что бросилось в красные от пыли и бессонницы глаза графа, была карета Никсдора.

— Вашу милость герцог дожидается, — принял вожжи мальчишка слуга.

— Давно?.. — Алассия на еле гнущихся ногах ступил на землю.

— Со вчерашнего обеда. Пьяный приехал и сейчас гулять продолжает.

До де Суса не сразу дошли слова мальчишки.

«Пьян? Продолжает пить? Что-то новое! Герцог никогда не злоупотреблял!» Усталость как рукой сняло. Граф направился в гостиную. Попадающиеся навстречу слуги торопливо отходили в сторону, уступая дорогу своему господину.

«Какие-то они все напуганные, — отметил про себя Ловар де Сус, — или герцог их всех запугал, или... новости действительно плохи».

— А, Алассия! — В окружении бутылок и пустых блюд Росорд прямо с ногами возлежал на старинном семейном диване, принадлежавшем еще прапрапрадеду хозяина замка. — Как прогулялись? Много ли воинов осталось в живых? Да ладно, граф, не бери в голову, бери в мешок — легче выкинуть. Лучше вон налей да выпей, сам-то ведь жив!

— И как это все понимать? — оглядевшись, опустился в кресло де Сус, и в самом деле наливая себе вина.

— А что тут понимать, — залпом выпил свою порцию Никсдор. — Скажи лучше, каково себя чувствовать в дураках, а?

— То есть?..

— Что «то есть»? Нас с тобой, мой дорогой, обвели вокруг пальца, как... не знаю кого. И мало того, что просто надули, так еще и подставили! Ты же, когда про «послов» и охоту на них узнал, не удержался, поучаствовать решил? Одной стрелой двух куропаток сбить возжелал?! — Герцог расхохотался.

Внутри у Алассии похолодело. До него начало понемногу доходить.

— Вот скажи, откуда опальная девка может знать все до мельчайших подробностей? А я скажу... вот скажу и все! Она же воспитывалась вместе с Винеттой в этом проклятом монастыре! — Драгоценный бокал раскололся в руке герцога. — Только ее родители

забрали, а принцессе пришлось в ожидании оплаты за содержание торчать там еще два года.

— Откуда известно? — Де Сус, отставив пустой бокал, взял початую бутылку вина и, сорвав с нее пробку, приложился к горлышку.

— Сестра в гости приезжала, она и просветила, — герцог прикрыл рукой глаза, — а потом маркиза пообещала приехать и не приехала. А мой человек весточку прислал, что ее видели при дворе. Под ручку с Винеттой ходят, театр смотрят, обедают вместе... все такое... Просто лучшие подруги, понимаешь! А я, старый дурак, торт пропитать велел... свечи зажечь... постели обогреть... — Никсдор, продолжая шептать, всхлипывал в пьяном бреду.

«Надо отдать должное Винетте — все было продумано едва ли не до мельчайших деталей. — Де Сусу вдруг захотелось напиться самому, — Зная мой характер, она была просто уверена, что я не удержусь и тоже начну охоту. Если бы удача не улыбнулась эльфу и бор-Оту, то она могла улыбнуться мне. Хотя такого финала даже она не могла предположить — сын Гиера ни за что не упустит своего шанса уничтожить лучших и самых преданных людей самозванки».

Улыбнувшись, Алассия в три глотка допил бутылку и закрыл глаза. Усталость и вино брали свое...

Стоя на балконе рядом с королевой, он провожал взглядом быстро удаляющийся отряд.

«Как неудачно все сложилось... Признайтесь, сударь, вы проиграли. И единственное, о чем вам необходимо сейчас думать, так это о своей жизни. Да, вы не стали властителем этого королевства и не разбогатели ни на монетку, но сейчас на карту поставлено намного больше, чем власть и деньги. Мастер, ведун!.. Кто бы мог подумать! А ведь если он и вправду сможет оживить Регарда, то тогда... — он поежился, — Что ж, у меня есть в запасе ночь. Малые покои? Что ж... уж кому, как не мне, знать расположение всех комнат во дворце... и всех тайных переходов».

В голове рождался план, и в первых лучах восходящего солнца он увидел, как в небе черный коршун догонял выбившегося из сил голубя.

«Это знак. Хороший знак».

— Сударыня, вы обещали, — улучив момент, сухо напомнил Айдо, оставшись один на один с матерью Элизабет.

— Я все помню, мастер, — кивнула монахиня, — и обещание сдержу. Но только не сейчас.

— Почему? Что вам мешает?

— Стены, сын мой, стены... — Настоятельница, воровато оглянувшись, шепнула на ухо старому воину: — Здесь столько ушей! А когда все будет кончено, все и станет известно. Скажу одно, ваша королева богата. — И, видя непонимающее лицо Айдо, добавила: — Несметно богата. И именно из-за этого и разразился весь этот сыр-бор. Потерпите немного... тут осталось-то! — Она кивнула на окно.

На Вильсхолл опускался вечер.

— Дети, дети, как вы себя ведете?! — надрывалась мамуля, пытаясь вырвать бочонок из моих рук.

— Мамаша, все нормально! — Асама-Зайка пододвинул кружку. — Пацаны гуляют, победа у нас нынче... с поминами. Ну, за упокой души братьев моих!

— Дело, ик, святое, ик... — вращая головой, кивнул Дуди, — чтоб им там, ик, всем, ик... — тролль затряс рукой, словно собираясь гвоздь забить, — сладко... мягко... и воще!
— Будем! — согласился эльф, опрокидывая в себя кружку и следом поднося другую.
— Боги! Куда вы смотрите! — чуть ли не рыдая, опустилась рядом мамуля, глядя, с какой быстротой уменьшается вино на столе.

— Ну... они смотрят... — Заика задрал голову к потолку, — а кто куда! Дела у них, мамаша, вот и плятятся не на нас.

— Что, молодежь гуляет? — вошел в комнату бор-От.

— Господин Айдо, ну хоть вы подействуйте на них! Совсем без материнского присмотра разболтались. Я все понимаю, кушать-пить хотелось, друзей помянуть надо, победу отпраздновать тоже, так пейте же в меру, кобельи сыны! Не больше трех бутыль на рыло! А они что делают? Уже третий бочонок добивают!

— На рыло?

— Угу... — состроила несчастное лицо мамуля.

— Так, Лукка, Дуди, Заика, прекратить!

— Дядя Айдо... счас допьем и уйдем, — поднялся было на ноги братец, но, не удержавшись, рухнул на пол, уволაკивая за собой скатерть и все, что на ней было. Последним поверх осколков разбившейся посуды улегся полупустой бочонок. Мамуля в мгновение ока ухватила источник наслаждений и, шустро перебирая ножками, помчалась к двери, чуть не сбив укоризненно качающего головой главного местного вояку.

— О, Моня! — кое-как поднялся я, опираясь на хлипкий стол. — У нас сегодня праздник, заходи!

Стол почему-то не выдержал.

Летние ночи в королевском дворце славились своей духотой.

Пробравшийся сквозь щели запертых окон сквозняк приятно обдувал лицо. Если немного повернуть голову, то прохлада коснется запотевшей шеи и груди. Но увы... это бесполезно. Двигаться невозможно, и в полной темноте не видно ни зги. Кажется, что вот так и кончится твоя жизнь — в жуткой душной темноте, на чужой постели, с молитвами, обращенными к Небу, чтобы стражники догадались влить в пересохшее горло малую толику спасительной влаги.

Спать не хочется, да и какой там сон! По неподвижному телу ползает мелкая тварь, ища, где лучше прокусить кожу, чтобы добраться до крови.

Чуть слышный шорох камня о камень, и в комнату входят. Нет, это не стражники. Обычно они входят через дверь, а не через потайные ходы дворца. Человек осторожно подкрадывается к кровати.

— Регард... ты меня слышишь? — шепчет он, наклонившись надо мной.

Я не отвечаю.

— Мне очень жаль, Регард. — Судя по звуку, он достал нож. — Надеюсь, ты простишь меня.

Мысленно представив, как он замахивается, я не выдерживаю и резко перехватываю летящую к моему горлу руку.

— Чтоб тебя! — орет убийца, стараясь вывернуться из моих объятий.

Распахиваются двери, и стражники вносят в королевские покои факелы. Следом за «золотыми» входят Винетта, Айдо, Куп и кто-то еще.

— Добрый вечер, господин де Бонтон. Лукка, сильно не калечь мужика, — прервал всеобщее молчание Куп, — он еще говорить должен.

Вытряхнув из чужой лапы длинный кривой нож, я выворачиваю гаду руку аж до самого затылка. Он верещит, но уже не брыкается, просто шипит, как придавленная камнем змея.

— В подвал... Разговаривать будем утром.

Приказ королевы мгновенно исполняется.

Не скрывая радости, я разминаю затекшие от неподвижности ноги. Лично я доволен! План Айдо удался, и все прошло как нельзя лучше! Только вот не вижу я ответной радости в глазах моих друзей. Словно на похоронах они.

Утро началось с мамули... в смысле с разборов вчерашнего... то есть с ругани...

— Нет, вы это видели?! — размахивая руками, матушка носилась вокруг меня с братцем. — Это они вчера делали вид, что пьяны, как последние гоблины! Вы кого хотели обмануть? Нет... не так... вы кого обманули?! Вы мать свою обманули!

— Но ведь так надо было... — попробовал я защититься, — для общего блага, так сказать...

— Ни одно общее благо не стоит здоровья моих детей и тем более доверия и понимания, которое случается между отцами и дедами.

— Детьми, ты хотела сказать? — подал я голос, но троллина только рукой махнула.

— Я всегда говорила, что тот образ жизни, который выбрал ты, Лукка, не приведет тебя ни к чему хорошему! Мало того что ты связался с людьми (и даже попытался взять одну из них себе в жены!), ты сбил с правильного пути своего родного брата, и теперь мне придется краснеть перед соседями, объясняя истинные причины размолвки между Дуди и Аггаззой... — женщина отчаянно всхлипнула, — вот что я скажу тете Иге из Дальнего Угла?!!

— Скажи, что мальчики настолько повзрослели, что рискнули думать своей головой, — мрачно посоветовал я. — Причем настолько, что жаждут прокладывать свой путь, а не брести по чужим тропам, каждый раз оглядываясь на родню и соседей.

Я понимал, что говорю что-то не то... То есть говорю я правильно... но надо знать, кому говорить подобное! Правда, было уже поздно — меня понесло.

— Передай родственникам, что тролль в любом месте останется троллем, а не куском тряпки, которую можно перекладывать, перешивать или прятать по своему усмотрению и которая даже не пикнет при этом. Теперь по поводу вчерашнего... Мы с Дуди и тем эльфом должны были изобразить полную пьянь, дабы усыпить внимание врага, и нам это удалось.

— Да, это было здорово! — осклабился братец. — Такая смешная игра: пить воду с соком и делать вид, что ты пьешь вино с пивом! Лукка, как-нибудь еще поиграем в пьяниц?

— Почему не сказали тебе? — продолжал я, понимая, что добром моя речь сегодня не кончится. — Потому что тогда об этом знали бы все вокруг, а значит, и те, кому об этом знать и не требовалось. Я сам вызвался полежать вместо Яры, я помог своим друзьям и... — тут у меня язык перестал шевелиться, и слова кончились. Я замолчал, исподлобья глядя на троллину.

— Мама, пожалуйста, перестань думать за нас и устраивать наши судьбы поперек нашим желаниям, мы с Дуди уже давно выросли и... и... — здесь я опять замолчал, понимая, чем все это сейчас закончится.

— Дуди, собирайся, мы сейчас же едем домой!

— А позавтракать? — насупился тролль. — Лично меня... — мамочка то сдвигала, то раздвигала густые брови, — уже накормили...

На этом утро не кончилось!

Тот, которого звали де Бонтон, повел себя самым наиподлейшим образом. Памятуя о прошлых заслугах перед местным отечеством, руки пленнику вязать не стали. И этот гад отблагодарил за доверие тем, что снял бантик с ноги, приладил его к решетке и ночью удавился на нем.

— Оригинально... — насупился Куп, зачем-то трогая пальцем узел петли, — жаль, что не успели поговорить... Теперь уж точно придется за Калиной ехать.

— Зачем он это сделал? — Винетта рассматривала тело мертвого советника.

— Может, испугался будущего допроса? Или... — начал было Айдо, но мать Элизабет его прервала:

— Или уж очень не хотел что-то рассказывать. — Облокотившись на свою клюку, монахиня долго смотрела на неподвижное тело. — М-да... — наконец изрекла она, — а может, это даже и к лучшему? Пойдемте отсюда, хочется свежего воздуха и чего-нибудь выпить.

Мы, правда, без наемников (они в это время все еще дрыхли) расположились на огромном балконе.

— Зачем вообще он все это затеял? — Винетта адресовала свой вопрос настоятельнице. — Мать Элизабет, мне кажется, что вы что-то знаете.

— Думаю, как и что сказать... — Монахиня, держа в тонких морщинистых руках бокал с красным вином, смотрела на выплывающие из-за крыш домов белоснежные облака.

— А как есть, матушка, так и говорите, — улыбнулся сидящий рядом Айдо. — Как говаривал один мудрец, «правду говорить всегда легко и приятно».

— Полагаете? Что же... вы спрашивали, ради чего де Бонтон все это затеял? Ради денег... Вот такая простенькая и даже избитая причина. Когда один из первых Гиеров закладывал здесь дворец, строители наткнулись на золотой рудник.

— Золотой рудник? Где? Здесь?! — Винетта аж подскочила. — Надеюсь, вы не шутите? Почему мне до сих пор ничего не было известно?

— А откуда? Сядь, девочка. Конечно, ты сейчас в кругу близких и преданных друзей, но все же веди себя, как подобает королеве. Почему не было известно? Все просто: рабочих убили, как только была выложена первая кладка. Тайна передавалась от отца к сыну и так далее... вы можете спросить, отчего тогда королевство опустошено и ныне на грани разорения? Самая заурядная жадность... Знаете, есть такая порода людей: будут, дрожа, шарахаясь от каждой тени, сидеть на сундуке с добром до последнего, перехватывая по случаю заплесневелые черствые кусочки хлеба, но даже и мысли не допустят хоть чуть-чуть воспользоваться тем, что имеют.

— Помимо Гиеров, о руднике стало известно Единой Церкви, ведь так? — уточнил Куп. — И земля, как и сам монастырь, были отданы вам за молчание?

— Вот видишь, эльф, ничего и объяснять не надо. Сам все понимаешь. Откуда узнал о руднике герцог де Бонтон? Можно только строить догадки. Но факт остается фактом, именно он и отыскал Регарда-Яру и заключил с ним сделку. И, возможно, посвятил его во все тайны рода.

— Надо отдать должное, — взял слово учитель Айдо, — парень просто талант. Настоящий бор-От. Ему бы еще немного подучиться, набраться опыта и... его имя возглавило бы список мастеров нашей профессии.

— Он поправится? — Лицо Винетты было само спокойствие.

— Вполне вероятно... только это будет так не скоро. И совершенно здоров он уже никогда не будет, — с неподдельной горечью вздохнул старый бор-От. — Надеюсь, вы не выбросите его на улицу.

— Мастер... — королева укоризненно покачала головой, — все же... родная кровь... пусть живет.

— А соблазн, милая, признайся, был. Ведь так? — прищурилась мать Элизабет. — Ну, да ладно... Лучше пообещай старой женщине, что подкинешь пару монет на восстановление монастыря, ладно? — Улыбнувшись, Винетта кивнула. — Так, что у нас еще осталось непонятным?

— Как они хотели на трон усесться? — возник я.

— А что здесь непонятного? — хрипло рассмеялся Куп. — Яра своими проделками показал полную несостоятельность власти королевы. Прости меня, дорогая. Еще немного и...

— И вы бы отреклись от престола, назначив регентом де Бонтона. Ведь так? — разомкнул губы Измони. Винетта снова кивнула. — И тут на сцене появляется отпрыск покойного Гиера. Уверен, что дворяне и народ с радостью бы приняли его.

Все замолчали.

Потом снова заговорили, обсуждая план будущего сражения с мятежниками. Но я их уже не слушал. Меня больше занимало другое: как объясниться с Вакарой и не слишком ли мы с мамулей зашли далеко, послав друг друга куда подальше?...

Рысь я отыскал только к вечеру. Вволю нагулявшись по городу, прекрасная наемница в отведенной ей комнате собирала пожитки перед отправкой домой.

— Привет... — встал я в дверях и замолчал.

— Раз пришел, заходи, — мельком взглянув в мою сторону, вернулась Марга к своему занятию.

Молчание затянулось.

— Я это... попрощаться пришел. Ты ведь завтра уезжаешь?

— Считай, что попрощался, — не оборачиваясь, не то прорычала, не то послала меня Рысь.

— И это... еще... — Очень захотелось завывать, чего-нибудь сломать, сделать все что угодно, лишь бы дорогой мой человек оттаял хоть чуть-чуть, сказал несколько добрых, ласковых слов и...

И не стоило это все говорить вслух! Щеки запылали, во рту пересохло, я, развернувшись истуканом, наострил лыжи.

— Лукка, подожди! — Женская рука легла мне на плечо. — Успеешь...

Она вернула меня обратно в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

— Я тебе... и вправду нравлюсь?

Стараясь не смотреть ей в лицо, я с трудом кивнул.

Мы стояли и молчали... И уже потом до меня дошло, что руки-то наши соединились и сердца обоих бились так, что стены комнаты начали немного дрожать.

— Ты хороший парень, Лукка... — наконец нарушила милая тишину, — жаль... действительно жаль, что у нас ничего не получилось. Попадись ты на моем пути год-два назад, я бы пошла за тобой, даже бросив это поганое ремесло. А сейчас... И дело даже не в твоих... родственниках. Просто сейчас я связана некоторыми обещаниями... Прости... Может быть, потом... когда-нибудь...

Я поднял голову.

Ее большие карие глаза были рядом, прядь волос касалась моей щеки... Большие, чуть приоткрытые, пухлые губы были влажными, и на вкус... и на вкус они пахли земляникой...

На вкус?.. НА ВКУС?!! Черный Тролль и все, кто там! ЧТО ЖЕ МЫ ДЕЛАЕМ?!!

Ранним утром, когда я, поеживаясь от легкой утренней прохлады, потянулся прижаться к теплому мягкому девичьему телу...

Оказалось, что рядом больше никого нет.

Совсем...

— Лукка, ты уже поднялся? — На щеках эльфа играли красные пятна, парень заметно нервничал.

Конечно, я уже давно был на ногах. Застегивая пряжку перевязи с мечом и зачехленным ахастом, я поглядывал на суету во дворе королевского дворца.

«Золотые» Винетты под раздраженные крики Измони садились на коней, пешие солдаты грузились в крытые повозки и спешно выкатывались на преддворцовую площадь.

— Куп, ты что, волнуешься? — Я взял со стола лук с полным колчаном стрел. Темно-синий плащ и огромный квадратный щит с гербом Вильсхолла довершили мой наряд.

— А ты нет? — По-походному одетый эльф рассматривал мой плащ. — Что-то я его не помню, — кивнул он на дорогу мне вещь.

— Это от Марги, — слегка подпрыгнув на месте, я убедился, что все плотно притянуто. Нигде ничего не звенит, не болтается.

В коридоре нас дожидался Ильд-Ми. Втроем мы спустились во двор. Я уселся на огромного бурого жеребца, отметив про себя, что три недели учебы не прошли даром — я сидел в седле не хуже какого-нибудь щеголя-рыцаря.

— Что с тобой сегодня, Куп? — Подъехавший Айдо недовольно шурил глаза на утреннем солнце.

— Да он уже неделю такой, — оглаживая рвущегося вперед коня, усмехнулся Ильд-Ми.

— Можете смеяться, можете меня в сумасшедшие записывать, но, как только мы вернулись в Вильсхолл, у меня такое ощущение, что мы что-то не сделали или забыли кого-то.

Друзья долго и недоуменно смотрят друг на друга. Наконец Айдо расплывается в широкой улыбке:

— Барон и его люди...

— Какой «барон»? Какие еще «люди»? — не понял я.

— Ван де Бешу! — наверное, первый раз в жизни, по крайней мере, при мне, в голос расхохотался Ильд-Ми.

— Точно... — Куп по-детски прикусил кончик языка. — А мужики-то еще там... гуляют!

— И заметьте, молодые люди, — закрыл руками лицо бор-От, — они уже там целых два месяца и... И ничего не знают!!!

Проводив глазами умчавшуюся на юг королевства конницу Бревтона, Калина вернулся в хижину. Само, собрав свой нехитрый скарб, ожидал старого ведуна.

— Ушли? — только и спросил он.

— Пролетели, только пыль осталась... — Старик присел рядом. — Я вижу, и ты уже

навострился.

— Надо, отец, понимаешь, надо...

— Ты через юг не ходи, там нынче жарко будет. Еще прибьют походя, а так на кой я на тебя столько сил угробил.

Вор только улыбнулся в ответ:

— Не бойсь, старик, я осторожен буду.

— Ну-ну. — Калина, вытащив из-за пазухи тощий кошелечек, бросил его на колени ремесленника: — Здесь немного, но хватить должно.

— Отец... — начал было вор.

— Заткнись, — одернул его ведун. — Дают — бери. Мне деньги здесь ни к чему, а тебе еще парня одеть, обусть да накормить надо будет. Грамотку не забыл? Вот и молодец. Давай-ка лучше помолчим на дорожку.

— Я тут подумал... — поскреб ведун морщинистую щеку, — ты, как мальчишку из темницы заберешь, давай его сразу сюда. Поживете тут покамест... хватит по закоулкам лиходеичать. А я мальчика лечить поучу, там еще премудростям каким. Или ты хочешь, чтоб он по отцовой линии пошел? Людей обирать да собственную смерть по острогам искать? Тебя уже не переучишь, у тебя в сердце долг кровавый сидит, а сына друга своего с панталыку не сбивай, не надо.

До окраины леса, туда, где начиналась дорога, они дошли вместе.

— Ну, давай, паря, — обнял старик Само, — как говорится, в час добрый. — И вдруг резко схватив ремесленника за грудки, яростно зашептал ему в ухо: — Чтоб сразу же сюда, понял?!

— Как не понять — понял, — опешил вор, сразу же забыв о потаенных мыслишках. — Вернусь, обещаю.

— Смотри, паря. — Калина разжал пальцы и уже дружелюбно похлопал Само по плечу: — Иди и помни: ждут вас здесь.

Забросив за спину заштопанную котомку, ремесленник углубился в лес. Шагалось легко и свободно, и почему-то казалось, что жизнь прекрасна и все будет хорошо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Тэндх — человек (орк.)

Бор-От — воин-рыцарь, мастер боя (наугск.)

Ладрай — бог пьяных оргий (гном.)

Картурак — наркотик, оркское название фэла.

Шал-тия — противник, враг (орк.). Здесь — королевские солдаты

Сесболдоу — букв. — двухнедельный поросенок (орк.); ругань — засранец.

Уродцы — здесь: слуги Отродья, помесь обезьян и падших ангелов. В религии людей и перворожденных троллей — ангелы или призраки смерти.

Баргаут — мощный троллий лук длиной около 200-230 см.

Эльфар — людской вариант дальнобойного эльфийского лука. Отличается от оригинала способом и материалом изготовления.

Гобло — гоблин (тролл.)

Полторушка — стрела дальнего боя.

Итабр — бог врачевания и удачи.

Ватга — походный переносной шатер (трол.)

Чернушка — бронбойная орочьа стрела.

Акай-ан-Лагу — один из великих мечей Грани, выкованный из неизвестного необычайно легкого сплава. По одной из легенд клинок был собственноручно выкован богом ветра Лагуатом для бессмертного героя Пэлтая из Тана-Виг для сражений на стороне Старших Богов в Великой Войне Граней.

Взять этого ублюдка живым! Я лично отправлю его в норы Устаха! (Орк.)

Хулливед — 1) неправдоподобная легенда; 2) счастливое разрешение; 3) нечаянное избавление (гном.)